

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ОБЩЕСТВА
В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СТРАНЫ**

**МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ
26 сентября 2008 года**

Часть 2

**МОСКВА
2008**

26 сентября 2008 года в Москве Общественная палата Российской Федерации провела пленарное заседание по вопросу «О повышении роли общества в решении проблем национальной безопасности страны», подготовленное Комиссией Общественной палаты по делам ветеранов, военнослужащих и членом из семей.

В заседании приняли участие члены Общественной палаты, представители Совета безопасности Российской Федерации, общественных и государственных организаций, Вооруженных сил Российской Федерации, других министерств и ведомств, имеющих в подчинении войска, воинские формирования и органы, а также работники сферы производства, образования и науки, ветераны, прибывшие из всех регионов страны.

В ходе пленарных и секционных заседаний выступило 53 человека, были подняты актуальные вопросы национальной безопасности, связанные с опасностью внешних угроз и вызовов современной России; основные тенденции развития взаимодействия силовой составляющей государства и общества; тенденции развития оборонно-промышленного комплекса и науки; этнополитические и информационные аспекты национальной безопасности.

По итогам пленарного заседания приняты рекомендации, которые были направлены в федеральные органы законодательной и исполнительной власти, а также всем заинтересованным организациям.

Материалы Пленарного заседания опубликованы в двух частях.

Часть 1 содержит доклад Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, по поставленному в повестке дня вопросу, а также доклады, содоклады и выступления участников пленарного заседания, итоги работы секций, рекомендации Общественной палаты Российской Федерации.

Часть 2 включает материалы ряда научно-практических конференций и «круглых столов», которые были проведены по инициативе Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членом из семей. В ходе этих мероприятий ведущие специалисты по вопросам безопасности, обороны, экономики, эксперты в гуманитарной сфере, практические работники обозначили широкий круг вопросов, создавший поле для продуктивного обмена мнениями на пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации.

Также сюда включены статьи, посвященные событиям в Южной Осетии, проблемам возникновения и предупреждения военных конфликтов, обеспечения безопасности Российской Федерации.

Содержание

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ — ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ <i>Материалы «круглого стола»</i>	5
---	---

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ В ИНТЕРЕСАХ ОБОРОНЫ СТРАНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗВИТИЯ <i>Научно-практическая конференция</i>	11
---	----

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Материалы «круглого стола»</i>	17
--	----

ОБЩЕСТВО И АРМИЯ: РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРЕСАХ УКРЕПЛЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ <i>Материалы «круглого стола»</i>	39
--	----

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ <i>Материалы «круглого стола»</i>	65
--	----

Приложение

В.И. Лутовинов Военно-патриотическое воспитание требует системного подхода и государственной поддержки	81
--	----

Б.И. Каверин Воинственность и миролюбие в человеческом измерении	87
---	----

В.В. Ковалев

Предотвращение
вооруженных конфликтов
на постсоветском пространстве
в философии внешней политики
Российской Федерации _____ 89

О.Н. Забузов

Россия в информационном пространстве
в ходе вооруженного конфликта
в Южной Осетии _____ 92

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ —
ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Материалы «круглого стола»
Военная академия Ракетных войск
стратегического назначения им. Петра Великого**

22 сентября 2008 года

22 сентября 2008 г. в Военной академии РВСН имени Петра Великого прошло заседание «Круглый стол» (научной конференции), организованное Академией военных наук РФ, Национальной Ассоциацией «МЕГАПИР» и Фондом «Наука XXI». Тема научного заседания **«Стратегическое сдерживание — важнейшее направление обеспечения национальной безопасности в современных условиях».**

В его работе приняли участие представители Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, главных штабов видов Вооруженных Сил, аппарата Совета безопасности РФ, Военно-промышленной комиссии, Государственной Думы и Совета Федерации РФ, Института военной истории Министерства обороны РФ, другие военные ученые.

С основным докладом выступил президент Академии военных наук РФ **генерал армии М.А. Гареев**. Председатель Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, председатель Совета директоров Национальной Ассоциации «МЕГАПИР» **А.Н. Каньшин** в своем докладе осветил «Роль российского общества в решении задач национальной безопасности и осуществлении стратегического сдерживания», а представитель Совета Федерации и Фонда «Наука XXI» **генерал-лейтенант А.И. Витковский** — проблемы нормативного (законодательного) обеспечения национальной безопасности РФ. Среди выступивших были представитель МИД РФ **С.И. Кастырин**, первый вице-президент АВН **генерал-полковник В.В. Коробушин**, член-корреспондент Академии военных наук РФ **генерал-лейтенант В. Шатохин**, адмирал **Е.И. Волобуев**, председатель Правления Национальной Ассоциации «МЕГАПИР» **генерал-полковник Ю.Д. Букреев**, представитель Администрации Президента Российской Федерации **С.А. Модестов**, **Н.И. Балахонцев** и другие.

Открыл заседание доктор исторических наук, доктор военных наук, генерал армии, профессор, президент Академии военных наук РФ **М. Гареев**. В своём выступлении он подчеркнул, что в мире происходит структурная перестройка глобальной экономической системы, когда преимущественную роль играет не реальная экономика, основанная на природных ресурсах, промышленном и сельскохозяйственном производстве, а виртуальная ее модель, базирующаяся на кредитно-финансовых технологиях, позволяющих получать прибыли из самого процесса управления, ничем не подкрепленных финансовых операций.

И пользуясь этим, транснациональные компании получают возможность оказывать давление на другие страны, искусственно создавать в неудобных странах финансовые и другие кризисные состояния и под предлогом их несостоятельности навязывать правителей из-за рубежа. Геоэкономика, где ведущую роль играют транснациональные экономические и финансовые структуры, размыкает не только государственный суверенитет, но и государственную принадлежность экономической экспансии, с которым как с призраком очень трудно бороться. **Очевидна и антироссийская направленность всей этой экспансии. Как отмечал З. Бжезинский: «В XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России».**

В тупиковой ситуации оказываются не только экономика, но и либеральная идеология. В стратегии национальной безопасности США сказано: «США несут глобальную ответственность за защиту демократии в планетарном масштабе». Но реальная политика по насаждению «демократии», особенно то, что делается в Ираке, Афганистане, Косово, Грузии, или предвзятая деятельность ОБСЕ по оценке легитимности выборов в тех или иных странах — только дискредитирует подлинное понимание демократии.

Один из идеологов внешней политики США за несколько месяцев до 11 сентября говорил, что для того, чтобы встряхнуть Америку и вывести ее из кризиса, нужно что-то вроде нового Пёрл-Харбора. Кто устроил взрывы в Нью-Йорке, не имеет значения. Но коренной поворот в политике после этого, силовые акции, устроенные в Афганистане, Ираке и других районах мира, создание военных баз вокруг России, не оставили сомнений в том, кому были нужны эти взрывы.

Вместе с тем, Россия по-прежнему, обладает огромной территорией, выгодным геополитическим положением на Евразийском материке, большими природными ресурсами, научно-техническим и промышленным потенциалом, значительными ракетно-ядерными силами. Реальность теперь такова, что без России в современном мире ни один серьезный вопрос решить невозможно. Исходя из этого, одним из важнейших геополитических факторов развития России является возрождение России как великой державы и не региональной (ибо она расположена в нескольких крупных регионах Евразии), а действительно великой в глобальном масштабе.

И это определяется не чьим-либо желанием, не только ядерным оружием, размерами территории, а историческими традициями и объективными потребностями развития российского общества и государства. **Или Россия будет сильным, независимым и единым государством, объединяющим все ее народы, республики, края и области, что в интересах всего человечества, или она рассыплется, породив многочисленные конфликты, и тогда с ситуацией в Евразии, начиненной оружием массового поражения, не справится все международное сообщество. Или Россия — великая держава, или ее вообще нет. Другой альтернативы не существует.**

Далее он остановился на существовании стратегического сдерживания, как комплекса «взаимосвязанных политических, экономических, информационных, дипломатических, военных и других мер, направленных на предотвращение угроз и других агрессивных действий со стороны государства или коалиции государств, путём ответных мер». Он отметил, что стратегическое сдерживание должно осуществляться усилиями не только государства, для решения этих задач необходимо широкое привлечение общественности, негосударственных организаций, частного капитала.

По его мнению, в масштабе государства стратегическое сдерживание подразумевает, прежде всего, накопление экономической, политической и

военной мощи. Было подчеркнуто, что при этом необходимо согласование всех составляющих государства и общества. «Требуется более последовательный и системный подход к обеспечению национальной безопасности России. Поскольку угрозы носят не только военный, но, в значительной мере, и невоенный характер, и эти угрозы переплетаются друг с другом, необходимо, прежде всего, обеспечить органическое единство и согласованность осуществляемых государством мер противодействия этим угрозам.

Нужна тесная координация деятельности всех государственных и общественных организаций в деле противостояния этим угрозам и обеспечения надежной оборонной безопасности. Если годами тлеет где-то конфликт, то за это нет спроса, нет ответственности. Значит, нужна система государственных мер, обязывающая соответствующие государственные органы решать эти вопросы. Иначе опять это всё будет ложиться на плечи солдат и офицеров».

Нельзя упрощать и борьбу с терроризмом, сводя ее только к действиям спецподразделений. В реальной жизни мы видим, что так называемые террористы могут захватывать целые страны, как это было в Афганистане, Косово, с применением большого количества бронетанковой техники, артиллерии, авиации. Для противодействия им потребуются организованные действия регулярных войск. Поэтому в военном строительстве, при определении возможного состава группировок войск на важнейших Театрах военных действий целесообразно исходить не только из сложившейся сегодня обстановки и имеющихся сил и средств, а из того, что может потребоваться в перспективе, в самой неблагоприятной обстановке. **Традиционная американская и натовская формула оценки соотношения сил гласит: «Судить не по намерениям другой стороны, а по ее возможностям».** Именно различия возможностей Сухопутных войск, ВВС, ВМС порождают в первую очередь угрозы на важнейших стратегических направлениях.

Таким образом, главным в Новой концепции национальной безопасности должны быть не отвлеченные призывы и декларации, а определение конкретных задач, функций и системы ответственности личности, общества и государства за обеспечение национальной безопасности России.

В ходе последующих выступлений были обсуждены внешнеполитические аспекты обеспечения стратегического сдерживания угроз, вопросы роли ядерного оружия в решении задач по поддержа-

нию стратегической стабильности, нормативного обеспечения и информационной составляющей в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и другие.

Был поднят ряд проблем и вопросов, имеющих непосредственное отношение к стратегическому сдерживанию. В частности, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, доктор философских наук **А. Каньшин** отметил, что прогнозные оценки говорят о возрастании уровня существующих и потенциальных угроз России, что требует новой модели соотношения общества и силовой составляющей государства. Уже сегодня против нас ведется целенаправленная информационно-психологическая война. В связи с этим мы должны говорить о серьезных проблемах в системе военно-патриотического воспитания молодежи и подготовки ее к военной службе, возрождении шефства общества над армией и другими силовыми структурами общества, выработке и реализации планов строительства и развития Вооруженных сил и других силовых структур, о социальных проблемах военных, борьбе с коррупцией, совершенствовании законодательства в этой области. Он высказал мнение о том, что решать проблемы национальной безопасности необходимо с вопросов оснащения армии, подготовки солдат, их социальной устроенности. Отдельной темой в выступлении прозвучал призыв, к осуществлению гражданского и общественного контроля за силовыми структурами: **«То, что у нас, по официальным данным больше 20 миллиардов разворачивается на оборонном заказе, идёт кадровая чехарда — это говорит о том, что установлен слабый гражданский контроль. Военным, может быть, неэтично поднимать такие вопросы, а общественность могла бы».**

Первый вице-президент Академии военных наук генерал-полковник **В.В. Коробушин** остановился на ядерном сдерживании, как важнейшем компоненте в общей системе стратегического сдерживания и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. По сути ядерное оружие России играло и будет в дальнейшем играть роль основного сдерживающего фактора, который обеспечивает стратегическую стабильность. **«В настоящее время главную задачу по выполнению стратегического сдерживания выполняют стратегические ядерные силы. Поэтому России следует поддерживать и совершенствовать ракетно-ядерный потенциал, включая военную и промышленную компоненту на уровне, достаточном для сдерживания**

возможной агрессии, которая может быть направлена против нее».

Член-корреспондент Академии военных наук РФ генерал-лейтенант **В. Шагохин** так же остановился на ядерной составляющей стратегического сдерживания. Он подчеркнул, что приходится с горечью констатировать, что Силы общего назначения наших Вооруженных сил в результате не продуманных реформ, с их малочисленностью, неукомплектованностью, недостаточной обученностью, устаревшими (на 86%) вооружением, средствами разведки, РЭБ, управления войсками, оружием и связи, системой обеспечения и экипировкой солдата и офицера на поле боя не могут решать задачу сдерживания агрессии, а в случае ведения боевых действий с хорошо оснаренным и подготовленным противником, побеждать его.

Поэтому единственным реальным средством, которое мы имеем на сегодняшний день по сдерживанию НАТО и США от прямой агрессии — это наш ядерный потенциал. Сегодня Соединенные Штаты еще понимают, что с Россией, пока она обладает достаточным ядерным потенциалом, и в первую очередь оставшимися тяжелыми ракетами, невозможно поступать как с Югославией и Ираком. Поэтому и реализуется двуединая цель: первая — окружить Россию кольцом недругов путем расширения НАТО, постоянно провоцируя ее, и вторая — лишить Россию ядерного потенциала или понизить его до безопасного для США уровня, в том числе с учетом развертывания ими полномасштабной системы Противоракетной обороны. Именно поэтому вопросы повышения эффективности ядерного сдерживания потенциальных противников для России являются краеугольным камнем всей системы стратегического сдерживания агрессии.

Нормативно-правовую сторону стратегического сдерживания проанализировал Первый вице-президент Фонда содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI», кандидат военных наук, генерал-лейтенант **А. Витковский**. Он подчеркнул, что многие нормативно-правовые акты по обеспечению как военной, так и национальной безопасности, устарели. Требуется их существенная переработка. Ещё одна проблема, поднятая им это законодательное обеспечение деятельности Вооружённых Сил РФ. **«Это единственная силовая структура, деятельность которой не регулируется отдельным законом. Требуется принятие закона «О Вооруженных силах Российской Федерации».**

В последующем, выступавшие коснулись таких тем стратегического сдерживания, как человеческий потенциал, система управления войсками, роль военно-морской мощи, участие общества в обеспечении национальной безопасности и других. Большое внимание уделялось и информационной составляющей стратегического сдерживания. Подчеркивалось, что сейчас информационные ресурсы приобретают всё более заметное место в общем потенциале государства и информационное противоборство становится ключевой компонентой сдерживания, особенно в мирное время.

Председатель Правления Национальной Ассоциации «МЕГАПИР» **генерал-полковник Ю.Д. Букреев** подчеркнул, что ядерные силы являются важнейшим фактором сдерживания в глобальном масштабе. Однако как показывает мировой опыт и практика последних десятилетий с их многочисленными локальными и региональными конфликтами и войнами этого фактора недостаточно. В связи с этим особое положение занимают силы общего сдерживания основу которых составляют Сухопутные войска.

Для их модернизации в первую очередь необходимо решить следующие задачи:

- преодоления несовершенства системы разработки и распределения новых образцов вооружения и военной техники. Наша техника стремительно устаревает и уже не отвечает современным требованиям. Поступление же новых образцов ни в коей мере не удовлетворяет потребности армии и флота;
- изменения приоритетов развития Вооруженных сил РФ, сосредоточивания основных усилий на разработке в области навигационного обеспечения войск, системы войсковой разведки, АСУ, РЭБ. А для этого следует развивать прежде всего электронную промышленность.
- пересмотра концепции военного образования, приведение его к нормам современных требований. Улучшение социально-экономического положения командных кадров;
- коренного изменения лица армии, как ее внешнего вида так и боевой экипировки военнослужащих которая сегодня не выдерживает никакой критики.

Учитывая сложившуюся ситуацию, имеется потребность в создании независимого от Министерства обороны РФ контролирующего органа-Инспекции, с включением в ее состав опытных военачальников способных осуществлять проверки состояния войск раз в пять лет. Результаты ее работы с выводами и предложениями могли бы существенно улучшить ситуацию в армии и на флоте.

В заключение **генерал армии М.А. Гареев** поблагодарил всех собравшихся и констатировал, что цели, стоящие перед заседанием «круглого стола» достигнуты. Участники обсудили проблемы, формы и методы планирования, организации и пути осуществления стратегического сдерживания в современных условиях. Было заявлено, что по итогам заседания будет издан сборник выступлений, а также подготовлены предложения в Совет Безопасности Российской Федерации.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОДГОТОВКИ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ
В ИНТЕРЕСАХ ОБОРОНЫ СТРАНЫ
И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗВИТИЯ**

**Научно-практическая конференция
Военная академия Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации**

23 сентября 2008 года

23 сентября 2008 г. в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации состоялась научно-практическая конференция «Современные проблемы подготовки людских ресурсов в интересах обороны страны и возможные пути их развития», организатором которой выступил Клуб военачальников Российской Федерации. В ее работе приняли участие представители Администрации Президента РФ, Правительства РФ, Государственной Думы, Общественной палаты РФ, Министерства обороны РФ, Министерства внутренних дел РФ, Минздравсоцразвития РФ, Минобразования и науки РФ, других силовых министерств и ведомств, Главной военной прокуратуры, военных комиссариатов, РОСТО (ДОСААФ), военно-учебных заведений, ученые и специалисты в области демографии, ветеранских и других общественных организаций. С докладами выступили: начальник ГУБП и СВ Министерства обороны РФ генерал-лейтенант В.А. Шаманов, начальник управления ГОМУ генерал-майор А.Н. Колесов, заместитель Министра здравоохранения и социального развития Р.А. Хальфин.

Открывая конференцию, генерал армии А.С. Куликов подчеркнул, что происшедшие в последние годы изменения политического, экономического, территориального и военного положения России требует нового подхода к анализу характера внешней опасности, которая есть и может возникнуть в будущем и от которой зависит безопасность России.

Геополитические процессы породили новые опасности и факторы «риска», изменив характер существования открытой угрозы между Западом и Востоком на опасность, неясную, непредсказуемую, могущую возникнуть в силу стечения целого

ряда причин и обстоятельств совершенно с неожиданных направлений.

Военный фактор, участвующий в формировании национальной безопасности, должен обеспечить выживание и развитие России. Можно осуществлять какие угодно политические маневры, вести бесконечно углубляющиеся политические диалоги, перестраивать по-разному экономику различными реформами, но нельзя получить ни политических, ни экономических дивидендов в мировой политике для независимой и возрождающейся России без опоры на Вооруженные силы.

Сегодня по периметру России расположено свыше 1000 военных баз, содержащих до 20 тысяч различных средств воздушного нападения, свыше 40 тысяч танков, 10 тысяч ракетных комплексов различного назначения, свыше 500 кораблей, в том числе подводные лодки с баллистическими и крылатыми ракетами. Вся эта мощная военная машина скреплена единой системой управления. Противостоящие вооруженные силы превосходят нас в 2,5—3,5 раза, а по силам общего назначения в 2 раза. Американцы удерживают превосходство в воздушно-космическом пространстве и на море. При этом взгляды США и командования НАТО не исключают применения всех этих сил против России.

К обороне страны и ведению крупномасштабных боевых действий должны быть подготовлены не только Вооруженные силы, но и большинство населения страны, занятого в производстве военной продукции, а также для сохранения или восстановления живучести экономики, системы управления и транспорта.

В сегодняшних условиях эти вопросы приобретают особую остроту.

Во-первых, началась естественная убыль населения, которая составляет за последние 15 лет около одного миллиона человек в год.

Во-вторых, депопуляция охватывает ныне не только Центрально-Европейские и Уральские регионы, но и Сибирь, Дальний Восток и ряд республик в составе России.

В-третьих, интенсивное развитие депопуляционных процессов происходит у основного этноса России — у русских, что представляет собой не столько этническую, сколько общегосударственную проблему.

В-четвертых, демографический фактор продолжает дестабилизировать различные отрасли социально-экономической сферы, а именно: разнонаправленно меняется потребность в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах и других учебных заведениях, колеблются предложение и спрос на рынке труда; Вооруженные силы и другие войска будут продолжать испытывать трудности с призывом.

В современных условиях Вооруженные силы государства комплектуются на основе сочетания воинской обязанности и добровольного поступления на военную службу по договору или обязательству (контракту). Принцип воинской обязанности позволяет наиболее эффективно и, относительно экономно готовить военно-обученный мобилизационный людской ресурс. При добровольном комплектовании Вооруженных сил подготовка и накопление людских мобилизационных ресурсов в резерве (запасе) усложняется, а количественное накопление идет намного меньше, чем при воинской обязанности, а содержание личного состава возрастает.

Развитие Вооруженных сил и военной экономики породили много новых проблем, в том числе:

- резкое повышение уровня сложности военной техники и насыщенности ею войск обостряет проблему комплектования Вооруженных сил личным составом и подготовки мобилизационных ресурсов в целом;
- быстрая смена поколений оружия и военной техники (5—7 лет) требует более частой переподготовки специалистов, а тенденция углубления специализации воинского труда (количество военных специальностей за послевоенный период выросло в 25 раз) усложнило

проблему подготовки мобилизационных ресурсов;

- сроки для качественной подготовки военных специалистов стали выходить за временные границы действительной службы военнослужащих (за последние 20 лет количество приборов на военной технике возросло в 10 раз, а время на принятие решения сократилось в 5—7 раз).
- переход к частному производству породило ряд новых проблем и в подготовке трудовых ресурсов для Военно-промышленного комплекса страны. В частности, конверсионные программы, осуществляемые в России, приводят к резкому сокращению числа высококвалифицированных работников в оборонных отраслях промышленности и к необратимым процессам в подготовке научно-технических кадров военного производства.

Генерал-полковник запаса Р.С. Акчурин, директор Центра военно-патриотического и гражданского воспитания Департамента образования г. Москвы, в своем выступлении отметил, что сейчас проблеме подготовки населения к обороне уделяется большое внимание. Правительством г. Москвы принимаются меры по восстановлению в учебных заведениях разрушенной системы начальной военной подготовки — в школах открываются специализированные классы, проводятся сборы старшеклассников на базе воинских частей. В этой работе велика роль общественной организации РОСТО (ДОСААФ), она постоянно оказывает помощь в этом начинании, много сделала и делает для патриотического воспитания молодежи, подготовки населения к защите Отечества.

В обсуждении активное участие приняли так же председатель Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей А.Н. Каньшин, сотрудники государственных структур, силовых ведомств страны и научные специалисты в области здравоохранения, а также члены Клуба военачальников Российской Федерации и представители социально-ориентированных бизнес компаний, таких как Союз «Маринс Групп». Особое внимание было обращено на позитивную роль благотворительных инициатив частных предпринимателей.

А.Н. Каньшин в своем выступлении подчеркнул, что «в сложившихся условиях основными на-

правлениями взаимодействия общества и силовых структур являются повышение авторитета и престижа военной службы, социального статуса военнослужащих, приведение законодательства о воинской службе в соответствие с современными условиями, совершенствование системы гражданского контроля над силовыми структурами и предприятиями оборонно-промышленного комплекса, шефство общества над армией, патриотическое воспитание молодежи. Вместе с тем, очевидно, что многочисленные общественные формирования разрознены, а их взаимодействие с органами военного управления недостаточно регламентировано и во многом зависит от субъективных подходов к вопросам открытости силовых структур для общества, объединение их усилий — основная задача Общественной палаты РФ».

Большой проблемой, по его мнению, является несоответствие действующих государственных образовательных стандартов Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе». «Учитывая сокращение срока военной службы по призыву до одного года, подготовка молодежи к армии вне рамок военной службы приобретает особую важность».

В ходе конференции был поднят целый комплекс проблем, как военно-технического характера, так и социально-демографического. В военно-технической составляющей озвученные проблемы предлагается решать комплексом мер. Сюда входит и принцип обязательной приписки военнообязанных к войсковым частям по прямому должностному предназначению, освоенному за период военной службы, целенаправленное распределение призывников по военным округам для приобретения важных специальностей, необходимых по месту приписки, более тщательная работа над целевым призывом, который часто не выполняется полностью. Кроме того, обучение военнослужащих РВСН и войск ПВО смежной специальности для создания мобильного резерва по месту жительства, а также подготовка военных специалистов несложных специальностей за счёт службы в других войсках.

Социально-демографический аспект имеет особенно широкий пласт глубоко укоренившихся проблем, многие из которых не имеют прямого отношения к военной службе. В частности, необходимо создание социально-экономических и де-

мографических условий не только для воспроизводства населения страны, но и увеличения её людских и трудовых ресурсов. В качестве первоочередных мер по разрешению социальных проблем, помимо повышения уровня жизни и решения задач по улучшению положения в семейно-бытовой сфере, нужно повысить престиж военной службы, усовершенствовать систему профессионального отбора и её интеграцию в общегосударственную систему профориентации, кроме того, имеет смысл замещение ряда должностей военнослужащих рабочими и служащими, а также учёт социально-психологических и национальных факторов при подготовке к службе в армии.

Также выступавшие признали, что попытка в рамках военной реформы оптимизировать способ комплектования армии путём приёма на военную службу добровольцев, не сняли остроту проблемы нехватки призывного контингента. В качестве решения предлагается на контрактной основе комплектовать не все категории военнослужащих, а только сержантский состав и младших технических специалистов, низкий уровень подготовки которых порождает ряд негативных явлений.

Призыв молодых людей на должности, не требующие длительной подготовки, на срок 1 год для Сухопутных войск и 1,5 года для Военно-морского флота позволит готовить мобилизационные ресурсы в запас. К 2010 г. соотношение профессионалов и призывников целесообразно иметь 70% к 30%, но это тот порог, ниже которого опускаться нельзя.

Сотрудник Научно-исследовательского центра «Наука XXI века», доктор экономических наук, профессор И.В. Чистов в своём докладе рассмотрел социально-экономические аспекты комплектования личным составом Вооружённые силы Российской Федерации. В частности, он заявил: «Реформирование Вооружённых сил Российской Федерации проходит в условиях жесткой ограниченности бюджетных ассигнований. Это требует новых подходов к экономической оценке финансово-экономического обеспечения комплектования Вооружённых сил Российской Федерации и определяет необходимость повышения степени обоснованности решений, принимаемых в области преобразования системы комплектования Вооружённых сил Российской Федерации».

и четкости их исполнения. В этой связи, ключевым представляется проведение комплекса взаимосвязанных действий, позволяющих проводить военно-экономический анализ различных вариантов состава и численности Вооруженных сил Рос-

сийской Федерации и определять оптимизированные варианты, обеспечивающие рациональное использование тех ресурсов, которые государство выделяет на обеспечение своей военной безопасности».

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Материалы «круглого стола»
Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации (кафедра национальной безопасности)
Межрегиональной общественной организацией
«Комитет национальной безопасности»**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прохожев Алексей Александрович,
профессор кафедры национальной безопасности
РАГС, доктор экономических наук

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, давая оценку событиям 8 августа 2008 года, сказал, что они показали сбой существующей системы международной безопасности и необходимость новых подходов к решению данной проблемы.

Это верно, но фактически последние события на Кавказе отчетливо продемонстрировали не сбой, а скорее окончательный закат и полную недееспособность системы международной безопасности, созданной после второй мировой войны.

Последние кровавые события на Кавказе отчетливо высветили, на наш взгляд, прежде всего две критически значимые проблемы в обеспечении внешней безопасности России. Во-первых, конфликт с Грузией отчетливо продемонстрировал неподготовленность страны к отражению возможной внешней военной агрессии. Во-вторых, Россия в очередной раз потерпела полное поражение в информационной войне с Западом.

1. О предстоящей силовой акции со стороны Грузии политическое и военное руководство России было прекрасно осведомлено, в связи с чем в предшествующий период Россия неоднократно предпринимала безуспешные попытки в Совете Безопасности ООН заставить Грузию взять на себя обязательство о неприменении силы во взаимоотношениях с Абхазией и Южной Осетией. Тем не менее, агрессия Грузии 8 августа 2008 года, в Южной Осетии застала руководство России врасплох. Какой-либо стройной системы реагирования на агрессию и ее отражение, заблаговременно созданной, в стране нет. В результате в течение двух

суток руководство страны не принимало никаких конкретных решений, наблюдались растерянность и полная бесконтрольность хода событий.

Именно потерей управления в эти дни можно объяснить первоначальные успехи грузинской стороны и неоправданно высокие потери людей и материальных ресурсов с югоосетинской и российской стороны в ходе операции. Каких-либо действий в период всего конфликта со стороны Совета Безопасности Российской Федерации вообще не просматривается. Только через двое суток начали приниматься ответственные целенаправленные решения, хотя и не всегда грамотные с военной точки зрения. Ведь только некомпетентные лица могли отдать приказ о применении дальней авиации по тактическим целям. Хорошо, что грузины успели сбить только один стратегический бомбардировщик. В ходе операции отчетливо проявились многие пробелы в организации связи и других видов боевого и тылового обеспечения боевых действий войск.

Грузино-осетинский конфликт имел мелкомасштабный характер, но в настоящей современной войне неуправляемость в течение двух суток неотвратимо гарантирует поражение и достижение поставленных противником целей войны. Поэтому тяжелый пример этого конфликта требует не только узкого обсуждения в Государственной Думе, но детального рассмотрения всей системы готовности страны к войне в Совете Безопасности Российской Федерации с привлечением профессионалов и выработкой срочных мер по коренному изменению сложившейся ситуации в этой области.

2. Следует признать, что все действия российской стороны в ходе военного конфликта на Кавказе и последующие мероприятия по признанию независимости республик Абхазия и Южная Осетия абсолютно не были подготовлены с позиций обеспечения информационной безопасности. Можно

бесконечно переводить стрелки на продажную прессу и другие средства массовой информации, как своей страны, так и всего окружающего пространства, но сколько же можно наступать на одни и те же грабли и с несгибаемым упорством упрямо игнорировать общественное мнение людей и необходимость целенаправленной повседневной работы по формированию этого общественного мнения.

Ведь кто-то должен, в конце концов, нести ответственность за постоянные провалы в этой сфере государственного управления. По большому счету материальные и финансовые грядущие потери России из-за катастрофического падения ее имиджа на международной арене в сотни раз превысят все расходы на укрепление оборонной мощи страны. Более того, масштабы этих потерь могут реально подорвать материальную базу инновационного развития страны — основы стратегии развития России до 2020 года.

Кто, наконец, ответит за реально наносимый ущерб стране в результате постоянных провалов в информационной войне? Совершенно непричастный к этой сфере генерал Ноговицын, которого заставили оправдывать действия Правительства РФ, ее Вооруженных Сил, но при чем тут Генштаб? Это не его сфера ответственности.

Все многочисленные наши поражения в информационной борьбе в России традиционно принято оправдывать двойными стандартами Запада при оценке тех или иных событий во взаимоотношениях с нашей страной. Но неужели трудно осознать, что на Западе не было, нет, и не будет никаких двойных стандартов. У них всегда один стандарт в международных отношениях: все, что соответствует их национальным интересам и выгодно им, единственно верно и истинно. Давно пора и нам научиться аналогичным образом относиться к своим национальным интересам и отстаивать их столь же последовательно.

Почему же мы регулярно проигрываем информационную борьбу?

Основной причиной в этом плане представляется деидеологизация нашей жизни и воздействие невиданной ранее воинственной информационной, культурной и, главным образом, идеологической экспансии Запада против нашей страны.

Мы отказались от идеологии, а Запад всячески ее усиливает, поскольку идеология — это форма выражения национальных интересов.

Нужно срочно возродить национальную идеологию, т.к. без идеологии не может быть и нормального государства.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Поздняков Александр Иванович,
профессор Военной академии Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации,
доктор философских наук

Анализ существующих определений безопасности вообще и национальной безопасности, в частности, позволяет утверждать, что *наиболее распространены три подхода* к трактовке этих понятий: официальный, системно-философский и аксиологический.

В контексте *официального* подхода безопасность определяется как защищенность *интересов* (в том числе и национальных) от внутренних и внешних угроз¹.

Сторонники *системно-философского* подхода в определении безопасности акцентируют внимание на сохранении *целостности, устойчивости, стабильности и нормального функционирования* системы (страны, государства, общества как социальной системы) при деструктивных воздействиях на нее².

В определении безопасности с позиций *аксиологического* подхода смысловой акцент делается на *защищенности принадлежащих субъекту материальных и духовных ценностей от ущерба*. В этом подходе национальная безопасность определяется как защищенность национальных ценностей, национального достояния от значимого ущерба³.

Главной задачей государственной власти в области обеспечения национальной безопасности должно быть сохранение национального достояния, национальных материальных и духовных ценностей от ущерба (убытка, урона, вреда), а вторичной — борьба с нелегитимными, незаконными действиями конкурентов, противников, мешаю-

¹ См., напр.: Общая теория национальной безопасности. — М.: РАГС, 2002. — С. 22; Буркин А.И., Возжеников А.В., Синюк Н.В. Национальная безопасность России. — М.: РАГС, 2008. — С. 40 и др.

² См., напр.: Актуальные социально-политические проблемы национальной безопасности: Учебное пособие. Ч. 1. — М.: ВАГШ, 2007. — С. 13.

³ Подробнее см.: Поздняков А.И. Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // Безопасность России в XXI веке. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006; Белов П.Г. Методологические аспекты национальной безопасности России. — М.: ФЦНТП КП «Безопасность», 2001.

щими реализации национальных интересов. Мы полагаем, что официальная трактовка национальной безопасности как защищенности национальных интересов от угроз, весьма уязвима и с научных, логических, и с практически-политических позиций.

В контексте *системно-философского подхода* национальная безопасность определяется обычно как состояние социальной системы (общества, страны), при котором она сохраняет свою *целостность, устойчивость (стабильность)*, способность к эффективному функционированию и устойчивому развитию, а на их основе — возможность надежной защиты от любых *деструктивных* внутренних и внешних воздействий¹. Подобное определение безопасности требует специальных оговорок по отношению к понятиям, на основе которых оно сформулировано. Так, в определенных условиях стремление сохранить целостность может быть опасным для социальной системы, а деструктивное воздействие — благом. Понятие устойчивости социальной системы в ценностных координатах также неоднозначно.

То есть понятия опасности и безопасности в контексте системно-философского подхода становятся весьма зыбкими, неопределенными, если их вводить без учета ценностных (аксиологических) координат.

В формулировании основных понятий общей теории безопасности, теории национальной безопасности, на наш взгляд, более корректен и научно более обоснован *аксиологический (ценностный) подход*. Аксиология, как известно, это философское учение о природе ценностей, их месте и роли в обществе, человеческой деятельности².

С позиций аксиологического подхода под национальной безопасностью понимается защищенность национального достояния, национальных ценностей, в том числе и духовных, от прямого ущерба (убытка, урона, вреда), а также защищенность от нелегитимных, незаконных действий конкурентов, противников, мешающих реализации национальных интересов, что приводит к упущению, «недополучению» законной выгоды (прибыли). Упущенная выгода, как известно, рассматривается как не прямой ущерб и подлежит компенсации, если она есть следствие преступления.

¹ См., напр.: Актуальные социально-политические проблемы национальной безопасности: Учебное пособие. Ч. 1. — М.: ВАГШ, 2007. — С. 13.

² См.: Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 763.

Аксиологическое понятие безопасности предпочтительнее, поскольку защищенность от незаконных помех в деятельности по реализации интересов входит в его содержание через понятие упущенной выгоды. Иными словами, официальная трактовка безопасности в рамках аксиологического подхода учтена и конкретизирована. Кроме того, аксиологический подход позволяет снять и показанные выше недостатки системно-философского подхода, поскольку эти недостатки связаны с неопределенностью ценностных координат при рассмотрении состояния и свойств системы (целостности, устойчивости и т.д.).

Далее. В контексте аксиологического подхода основные понятия теории безопасности можно увязать в логически стройную и последовательно выводимую систему¹. И это самое важное его достоинство. Такой системности понятийного аппарата, на наш взгляд, как раз и не хватает другим рассмотренным подходам. Аксиологический подход позволяет также ввести и внятный *показатель (критерий) эффективности* деятельности структур (органов) обеспечения безопасности — *предотвращенный ущерб*. Данные структуры должны минимизировать величину ущерба и вероятность (риск) его получения, если речь идет о профилактике, а не об уже случившихся событиях.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Коробов Виктор Борисович,

начальник кафедры теории и социологии управления
Академии управления МВД России,
доктор социологических наук

Разработка критериев и показателей национальной безопасности, безусловно, представляет собой важную задачу, поскольку они позволяют определять направления концентрации усилий органов государственной власти по выявлению и устранению тех или иных угроз, минимизации их последствий, а также способствуют уточнению и корректировке приоритетов государственно-уп-

¹ См.: Поздняков А.И. Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // Безопасность России в XXI веке. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.

равленческой деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности. В этой связи представляется возможным высказать ряд суждений.

Под критериями обычно понимают существенные признаки, на основе которых оцениваются те или иные факты. В этом смысле критерии национальной безопасности представляют собой признаки, грани, стороны, проявления, посредством анализа которых можно определять уровень и качество защищенности личности, общества, государства от различных опасностей и угроз. Это отличает критерии от показателей, раскрывающих меру, количественные параметры соответствующих признаков, граней и т.д. Уровни же критериев обеспечения национальной безопасности отражают и раскрывают результаты и эффекты ее обеспечения.

В то же время, критерии национальной безопасности могут включать в себя несколько показателей. Оптимальность входящего в критерий количества показателей определяется числом, при увеличении которого (т.е. количества показателей) оценка изучаемого явления не меняется. При этом критерий — это упорядоченная совокупность такого числа показателей, когда введение дополнительных или контрольных показателей уже не меняет оценки.

Таким образом, основу для оценки состояния национальной безопасности составляют критерии, а количественное содержание их выражается показателями. Критерии и показатели позволяют оценивать состояние и эффективность системы национальной безопасности во времени и пространстве. Система научно обоснованных критериев и показателей национальной безопасности выступает средством измерения ее результатов, характеризуя их с количественной и качественной сторон.

К важнейшим общим критериям устойчивого развития общественно-государственной системы можно отнести:

- ориентацию экономики на решение социальных задач, достижение высокого качества жизни населения; создание институтов и механизмов, позволяющих сочетать экономическую эффективность и социальную справедливость; создание высокоэффективной экономики, гибкой и восприимчивой к научно-техническим нововведениям, к постоянно меняющимся общественным и личным потребностям; проведение экономических преобразований, ориентированных, прежде всего, на обеспечение интересов человека и общества;

- рост численности и удельного веса «среднего класса», который является одним из важных стабилизаторов социально-политической обстановки в стране; сглаживание неоправданно высоких разрывов между высшими и низшими (по доходам) группами населения;
- достижение гражданского мира и национального согласия, установление политической стабильности, достижение на этой основе компромисса интересов разных социальных групп, национального согласия по реформированию экономики и политической системы страны;
- наличие в обществе единой государственной идеологии, основанной на принципах патриотизма и идее общности исторической судьбы народов, населяющих Россию;
- реализацию принципа верховенства Закона, соответствие закона социальному характеру правового государства; наличие правовых механизмов обеспечения и реализации приоритета прав и свобод человека и гражданина; наличие механизмов законодательной защиты правовой активности индивидов; наличие развитой системы гражданского контроля за деятельностью государственной власти и т.д.

Что касается критериев обеспечения социально-политической безопасности, то ими могут быть: преодоление социальных противоречий; учет экономических интересов различных социальных групп, слоев, классов; защиту гражданских прав населения; повышение уровня и качества его жизни, гарантирующих социальный мир в стране и спокойствие в обществе; беспрепятственное функционирование различных форм собственности; заботу о приращении научно-технического потенциала; проведение рациональной кадровой политики в высокотехнологичных отраслях; развитие взаимовыгодных отношений с другими странами, эффективное решение внутренних политических, экономических и социальных задач, исходя из национальных интересов; активное влияние на процессы в мире, затрагивающие национальные интересы России.

К критериям эффективности деятельности системы обеспечения национальной безопасности следует отнести:

- способность органов государственной власти к оперативному выявлению и прогнозированию внутренних и внешних угроз национальной безопасности, осуществлению комплекса мер по профилактике и нейтрализации их источников;

- способность к разработке приемлемых вариантов управления системой национальной безопасности в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях;
- способность к формированию и поддержанию эффективной системы и равноправных отношений в коллективной безопасности;
- обеспечение последовательно активной защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Таким образом, критерии и показатели обеспечения национальной безопасности должны, с одной стороны, фиксировать степень отклонения от научно обоснованных критериев и показателей национальной безопасности, а с другой — указывать на эффективность выработанных и реализуемых мер по минимизации опасностей и угроз.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (организационно-правовой аспект)

Курбатов Геннадий Леонидович,

председатель Межрегиональной общественной организации «Комитет национальной безопасности»,
кандидат юридических наук

В сложившихся условиях на защиту национальной безопасности должны выйти качественно новые технические средства и правовые акты для предупреждения возможности преступных действий со стороны злоумышленников или бездействия должностных лиц.

Весьма актуальной становится задача автоматического обнаружения, на подходах к охраняемому объекту, и контроля транспортировки взрывчатых, отравляющих, радиоактивных, наркотических и прочих, представляющих опасность веществ и оружия на территории, прилегающей к охраняемым объектам.

Приведу пример одной отечественной разработки, названный как аппаратный комплекс «Портал обнаружения».

Существует несколько конструктивных вариантов «Портала обнаружения» (ПО) в зависимости от области применения и поставленных задач. Основные функции устройства таковы:

- возможность определения ПО попыток вноса (выноса) на (за) территорию охраняемого объ-

екта взрывчатых, отравляющих, радиоактивных, наркотических и прочих, представляющих опасность веществ и оружия;

- возможность обнаружения и контроля ПО транспортировки вышеуказанных веществ на железнодорожном, автомобильном, авиационном транспорте, в том числе на дальних подступах к охраняемым спецобъектам;

- возможность обнаружения и контроля ПО внутриобъектового перемещения вышеуказанных веществ;

Сегодня активно используются различные средства обнаружения: от служебных собак до устройств использующих принцип ядерного резонанса.

Наиболее передовое средство охраны объектов и предупреждения диверсионно-террористических акций, с реализацией функций представляет собой систему локации с интегрированной системой анализа информации — предлагаемый ПО.

В сравнении с существующими средствами обнаружения, предлагаемая система имеет ряд безусловных преимуществ:

- мобильна, многовариантна в исполнении и местах монтажа (возможность; установки не только стационарно в зданиях, но и в самолётах, дверных проёмах ж/д вагонов, автобусов, местах массового скопления людей и т.д.);
- обладает малой энергоёмкостью;
- определяет все задаваемые типы веществ и оружия (помимо ВВ, ОВ, РВ, НВ и оружия — обнаруживает попытки выноса (вноса) документации, информационных носителей, образцов изделий и т.д.);
- отсутствует опасное излучение, установка экологически чиста;
- имеется автоматический режим работы;
- отсутствует физический контакт с объектом контроля;
- обследование проводится в несколько раз быстрее, чем на аналогичных системах (1 секунда — реакция системы на все заданные к обнаружению вещества);
- может использоваться как защищенная система передачи информации одновременно с выполнением функций контроля и обнаружения;
- стоимость серийной установки значительно ниже, чем у существующих в настоящее время аналогов;
- имеется возможность обнаружения закладки взрывчатых веществ на пути следования поезда в непосредственной близости от железнодорожного полотна и в зоне прямой видимости до 10 км.

Комплекс позволяет дистанционно получать идентификацию по 150 параметрам заданной к обнаружению информации с целью улучшения информационно-составляющей структуры охраны и управления объектами повышенной опасности.

Для изготовления комплектующих элементов системы, требуется шесть-семь месяцев, и месяц, чтобы собрать образец комплекса «Портала обнаружения» ВВ, ОВ, РВ, НВ и оружия под конкретный объект и провести на нём зачетные испытания, в соответствии с требованиями эксплуатации и защиты объектов. На сегодняшний день на проведение исследований по получению эффекта обнаружения было затрачено \$950 000. Предлагаемые решения прошли экспертную оценку структур Минобороны России, получили от них поддержку и признаны целесообразными и адекватными возможным террористическим угрозам.

Для поднятия уровня нашей безопасности все основные разработки и проверки комплекса обнаружения были проведены в 2005 году. Информация о Портале обнаружения была направлена по инстанциям для внедрения в различные министерства и ведомства. Однако, в нарушении Федерального закона РФ № 59 от 05.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», должностные лица указанных министерств, ведомств на эти запросы (с апреля 2008 г. по настоящее время) свое решение не сообщили.

Складывается ситуация, что эти изобретения государству не нужны. В то же время данным изобретением серьезно интересуется коммерческие структуры и частные лица. Есть опасения, что эти разработки могут быть вывезены за границу.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Браженко Владимир Васильевич,

член правления Межрегиональной общественной организации «Комитет национальной безопасности»

В связи с тем, что за последние 15—20 лет экономико-политической стагнации РФ передовые страны мира прошли несколько стадий технологического обновления и развития, в том числе своих средств ВВТ, военная безопасность России снизилась до критического уровня точки возврата.

Создавшееся кризисное положение обусловлено тем, что основными исполнителями позиций

ГПВ до 2015 г. являются акционерные объединения (АО), которые нацелены в первую очередь на получение быстрой максимальной прибыли и не заинтересованы во вложении финансовых средств в долговременные инновационные рискованные проекты для создания новых ВВТ, адекватных современным и перспективным средствам нападения. Ни МО РФ, ни созданные профильные государственные концерны, холдинги, конкурирующие между собой, преследующие только свои корпоративные и коммерческие интересы, не в состоянии самостоятельно решить вопрос управления созданием новых технологий и средств ВВТ.

Несмотря на регулярные заявления командующих видов и родов войск Вооруженных сил РФ о потере военной безопасности в области воздушно-космической обороны (ВКО) в настоящее время огромные (сотни млрд. руб.) бюджетные средства вбрасываются на изготовление стратегических комплексов и систем, не отвечающих современным требованиям.

Сложившаяся ситуация требует срочного принятия чрезвычайных мер на уровне Совета Безопасности (СБ) Российской Федерации в интересах обеспечения обороноспособности страны.

Реальным выходом из создавшегося положения в целях восстановления военной безопасности Российской Федерации должно стать создание при Администрации Президента (АП) РФ вневедомственного некоммерческого предприятия «Центра перспективных исследований и управления внедрением инноваций в ВВТ» (далее «Центр») по аналогии с департаментом перспективных исследований ДАРПА (DARPA — Defense Advanced Research Projects Agency) в Минобороны США, который обеспечивает оперативные разработки опережающих технологий и системные решения новых ВВТ на их основе.

Учитывая двойное применение планируемых к разработке высокорентабельных прорывных технологий, появляется возможность привлечения различных, в том числе, и внебюджетных источников финансирования в интересах военной информационной и экономической безопасности России.

Принятие такого решения сегодня соответствовало бы в полной мере Поручению Президента РФ в июне 2006 г. Совету Безопасности РФ в части срочного рассмотрения вопросов ликвидации технологического отставания и обеспечения военной безопасности России.

К настоящему времени еще сохранился задел промышленного, интеллектуального и научного

потенциала по прорывным технологиям (со времени ранее существовавшего в 2000 году ФГУП УДП Российской Федерации) адекватных современным и перспективным требованиям в отношении средств воздушно-космического нападения. Еще сохранились отдельные специалисты-носители технологий, ноу-хау и опыта, составляющих основу ядра ВКО Российской Федерации, на базе которых еще возможно обеспечить асимметричный ответ очевидному военному превосходству США, стран НАТО и быстро развивающемуся Китаю.

Но для этого нужно безотлагательно и решительно основному заказчику ВВТ — Минобороны России выйти с предложением к руководству государства о формировании национальной программы обеспечения военной безопасности России на основе развития инновационных технологий. Иначе, в силу складывающихся международных геополитических и геостратегических ситуаций Россия не сможет противостоять неизбежному военному, политическому и экономическому давлению ведущих мировых держав.

Основу этой программы должны составлять ключевые прорывные технологии, системную реализацию которых должен взять на себя Центр перспективных исследований и управления инновациями для ВВТ, созданный при Администрации Президента по инициативе Минобороны России и при поддержке высших органов государственного управления, работающего во взаимодействии с чрезвычайной комиссией СБ Российской Федерации, ФСБ, МВД, ГРУ, СВР, АН РФ и т.д. «Центр» должен быть укомплектован специалистами-носителями ключевых технологий.

Если упустить тот шанс, то весь этот бесценный капитал в ближайшее время либо станет достоянием зарубежных стран, либо исчезнет со всеми вытекающими при этом последствиями.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Абрамова Ольга Дмитриевна,

профессор кафедры национальной безопасности
РАГС, доктор политических наук,
кандидат экономических наук

Национальная конкурентоспособность — понятие многогранное, складывающееся из целого ряда составных частей, которые, дополняя друг друга, обеспечивают устойчивый экономический

рост и повышение благосостояния населения страны в условиях глобализации. Исследованиями конкурентоспособности стран занимаются эксперты Всемирного (Мирового) экономического форума и Международного института управления (г. Лозанна).

Для определения конкурентоспособности используются более 300 показателей и свыше 100 оценок международных экспертов-экономистов, а данные анализа группируются в 10 факторов: экономический потенциал и темпы роста экономики; эффективность промышленного производства; уровень развития науки и техники, темпы освоения научно-технических достижений; участие в международном разделении труда; динамичность и емкость внутреннего рынка; гибкость финансовой системы; воздействие государственного регулирования экономики; уровень квалификации трудовых ресурсов; обеспеченность трудовыми ресурсами; социально-экономическая и внутриполитическая ситуация.

Необходимо отметить, что главным конкурентным преимуществом России, обеспечивающим ей преимущества «низшего» порядка, являются ее природные ресурсы, в первую очередь газ и нефть¹. Другим важным источником конкурентоспособности России являются ее трудовые ресурсы, главное конкурентное преимущество которых — достаточно высокий уровень образования, а также накопленный научно-технический потенциал. Рейтинги конкурентоспособности России по основным факторам и показателям конкурентоспособности в исследовании ВЭФ показывают, что по многим экономическим показателям Россия занимает низкие места (и по сводному индексу конкурентоспособности, и практически по всем факторам).

Динамику приведенного рейтинга России по конкурентоспособности с 1999 по 2007 годы можно проследить следующим образом:

Согласно исследованиям Всемирного (Мирового) Экономического Форума (количество стран 80) Россия по сводному рейтингу в 1999 г. занимала 80 место, в 2000 — 74, в 2001 — 72, в 2002 — 64, в 2005 — 53, в 2006 — 62, в 2007 — 58 (из 131)².

Согласно исследованиям IMD, г. Лозанна Россия по сводному рейтингу в 1999 г. занимала 46

¹ Здесь и далее приводятся статистические данные Госкомстата России. См.: Россия в цифрах. 1998—2007. Госкомстат России. М., 1998—2007.

² См. World Economic Forum. Global Competitiveness Report 1999—2007.

место (из 46 стран), в 2000 — 47 (из 48), в 2001 — 45 (из 49), в 2002 — 43 (из 49), в 2003 — 54 (из 60), в 2004 — 50 (из 60), в 2005 — 54 (из 60), в 2006 — 54 (из 61), в 2007 — 47 (из 55)¹.

Рейтинги международной конкурентоспособности, публикуемые международными организациями, не дают готовых рецептов для достижения высокой конкурентоспособности, вместе с тем она определяет основные ориентиры для ее достижения. Так, Ежегодник международной конкурентоспособности (IMD WCU) позволяет оценить эволюцию каждой национальной экономики, выявить ее сильные и слабые стороны, выделяя для каждого фактора конкурентоспособности 10 самых сильных и 10 самых слабых показателей. Они определяются с помощью отклонения от нормативного (стандартного) показателя, представляющего собой средневзвешенное от показателей всех 60 стран. В данном издании приведены и некоторые рекомендации, составляющие по своей сути «10 золотых правил конкурентоспособности», которых должны придерживаться правительства всех стран в глобальной экономике. Они должны:

- создавать стабильную и предсказуемую конкурентную среду;
- работать над гибкой и эластичной экономической структурой;
- инвестировать в традиционную и технологическую инфраструктуру;
- продвигать частные сбережения и внутренние инвестиции;
- развивать агрессивность на международных рынках, а также привлекательность для прямых иностранных инвестиций;
- сконцентрироваться на качестве, скорости и прозрачности в правительстве и администрации;
- поддерживать связи между уровнем зарплаты, производительностью и налогообложением;
- поддерживать социальную структуру путем снижения неравенства в зарплатах и укреплении среднего класса;
- вкладывать значительные инвестиции в образование, особенно в высшее и долгосрочное обучение трудовых ресурсов;
- сбалансировать национальную экономику с экономикой глобализации для создания прочного благосостояния, при этом поддерживая систему ценностей, необходимую гражданам.

Разумеется, что эти правила должны учитываться в развитии конкурентных преимуществ экономики каждой страны, с учетом природных, национальных, культурных особенностей и ценностей. В терминах международных рейтингов представления об экономическом состоянии России существенно улучшаются, причем в наибольшей степени улучшаются представления о конкурентном потенциале российской экономики.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА НА РЕЛИГИОЗНОЙ ОСНОВЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Володина Нина Витальевна,
профессор Московского университета МВД России,
доктор философских наук

Проявление экстремизма на религиозной основе закономерно в современной России, так как современное российское общество сталкивается с системным кризисом, который затронул социальную систему общества при переходе к рыночной экономике и закономерно привел к смене ориентиров и переоценке традиционных ценностей. Кризис общества и его социальных институтов, коммерциализация средств массовой информации привели к проблемам и конфликтам, связанных с нарушением прав. «Психологическая усталость» проявляется при общем ухудшении условий жизни. В среднем по Российской Федерации на 10 тыс. населения приходится 250—260 преступлений.

Используем имеющуюся статистику. За год в Российской Федерации происходит более 300 преступлений (не считая убийств) на почве расовой и национальной ненависти, религиозной вражды и ксенофобии. Лишь по 70 из них возбуждаются уголовные дела. До суда доходят — не более 10. И лишь в 3–4 случаях суды выносят обвинительные приговоры. Не лучше обстоит дело с более тяжкими преступлениями. Самыми опасными распространенными преступлениями, отнесенных законодательством к категории экстремистских являются убийство, совершенное по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «д» ч. 2, ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации), а самыми распространенными — возбуждение ненависти либо вражды,

¹ См. IMD World Competitiveness Yearbook 1999—2007.

а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В 2006 г. их совершено соответственно 18 и 106. Вместе с тем за преступления, предусмотренные ст. 136, 148, 149, 212, 239, 280, 282 УК РФ, достаточно часто суды назначали условное осуждение. В 1 полугодии 2006 г. удельный вес условно осужденных составил 28,6%, что свидетельствует о некоторой тенденции к сокращению применения такой меры. Возникают проблемы в доказывании экстремистского характера преступных действий.

В последние годы термин «экстремизм» все чаще привлекает внимание людей, простых обывателей и персон из высших эшелонов власти, почти во всех странах, занимает лидирующие позиции в мировом информационном пространстве. Все большие ресурсы отвлекаются от насущных потребностей для борьбы с этим злом, расплзающимся с угрожающей скоростью и растущими претензиями. Вызовы и явления его многообразны и разрушительны по своим последствиям. Причем в последние годы все чаще всего они принимают характер межнациональных, межэтнических конфликтов и столкновений на религиозной почве.

К примеру, мигранты все настойчивее предъявляют вызовы коренному населению других регионов России, провоцируют межнациональные и социально-трудовые конфликты, пакистанские экстремисты дестабилизируют обстановку в Индии. Экстремизм в межнациональных конфликтах, не без внешнего инспирирования других заинтересованных стран и сил, все чаще трансформируется в безудержный сепаратизм. Переводя проблемные неурегулированные государством межрелигиозные, межнациональные и межэтнические вопросы в политическую плоскость, используя их в качестве инструмента, средства для разжигания конфликтов, экстремизм создает реальную угрозу безопасности российскому государству.

Исследуя истоки возникновения и развития экстремизма, многие эксперты однозначно указывают на США. Здесь отмечены факты активной деятельности более 800 экстремистских организаций (на начало 2004 г.), исповедующих идеологию ненависти к представителям другой расы, религии или сексуальной ориентации. Причем около четверти из них (около 200) экстремистских организаций декларируют, что они готовы прибегать для достижения своих целей к насилию.

При этом точное число экстремистских организаций, как в зарубежных странах, так и в России практически неизвестно, также неизвестно, сколько граждан становятся их членами и сколько сочувственно относятся к их идеологии. Основная причина в том, что до настоящего времени не удалось выработать научно обоснованных, взаимосогласованных, четких, однозначных, единых признаков и принятых критериев международно-правовой квалификации экстремизма, критериев дифференциации и систематизации его специфических форм и способов реализации. Не удалось также сформировать глобальную концепцию и систему противодействия экстремизму инвариантную ко всему спектру его проявлений, стадиям развития и степени опасности для личности общества и государства.

В настоящее время возникает необходимость уточнения и установления более четких критериев правовой квалификации и оценки экстремистских проявлений в условиях, событиях и тенденциях развития государства и общества, в конфликтах различного рода.

Однако, к сожалению, на сегодняшний день *определение экстремистской деятельности* (экстремизма), установленное рядом правовых актов, принятых за последние пять лет, фактически не обеспечивает его четкого понимания и корректного применения. Это же обстоятельство обуславливает и то, что значительное число материалов, относящихся к рассматриваемой проблеме, понятия «*экстремизм*» и «*терроризм*» либо уравнивает, либо отождествляет, считая их синонимами.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что сохраняющиеся неясность, неустойчивость, неопределенность терминологии применительно к экстремизму, необязательность соблюдения объективно обоснованных критериев, фиксированных в нормативно-правовых актах, погрешности, допускаемые поныне как в ряде публикаций исследовательского характера, так, нередко, и в официальных документах, — все эти факторы свидетельствуют о недостаточном осознании важности проблемы. Соответственно, трудно ожидать, что и целенаправленность, и действенность намечаемых программ и планов сможет соответствовать реальным вызовам экстремизма и эффективному решению задач противодействия ему, выдвигаемым различными уровнями руководства страны и ведомств.

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кутузова Наталия Александровна,
профессор Института парламентаризма
и предпринимательства, член Экспертного совета
при Уполномоченном по делам религий
и национальностей Республики Беларусь,
кандидат философских наук

В научной литературе радикализм трактуется как совокупность идей и действий, направленных на кардинальное изменение существующей системы социальных, религиозных, политических и других отношений. Религиозный радикализм как идеологическая система и психологический комплекс имеет черты как регионального, так и универсального характера, является реакцией на процессы глобализации и унификации. Причины развития религиозного радикализма в Беларуси связаны с ростом религиозности населения, который наблюдается с 90-х годов. Последние социологические исследования показывают, что в Беларуси уровень религиозности населения достиг 60%, в структуре религиозности внеконфессиональные формы занимают значительное место. В своих доктринах новые религиозные организации эксплуатируют широкий спектр популярных социально-политических идей от призыва к национальному (или этническому) возрождению до полного космополитизма (интернационализма). Нелегальные религиозные группы учету не подлежат, к государственной регистрации не стремятся, в поле зрения властей или экспертов попадают лишь тогда, когда сами стремятся к контакту, либо случайно. Эклектическая смесь религиозных, псевдонаучных идей с социальными и политическими программами вызывают интерес у представителей всех социальных групп.

В настоящее время религиозный радикализм развит в трех основных формах: во-первых, собственно религиозный, во-вторых, религиозно-этнический, в-третьих, религиозно мотивированный политический радикализм.

Собственно *религиозный радикализм* развит в локальных, малочисленных группах, формирующихся вокруг духовного лидера. Экспертам известны «пророческая школа» (Жодино), псевдохристианская группа (Брест), борющаяся против СПИДа,

группа соратников П. Кузнецова (Брестская область), ожидавших Апокалипсиса весной 2008 года в пещере под Пензой. Лидеры не призывают к масштабным социальным потрясениям, политическому протесту, ориентируются на узкий круг адептов, которым предписывается реализовать альтернативный социально-религиозный проект: разорвать семейные узы, отказаться от образования, медицинских услуг, документов, не использовать товары, маркированные штрих-кодом. Радикализм подобного рода, несмотря на ограниченный круг его последователей, обладает мощным деструктивным потенциалом, ставя под сомнение социально значимые ценности и отношения. Он составляет основу для формирования религиозного и социального фанатизма, который подкрепляется убеждением исключительности собственной идеологии и готовностью к самопожертвованию во имя идеи (вероучения). Адепты данных организаций активно занимаются миссионерской и пропагандистской деятельностью.

Идеи радикалистской направленности могут быть присущи практически любой конфессии. Ряд лидеров и идеологов Русской православной церкви призывает к отказу от ИНН, социальных и страховых номеров, электронных паспортов, выступая против электронной унификации и экуменизма. В Беларуси за последние несколько лет сформировалось протестное движение, объединяющее часть верующих РПЦ, которое пока заявляет о себе многочисленными обращениями в органы государственной власти.

Религиозно-этнический радикализм представлен эклектическим комплексом идей традиционалистской ориентации: возрождение этнической религии, этнически чистого общества и государства. Их социальной базой является городская интеллигенция. Социальному расслоению противопоставляется идея этносоциализма, просматривается антитехнократическая направленность, характерны идеи нативизма и био-(эко-) политики, права, экономики. В Беларуси эти идеи близки неоязыческим группам «родноверов», панславянскому движению, а также православным монархистам — последователям идеологии Союза Русского Народа. В последние годы лидеры данных групп переориентировались на борьбу с «иудео-масонским заговором» и «жидовским игом», что расценивается Союзом белорусских еврейских общественных объединений и общин как деятельность, направленная на разжигание религиозной и национальной вражды и розни в РБ.

Религиозно-этнический радикализм вполне может принимать форму религиозно мотивированного политического радикализма, стать идеологической основой экстремизма и представлять опасность для общества.

Религиозно мотивированный политический радикализм представляет собой идеологию и деятельность, направленную на изменение государственного строя силовыми методами, захват власти, нарушение суверенитета, создание незаконных вооруженных формирований, провокацию религиозной или национальной вражды (розни). Субъектами данной идеологии выступают религиозные организации либо организации, идеология которых включает элементы религиозности. Зачастую идеологи трактуют свою доктрину с позиций национализма и ксенофобии, культа вседозволенности в совокупности с активной организационной деятельностью, экстремистской евгенической программой, ориентацией на создание иерархического общества и олигархического (аристократического) государства. В последнее время появился новый тип синтетической организации, сочетающей черты политической партии, религиозной организации, военизированного подразделения, но позиционирующей себя, как правило, как общественная организация с широкими культурными и даже благотворительными целями. Пластичность организационных структур, динамичность, широкие коммуникативные возможности позволяют их идеологам и организаторам создавать целые сетевые, «зонтичные» структуры, расширяя при этом свое влияние среди интеллигенции и особенно студенческой молодежи. Примером может служить Клуб славянской традиции «Схорон Еж Славен», который нелегально осуществляет свою деятельность на территории Республики Беларусь с 2002 года и является потенциально деструктивной организацией с выраженной экстремистской ориентацией.

Для эффективной профилактической работы, направленной на предупреждение противоправной деятельности, необходим постоянный мониторинг, во-первых, межэтнических и межконфессиональных отношений с целью прогнозирования конфликтов; во-вторых, реализации прав граждан на свободу совести и вероисповедания; в-третьих, правонарушений, мотивированных религиозной либо этнической неприязнью, а также квалифицируемых как экстремистские либо террористические действия. При оценке степени угрозы национальной безопасности необходимо исходить из

оценки потенциала (идеологического, организационного и др.) каждой конкретной организации, что возможно определить только при экспертной работе. Подобная практика уже существует в РБ, в частности при Уполномоченном по делам религий и национальностей функционирует Экспертный совет для проведения государственной экспертизы.

Религиозный радикализм — явление вечное, присущее любой эпохе и региону. Социальную опасность представляют его противоправные формы, выраженные в деятельности экстремистских религиозно-политических организаций. При целенаправленной профилактической работе можно избежать деструктивных последствий распространения радикалистских идей, не позволив радикализму оформиться институционально и выразиться в крайних противоправных формах — экстремизме и терроризме.

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

Залужный Александр Гаврилович,
профессор кафедры национальной безопасности
РАГС, доктор юридических наук,
кандидат философских наук

Экстремистские проявления в религиозной сфере сегодня представляют особую опасность, так как основное содержание деятельности такого рода экстремистских объединений включает целенаправленный подрыв конституционных основ государства, массовое нарушение прав и свобод граждан и откровенное посягательство на традиционные ценности нашего общества, а конечными целями экстремистских групп и организаций является вовлечение своих членов в преступную деятельность; формирование мировоззренчески и нравственно деградированной личности.

В этой связи в ходе проведенных в 2007 г. исследований выяснялось мнение респондентов о том, насколько успешно ведется борьба с религиозным экстремизмом в нашей стране.

Только небольшая часть участников опроса признает борьбу с религиозным экстремизмом в нашей стране успешной. Их аргументы сводятся к тому, что «религиозный фактор сегодня не стоит на первом месте в числе причин конфликтов и террористических атак», «массового характера факты религиозного экстремизма не имеют»; про-

исходит «поступательное урегулирование конфликта в Чечне, который активно используется религиозными экстремистами» и др.

В то же время большинство респондентов считают борьбу с религиозным экстремизмом в нашей стране неуспешной, неудачной, наконец, отсутствующей вообще.

Однако, несмотря на излишнюю резкость многих оценок, необходимо признать, что и существующая статистика соотношения экстремистских проявлений и терроризма указывает на нерешенность проблемы противодействия экстремизму.

В связи с изложенным, в ходе исследования представлялось важным выяснить, что сами респонденты рекомендуют государству, его институтам сделать для повышения эффективности мер противодействия проявлениям религиозного экстремизма.

В числе конкретных мер для повышения эффективности противодействия проявлениям религиозного экстремизма экспертами, в частности предлагается принять и реализовать взвешенную концепцию государственно-конфессиональных отношений; внедрять в общественное сознание принципы верховенства закона и права, равенства всех перед законом, а равно уважительного отношения к представителям различных культур, народов и верований.

И государство, и его институты, по мнению респондентов, должны помогать формированию института квалифицированных, лояльных религиозных лидеров. А также активнее помогать им в борьбе с религиозными экстремистами, предоставлять им соответствующие ресурсы, оказывать иную помощь.

Они полагают необходимым дальнейшее совершенствование законодательства о свободе совести, религиозных объединениях и о противодействии экстремистской деятельности, а также последовательную реализацию принимаемых законов.

В большинстве своем опрошенные считают неприемлемым выделение одних религий и конфессий на фоне принижения роли других. В рамках действующего закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», который (ст. 4, п. 4) не позволяет государственным служащим использовать служебное положение для формирования того или иного отношения к религии, многие эксперты полагают недопустимой демонстрацию государственными деятелями (в т.ч. высшим руководством страны) своих религиозных предпочтений.

В числе эффективных мер противодействия проявлениям религиозного экстремизма респонденты называют общее укрепление правопорядка, более точное определение понятия «экстремизм» в его юридическом смысле, неотвратимость наказания для экстремистов. Эксперты также считают необходимым эффективным контроль за подготовкой священнослужителей за рубежом и миссионерской деятельностью иностранных религиозных организаций в России.

Многими предлагается ввести преподавание научного религиоведения в вузах, а в школах — истории религий (представители Русской православной церкви поддерживают идею преподавания основ православной культуры). Предлагается также создать на базе Российской академии наук Научно-исследовательский институт по изучению религий. А также систему религиоведческое обучения и повышении квалификации для работников органов МВД, ФСБ, прокуратуры и ряда других категорий государственных и муниципальных служащих.

В целом же ответы показывают, что опрошенные выступают за толерантное сотрудничество государства и религиозных организаций для решения важных вопросов российского общества и в том числе в вопросах противодействия религиозному экстремизму, выработке меру противоборства и профилактики этого явления.

Сравнительный анализ мнений показывает, что уровень толерантности между приверженцами различных религий, распространенных на территории Российской Федерации, достаточно высок. Это является благодатной почвой для их взаимодействия перед угрозами безопасности личности и государства со стороны субъектов религиозной экстремистской деятельности.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Будко Евгений Николаевич,
заместитель председателя

Межрегиональной общественной организации
«Комитет национальной безопасности»

Примерно 15% территории России — ареалы с кризисной и катастрофической экологической ситуацией, 85% населения проживает на территориях с уровнем загрязнения выше допустимых пре-

делов, каждый десятый ребёнок рождается генетически неполноценным, средняя продолжительность жизни в последние годы составляет 59 лет для мужчин и 68 лет для женщин.

Наши предложения ориентированы на создание в Российской Федерации экоииндустрии на базе передовых достижений науки и техники, с применением нанотехнологий. Предложения могут быть взяты за основу при разработке Национальной экологической программы.

Предлагаемые базовые нанотехнологии используют:

- кавитационные процессы, протекающие в роторном измельчителе диспергаторе, в котором благодаря двойному, направленному гидроддачу и возникающим при этом гидродинамической и ультразвуковой кавитациям, высоко- и низкочастотным резонансам, а также выделяющейся тепловой энергии достигается разрушение и эмульгирование в жидкой среде любого материала до любого уровня; вышеперечисленные физические явления, регулируются в задаваемых диапазонах, что позволяет придавать обрабатываемым материалам необходимые физические и химические свойства;
- электромагнитный резонанс, основанный на концентрированном электромагнитном воздействии на вещество в сухой или жидкой среде, позволяющий в комплексе с рядом физических законов разлагать любое вещество на любые фракции, вплоть до наноразмера;
- электромагнитную обработку, отличающуюся очень высокой производительностью, экологической безопасностью, экономичностью, компактностью, мобильностью оборудования, позволяющую обеззараживать и высушивать измельченную массу и автоматически разделять на различные компоненты (одновременно до 10 видов), в соответствии с заданным режимом.

Начинать необходимо с решения проблемы мусоропереработки с использованием уникальных технологий по утилизации любых видов отходов.

Сегодня мир, чтобы избавиться себя от побочных результатов своей деятельности, т.е. от отходов, использует лишь способы утилизации сложившиеся веками. Это значит можно сказать, что отрасль утилизации отходов продолжает находиться на уровне каменного века, слегка адаптированная к современной жизни.

Мир до сих пор пользуется для утилизации отходов лишь четыре основных способа.

Пятый способ, пробивающий себе дорогу сейчас — это полная переработка всех отходов на базе уникальных технологий, разработанных в России, и использование отходов как сырьевого источника. Удельные капитальные вложения в этом случае составят в среднем 110—130 евро на 1 тонну. Способ позволяет:

1. Избавиться от полигонов и не нести далее бремя их содержания.

2. Получить 100% выход продукции, в том числе и высокоэффективный компост (в перспективе комплексное органическое удобрение), очищенный от тяжелых металлов, жиров, свободных радикалов. Такая чистота позволит применять его для любых земель сельскохозяйственного назначения.

3. Довести окружающую среду (воздух, воду, землю) до нормативных показателей.

4. Площадь, занимаемая под мусороперерабатывающих заводов (МПЗ) с производительностью переработки до 100 тысяч тонн/год не более 4 га, что составит 20% от площади требуемой под полигон, а с учетом загрязнения почвы вокруг полигона — 5—7% от использованных ранее.

5. Использовать отходы в качестве сырья для производства товаров народного потребления.

Окупаемость действующего МПЗ с учетом использования новых технологий и оборудования — три года работы. МПЗ со 100% утилизацией работают на собственном обеспечении электроэнергией и теплом, с учетом удовлетворения потребностей сопутствующих предприятий по выпуску готовой продукции. Потенциальные заказчики только по России насчитываются сотнями.

Современное состояние окружающей среды Российской Федерации характеризуется наличием крупномасштабного загрязнения атмосферного воздуха, почв, поверхностных и подземных вод. Загрязненная и деградирующая окружающая среда с каждым годом все больше влияет на здоровье граждан. Отмечается сильная корреляция комплексного загрязнения окружающей среды с общей смертностью и с такими ее причинами, как болезни крови и кроветворных органов, психические расстройства, онкологические заболевания, болезни органов пищеварения и дыхания.

Снижение численности здорового населения и увеличение общей смертности населения, по причине ухудшения состояния окружающей среды, представляют прямую угрозу государству, поэтому сложившаяся ситуация вызвала необходимость в ст. 13 Закона Российской Федерации «О безопасности» признать экологическую безопасность

важнейшим видом безопасности, наряду с государственной, экономической, общественной, оборонной, информационной безопасностью».

СИСТЕМА СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ АГРОПРОМКОМПЛЕКСА РОССИИ — ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

Устюжанин Анатолий Петрович,
президент Российского соевого союза,
профессор

Огнева Елена Георгиевна,
президент АПК «Русский крестьянин»,
доктор технических наук.

Государственная агрополитика ввергла сельское хозяйство России в глубокий и затяжной кризис. Страна потеряла с 1990 г. более 40 млн. га посевных площадей. Это по самым скромным расчетам 40 млн. тонн зерна. Почти на 90% уничтожено поголовье скота в бывших колхозах и совхозах. Сельхозэкономика разбалансирована. Отток сельского населения во многие разы превышает реальные допустимые нормы. Деревни обезлюднили.

При этом земля как основное средство производства вырваны из аграрной экономики и осталась без собственника. В бумажных наделах заморожено земельных активов по нашим оценкам на 100 триллионов рублей. Но если создать условия, сельское хозяйство без государственных подачек может быстро подняться на ноги и к 2015 году удвоить производство сельхозпродукции.

Обострилась проблема продовольственной безопасности России. Изменилась структура продовольственных рынков. Импорт всех продовольственных товаров в объемном выражении составляет менее 20%. Импорт пищевых белков в переводе на полноценные белки с полным комплексом незаменимых аминокислот составляет более 60%. По данным ВНИИ питания РАМН дефицит пищевого белка в России более 1 млн. тонн в год или 1/3 к потребности. Практически половина населения страны охвачена хроническим белковым голодом. Вот почему сложилась критическая демографическая ситуация.

При этом Россия располагает уникальными агроресурсами для преодоления белкового дефицита за одну пятилетку до 2012 года.

Что необходимо сделать? Следует ввести в госпрограмму по сельскому хозяйству в качестве приоритетных проекты внедрения энергосберегающих, почвозащитных технологий прямого сева, которые позволяют в 10 раз снизить потребность в механизаторских кадрах и втрое — затраты возделывания сельхозкультур, осуществить развитие производства высокобелковых сельхозкультур (амарант, нут, соя, чечевица и другие), дающих в полном комплекте незаменимые аминокислоты.

К примеру, в Краснодарском крае соя дает чистого белка 8—10 ц/га на богаре и 15—20 ц/га на орошаемых землях, но занимает в посевах по краю всего лишь 2—2,5%.

Озимая пшеница, которая не дает ни килограмма полноценных белков, занимает в посевных площадях почти 70%, на этих площадях производится до 80% фуражной пшеницы. Происходит расточительство уникальных агроресурсов, потому что фермерам и сельским хозяйствам экономически в три раза выгоднее выращивать фуражную пшеницу, чем сою.

Необходимо разработать программу «Белок», ввести в систему альтернативные сельхозкультуры, ежегодно закупать для государственных нужд сою, амарант, нут, чечевицу по ценам, стимулирующим их производство. Перерабатывать все белковое сырье на базе отечественных кавитационных технологий. И тогда действительно наступит волна модернизации продовольственного комплекса страны на базе полноценных растительных белков.

Для этого необходима основательная структурная перестройка сельхозпроизводства. В ее основе должна быть осуществлена организация крупных агрохолдингов и агропромышленных комбинатов, способных кооперировать производство и переработку сельхозсырья, иметь собственные торговые базы и магазины. За счет этого в едином центре можно будет формировать высокую добавочную стоимость к сельхозпродукции и отсекающих посредников, которые ничего не делая, забирают всю аграрную прибыль, кратно завышают рыночные цены, вызывают искусственную инфляцию и экономически губят сельхозпроизводство.

В развитии агрохолдинговых структур мы масштабно используем систему потребительской кооперации. Потребительские общества имеют возможность консолидировать денежные ресурсы и имущественные активы пайщиков, концентрировать их на эффективных направлениях развития АПК.

Необходимо основательно доработать закон «О потребительской кооперации». Ввести в закон специальную главу «О земельных паевых наделах потребительских обществ» и узаконить их право межевания сельхозугодий с согласия пайщиков укрупненными едиными массивами, узаконить их право при согласии собраний пайщиков на залог земельных активов в объеме от 50 до 75% рыночной стоимости для реализации аграрных и социальных проектов и программ.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Шевченко Алевтина Владимировна,
профессор кафедры национальной безопасности
РАГС, доктор политических наук.

Актуальность проблемы показана в Концепции внешней политики Российской Федерации (12 июля 2008 г. Пр — 1440). В ее третьем разделе «Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем» указывается, что в сфере укрепления международной безопасности Россия уделяет особое внимание обеспечению международной информационной безопасности в качестве важного элемента укрепления стратегической стабильности. Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности выделено в Концепции в самостоятельный раздел.

Августовские события 2008 года показали, насколько актуальна постановка задачи. И насколько государство опоздало с ее решением. Теперь уже вопрос стоит так: надо бороться за информационное пространство — без этого будет трудно обеспечить конкурентоспособность страны в новых условиях, как сказал Президент России Д.А. Медведев.

Основная задача государственного управления — обеспечить информационную безопасность не только административно-правовыми, экономическими, социальными и специфическими мерами предотвратить возникновение угроз или реагировать на возникшие угрозы, всемерно содействовать формированию человека и общества безопасного типа через подготовку гражданина, компетентного в вопросах личной, общественной и государственной информационной безопасности.

Очевидна необходимость смены основных принципов организации управленческой деятель-

ности в сфере обеспечения информационной безопасности: не «реагировать и выправлять», а «предвидеть и предупреждать». Здесь выделяются несколько направлений действий.

Власть и общественное мнение. Взаимодействие органов власти и общественного мнения — это часть крупной политологической проблемы информационной безопасности государственной власти. В общественном мнении материализуется конституционная манифестация народа как источника и носителя суверенной власти. В демократическом обществе общественное мнение выступает самостоятельной социальной силой, имеющей право участия в государственном управлении. В ряде государств такой приоритет утверждён законом. В России требуются дополнительные меры для признания общественного мнения ответственным субъектом политических решений. В частности, российским законодательством отношения государства и общественного мнения прописаны недостаточно и неточно. Это ведет только к ошибкам в правоприменительной практике, но и к формированию угроз для органов государственной власти как критически важных объектов.

Основным механизмом формирования общественного мнения по поводу власти является система средств массовой информации. Актуальная политико-правовая и моральная сторона вопроса отражается в призыве к защите самой национальной масс-медийной системы от прогрессирующего процесса социальной маргинализации журналистики и его следствий как, например, общественного требования введения цензуры.

Но с другой стороны, в современный механизм государственного контроля за СМИ «встроены» рычаги перераспределения административной, финансовой и экономической власти, что недопустимо в рамках демократического информационного порядка.

В целом законодательство о СМИ нуждается в существенном приращении новыми документами. Прежде всего, это касается отношений государства с журналистикой: они должны быть четко определены в законе и регулироваться исключительно правовыми методами. Государственная информационная политика должна защищать свободу журналистики и устанавливать ее ответственность перед обществом.

В современной политической системе России четкой системы внешнего гражданского и общественного контроля над соблюдением действующего законодательства нет. Отношения журналист-

тики и общественного мнения, которые не могут продуктивно взаимодействовать, — важнейшая проблема, оказывающая существенное влияние на информационную устойчивость политической системы. Привлечение к ее разрешению института Общественной палаты РФ, аналогичных органов на местах, возможно, обеспечит с одной стороны, конструктивное общественное давление на СМИ, с другой — будет препятствовать выходящему за рамки закона административному вмешательству чиновников в журналистскую и редакционную деятельность.

Государственная информационная политика не имеет пока концептуальных оснований в сфере отношений «СМИ — социальные институты». В этих условиях существует прямая угроза информационному обеспечению социального диалога. А последовательная реализация сбалансированной государственной информационной политики неизбежно приведет к появлению общественной (государственно-общественной, общественно-правовой, публичной) журналистики.

Подготовка кадров. Очевидна потребность в специалистах — государственных служащих для этого специфического вида информационной деятельности в ее невоенном аспекте. В целях практического обеспечения решения этой государственной задачи в Российской академии государственной службы разрабатывается ряд курсов для системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных служащих в области информационной безопасности.

В частности, подготовлена учебная программа по курсу «Государственное управление и информационная безопасность» в объемах свыше 600 часов. Она рассчитана на специалистов органов безопасности субъектов Федерации (общественной преимущественным образом), осуществляющих функции информационно-психологической диагностики социальной сферы, мониторинга общественного мнения, прогноза формирования социальных состояний и настроений, разработки стратегических и тактических мер в области информационной политики на федеральном и муниципальном уровнях.

Несмотря на то, что за последние 15 лет в России выстроена система подготовки кадров для обеспечения информационной безопасности, активно развиваются лишь две специальности с соответствующими специализациями: инженерная и юридическая. Это, как свидетельствует практика, и подтверждают специалисты, не может оставать-

ся неизменным в современных российских условиях.

Очевидна необходимость изменения ситуации и введение в федеральный перечень учебных и научных специальностей, а также в образовательные стандарты подготовки государственных служащих профессиональной квалификации «Информационная безопасность» — социологические или политические науки.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Дамаскин Олег Валерьевич,

профессор кафедры национальной безопасности
РАГС, доктор юридических наук

Трансформация биполярного мира в однополярный не привела к реальной разрядке напряженности, ликвидации военных союзов и всеобщему разоружению. Экономическая экспансия, милитаризм, накопление оружия массового уничтожения продолжают. В различных районах мира возникают очаги напряженности и военные конфликты. Терроризм, как современное универсальное транснациональное средство борьбы, получает широкое развитие и используется криминальными, религиозными и государственными организациями. Назревает угроза возвращения к состоянию холодной войны. Осуществляется размежевание в связи с происходящими в мире локальными конфликтами в Иране, Ираке, Ливане, Афганистане, Косово и других местах. Логичным ответом на попытки возрождения Западом «санитарного кордона» на западной границе России является сближение ее с Венесуэлой, Кубой, Китаем.

В развитии международных отношений в интересах обеспечения международной безопасности можно выделить долгосрочные тенденции.

Стремление США к сохранению роли мирового лидера продолжится. Курс на развитие лидерства США подтвержден избранным Президентом США Бараком Обамой. В связи с этим, будет происходить активное навязывание США своих ценностей и приоритетов другим государствам, чтобы в еще большей степени приспособить процессы глобализации к американским интересам, осуществить демонтаж послевоенной системы международного права, дробление суверенных государств, подорвать растущую мощь глобального конкурен-

та в лице Европейского Союза, снизить роль ООН в целях формирования нового мирового порядка при лидерстве США. Самонадеянность США в финансовой политике и экономической экспансии получила в последнее время наглядное и убедительное подтверждение. «Будучи теснейшим образом связанной с рынками всех развитых стран и при этом самой мощной из всех, экономика Соединённых Штатов потащила за собой вниз, на траекторию спада, финансовые рынки всей планеты. И этот кризис тоже приобрел глобальный характер»¹.

Получит дальнейшее развитие тенденция размывания договорных взаимоотношений, существовавших в годы холодной войны. Будет происходить формирование широких коалиций, в которых в той или иной степени будут заинтересованы США — «антиафганской», «антииракской», «антитеррористической» и т.д. Одновременно в международных отношениях появится такой мощный объединительный фактор, как необходимость противостоять глобальным угрозам мировому сообществу, которые затрагивают интересы его безопасности.

По мере роста экономического потенциала стран-членов Европейского Сообщества (ЕС) их политические амбиции будут расти. Продолжится превращение Европейского Союза в конфедеративное образование, эпицентром которого могут стать Германия и Франция. Однако представляется, что объединенная Европа сможет стать конкурентом США, Китаю и Японии только в случае интеграции с Россией.

Очевидна тенденция нарастания противодействия росту американского влияния в мире. В наибольшей степени она выражается в позиции арабских государств, отдельных государств Южной Америки, а также неправительственных антиглобалистских организаций и движений, для которых антиамериканизм превращается в политико-идеологическую основу. Набирает силу центростремительная тенденция восстановления разорванных связей между людьми, социальными группами и государствами, тяготеющими к России.

Становление Китая как сверхдержавы, способной осуществлять активную политику не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и на глобальном уровне, может привести к формированию нового «центра силы», уравновешивающего США.

¹ Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года. Президент России. Официальный сайт.

Достижение Индией высокого уровня промышленного и научного развития, а также численности населения, также будет способствовать усилению ее влияния на глобальные процессы в мире. Возможно превращение Ирана и других стран в державы, обладающие ядерным оружием, что повышает потенциальную угрозу международной ядерной безопасности. Существующие международные договоренности о нераспространении оружия массового уничтожения не адекватны масштабам угроз, включая ядерную войну. При этом наиболее опасным направлением становится перспектива слияния двух глобальных тенденций — международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

Таким образом, человечество вступает в период, который вероятно, будет характеризоваться отсутствием гражданского мира, стабильности и законности. Эта нестабильность является следствием неравномерности процессов глобализации, их антисоциальной направленности, отсутствия эффективного механизма международного сотрудничества, что обуславливает потребность совершенствования ООН, ОБСЕ и других международных организаций, реального конструктивного сотрудничества во имя сохранения, развития и улучшения жизни на Земле. В этих условиях Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года сказал: «Мы сделаем всё, чтобы мир стал более справедливым и более безопасным»¹.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Терновая Людмила Олеговна,
профессор кафедры национальной безопасности
РАГС, доктор исторических наук

Утверждение новой Концепции внешней политики² Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. продолжает сложившуюся в России традицию формулирования

¹ Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года. Президент России. Официальный сайт.

² См.: Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. // www.mid.ru.

внешнеполитических доктрин вскоре после наступления нового президентского срока. С момента принятия предыдущей Концепции внешней политики РФ 2000 г. изменилось понимание Россией своей роли в мире.

Хотя по структуре концепции 2000 и 2008 гг. в целом совпадают, в них обнаруживаются и различия. Так, в Концепции 2008 г. перечислено больше приоритетов России в решении глобальных проблем, да и излагаются они в ином порядке, с видоизмененными формулировками. В 2008 г. из документа исчезло определение России как великой державы, что было в предыдущих концепциях, а осталась только ее характеристика как «одного из влиятельных центров современного мира», «крупнейшей евразийской державы» или просто «новой России». Несомненно, что в отказе от употребления понятия «великая держава» выражен реалистический характер этого документа.

Требуется отметить, что в разделе Концепции 2008 г., посвященном анализу состояния современного мира и внешней политики страны, подчеркивается, что стираются различия между внутренними и внешними средствами обеспечения национальных интересов и безопасности, тогда как ранее говорилось лишь о том, что мир переживает фундаментальные и динамичные перемены. Все большее значение приобретают: уровень защищенности интересов личности, общества и государства; духовное и интеллектуальное развитие населения; рост его благосостояния; сбалансированность образовательных, научных и производственных ресурсов; уровень инвестиций в человека; эффективное использование механизмов регулирования мировых рынков товаров и услуг, диверсификации экономических связей; сравнительные преимущества государств в интеграционных процессах. Сложность стоящих перед международным сообществом задач требует выработки сбалансированной стратегии их решения, исходящей из взаимосвязанности проблем безопасности, социально-экономического развития и защиты прав человека.

В Концепции указано, что Россия будет продолжать добиваться укрепления многосторонних начал в мировых делах, формирования такой архитектуры международных отношений, которая основывалась бы на признании международным сообществом принципов неделимости безопасности в современном мире. Россия всецело осознает свою ответственность за поддержание безопасности в мире, как на глобальном, так и на региональ-

ном уровне и готова к совместным действиям со всеми другими заинтересованными государствами в целях решения общих задач. При этом подчеркивается, что, если партнеры не будут готовы к совместным действиям, то Россия для защиты своих национальных интересов будет вынуждена действовать самостоятельно, но всегда на основе международного права. В Концепции перечисляются приоритеты внешней политики в области укрепления международной безопасности. К новым приоритетам относится расширение международного сотрудничества в целях обеспечения экологической безопасности и противодействия изменению климата на планете, в том числе с привлечением новейших энерго- и ресурсосберегающих технологий, в интересах всего мирового сообщества.

Положения Концепции 2008 г. сохранили преемственность основополагающим внешнеполитическим установкам Российской Федерации. Однако нельзя не видеть изменений, отражающих как новые международные реалии, так и новую геополитическую самоидентификацию России. Представляется, что некоторые выводы можно сформулировать на основе проекции текста Концепции на те события, которые развернулись уже через месяц после ее утверждения.

Во-первых, принятие Концепции внешней политики свидетельствует о том, что в концептуальном оформлении внешней политике России сформировался и закрепился устойчивый внешнеполитический ритм.

Во-вторых, Концепция 2008 г. подтвердила те принципиальные внешнеполитические положения, с которыми лидеры страны выступали в последнее время с различных международных трибун. Необходимость предотвращения того, что произошло в августе на Кавказе, можно было весьма четко уловить и в этих выступлениях, и в самой Концепции.

В-третьих, и из текста Концепции, и из анализа событий августа—сентября 2008 г. вытекает отсутствие зависимости России от какой-либо страны или союза стран практически в любой области внешнеполитической деятельности. Единственная зависимость, которая признается Россией, заключается в следовании нормам и принципам международного права.

В-четвертых, на практике обозначилась слабость информационного обеспечения внешнеполитической деятельности России. Можно сколько угодно говорить о цинизме западных СМИ. Пони-

мая, что имеется дефицит морали в международных делах, можно было предвидеть особый цинизм в освещении конфликта. Однако инерция «доинформационного» восприятия мировой политики сохранилась как в Концепции внешней политики, так во внешнеполитической деятельности России. Поэтому в концептуальном сближении внешней политики и политики национальной безопасности важно учитывать реалии информационной эпохи.

Следует обратить внимание и на то, что в Концепции внешней политики перечень организаций, формирующих экспертное сообщество, заметно расширен, в него включено академическое сообщество. Желательно, чтобы это положение было реализовано и способствовало бы глубокой научной проработке концептуальных внешнеполитических положений.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Тамарчина Наталья Александровна,

доцент кафедры национальной безопасности РАГС,
кандидат политических наук

На встрече с участниками дискуссионного клуба «Валдай» президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Безопасность существующего мира требует серьезного вмешательства всех конструктивных сил». По его словам, кавказский кризис показал неэффективность существующей однополярной системы¹.

Военный конфликт на Кавказе продемонстрировал многим, что система безопасности не только отдельно взятых территорий, но и целых регионов не столь прочна. Попытки передела сферы влияния ведущими геополитическими игроками чреват непредсказуемыми последствиями и, самое главное, неоправданными человеческими потерями.

Признание странами Запада независимости Косова открыло ящик Пандоры. И в этой связи признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии соответствует политике признания Косова. Очевидно, право критиковать Россию могут иметь только те государства, которые не поддержали нападение на Югославию и Ирак и

которые настаивают на соответствии принципу запрета менять границы без согласия тех государств, кого эти изменения касаются. Право осетин получить российское гражданство было названо провокацией. Однако есть исторические прецеденты. Например, Чехия, Хорватия, Германия.

Ухудшение отношений России и Запада, ставшее основой политической тенденции последних лет, ускорилось в результате пятидневной войны на Кавказе. Возродился термин «холодная война». Только, если прежде суть холодной войны внешне заключалась в идеологическом противостоянии двух систем, а внутренне это было геополитическое противостояние России и Западной Европы, в ходе которого решался вопрос о политическом доминировании в Евразии и мире, то теперь стороны исповедуют одни и те же ценности — демократия, права человека, частная собственность. Проблема заключается не в преобладании той или иной политической системы, а в контроле над стратегически важными регионами и ресурсами, обеспечивающими безопасность и экономическое развитие. Отсутствие идеологической составляющей, тем не менее, отнюдь не обеспечивает «смягчения нравов». Скорее наоборот. Освобожденная от накладываемых идеологией моральных ограничений борьба за ресурсы приведет к тому, что стороны вряд ли будут стесняться в выборе средств.

Второй важный момент, который следует отметить особо, — это смещение вектора противостояния. В биполярной системе основную тяжесть противостояния несли на себе вооруженные силы великих держав вместе с армиями союзников, образовавших блоки, в то время как локальные конфликты, в ходе которых сверхдержавы «прощупывали» друг друга, не опирались на сформировавшийся стратегический баланс сил. В нынешних условиях локальные конфликты за обладание теми или иными стратегически важными ресурсами — особенно в условиях нарастающего дефицита природных ресурсов — играют и будут играть намного более важную роль, что приведет к увеличению их числа, и росту ожесточения.

Кавказ в последние два десятилетия приобретает для мирового сообщества все более актуальное топливно-энергетическое и геополитическое значение. Если Балканы во второй половине XIX, по выражению Бисмарка, превратились в «пороховую бочку» Европы, то Кавказ в начале XXI столетия имеет сравнимое значение для более глобального пространства — Евразии. Сложный узел межэтнических противоречий пропитан энергетическими

¹ <http://www.vesti.ru>

интересами мировых держав и уникальным географическим расположением региона, позволяющим выработать оптимальные маршруты движения энергоносителей между двумя великими континентами¹.

Конфликт вокруг Южной Осетии еще раз продемонстрировал истинную транспортно-энергетическую подопку позиций, занятых мировыми центрами, которые используют принципы территориальной целостности и права наций на самоопределение в собственных целях.

У США и ЕС интересы совпадают в обеспечении функционирования транзитного коридора через территорию Грузии и изоляции России от природных ресурсов, находящихся вблизи ее южных рубежей. Однако Вашингтон и Брюссель являются конкурентами, и об этом свидетельствует деление Европы на «старую» и «новую».

Юго-осетинский конфликт противопоставил друг другу два интеграционных пространства: евразийское и евроатлантическое. Государства, имеющие отношение к первому, признали на своем саммите в Душанбе приоритет России в урегулировании югоосетинского конфликта, а вторые солидаризируются с позицией США, хотя и не так единодушно, как это хотелось бы американцам. ЕС неоднократно заявлял и заявляет о необходимости сохранения стратегического партнерства с Россией². Однако, чертой нового, формирующегося курса в отношении России должны стать элементы сдерживания, а первым шагом к нему — по-

пытка выработки новой энергетической политики, которая позволит Европе не зависеть в такой мере от российских энергоносителей.

Стремление США во что бы то ни стало углубить свое проникновение в Каспийско-Среднеазиатский регион аргументируется соответствующими оценками его топливно-энергетических ресурсов. По данным министерства энергетики США, запасы нефти в районе Каспийского моря по самой оптимистичной оценке сопоставимы с запасами США, а запасы газа примерно равны всему газовому потенциалу Саудовской Аравии¹.

Однако в процессе конкурентной борьбы за контроль над топливно-энергетическими источниками в начале нового тысячелетия, как и в предыдущих двух столетиях, судьбы и проблемы народов Кавказа, да и других регионов стратегического эллипса не представляют такого интереса для мировых стратегов, в отличие от земли, на которой они проживают

Кризис окончательно похоронил идею однополярного мира, а также нанёс серьёзный удар по остаткам Ялтинско-Потсдамской системы. И Косово, и Юго-осетинский кризис, также как и Иракская война продемонстрировали недееспособность основных формальных и неформальных глобальных и региональных институтов, как созданных в период холодной войны, так и в постбиполярном мире. «Мир не должен быть однополярным, — сказал президент РФ Д. Медведев на встрече клуба «Валдай», — он должен быть полицентричным»².

¹ <http://www.gazeta.ru>

² <http://www.vesti.ru>

¹ <http://www.blisty.cz>

² Там же.

**«ОБЩЕСТВО И АРМИЯ:
РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ИНТЕРЕСАХ УКРЕПЛЕНИЯ
ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ»**

**Материалы «круглого стола»
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова**

19 сентября на базе МГУ им. М.В. Ломоносова прошел «круглый стол», на котором собрались эксперты в области национальной и военной безопасности: гражданские и военные философы, политологи, социологи, психологи.

В работе «круглого стола» приняли участие более 20 ученых из Института социально-политических исследований РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Минобороны России, Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Военной академии Генерального штаба, Военного университета, Социологического центра Вооруженных сил Российской Федерации и др.

В ходе обсуждения были затронуты проблемы взаимодействия общества и государства в укрепле-

нии военной безопасности России, был обсужден опыт грузино-югоосетинского конфликта в сфере информационной борьбы и геополитические изменения, вызванные агрессией Грузии. Также обсуждались проблемы функционирования и развития системы управления национальной и военной безопасностью Российской Федерации.

По итогам «круглого стола» был выдвинут ряд предложений по оптимизации взаимодействия гражданского общества и государства в интересах укрепления военной безопасности России, которые были направлены в адрес Общественной палаты.

В данной публикации представлены некоторые материалы.

ПЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА В РАКУРСЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

Серебрянников Владимир Васильевич,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник ИСПИ РАН

Отразив агрессивное нападение Грузии на Южную Осетию, Россия принудила ее к миру, предотвратила расползание конфликта, укрепила безопасность в регионе. Военные меры российской стороны явились ответными, правомерными, справедливыми.

Последовавшее за войной и связанное с ней дипломатическое наступление России глубоко перепахивает поле мировой политики, закладывая семена новых реалий.

Аналитики, сосредотачиваясь на двух указанных фазах кавказского конфликта, проходят мимо его предвоенной фазы, что лишает возможности извлечь ряд наиболее важных уроков.

1. Отвлеченность от главной задачи

Главная цель системы военной безопасности страны и главная задача Вооруженных сил, установленные политикой, военной доктриной России — своевременное предотвращение войн и вооруженных конфликтов, «локализация, нейтрализация и ликвидация военных угроз» — оказались не выполнены.

Известно, что политика рождает войну: выдвигает цель, план, организует подготовку, разжигает воинственность в обществе и армии, ищет внешних помощников и спонсоров, принимает окончательное решение и т.д. Предотвращение войны есть активное противодействие всему этому. Российское государство отдает приоритет в этом деле невоенным средствам — политическим, дипломатическим, экономическим, информационным и другим. Такая «политика антивоины» призвана формировать отношения, которые были бы жизненно ценными для соседних государств, и нарушать их было бы крайне невыгодно никому. Она активно трансформирует обстановку, сужая и сво-

для нас нет объективных возможностей для агрессивных действий.

Россия предпринимала определенные меры в этом направлении: дипломатические контакты с Грузией, предложения заключить соглашение о недопустимости применения военной силы для разрешения грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, проявила заботу об эффективности российской миротворческой миссии, провела учения войск, ввела торгово-экономические санкции в связи с провокационными действиями грузин и т.д. Но эти действия были вялыми, спорадически-фрагментарными, неконкретными. Многие из того, что должно было служить недопущению войны, стало делаться лишь в ходе или после нее. Особенно в работе с союзниками. Давно стало аксиомой, что предотвращение войн (конфликтов) есть союзническое дело. В момент войны обнаружилось, что в ШОС, ОДКБ, СНГ не было выработано конкретного отношения к кавказскому конфликту, как наиболее опасному для всех союзников, общего плана, стратегии, механизма воздействия на него. Даже отсутствовала обязанность сообща поддерживать страну — члена этих организаций, подвергшуюся агрессии. Лишь почти месяц после войны союзники по ШОС и ОДКБ публично поддержали действия России по принуждению Грузии к миру. В отличие от этого союзники Грузии выступили немедленно на ее стороне как западные, так и некоторые из стран СНГ (Украина и фактически Азербайджан). Вообще, сокращение круга «верных союзников» по СНГ есть в каждом случае — стратегическое поражение России, а их было не одно, но уроки на этот счет до сих пор не извлечены.

Россия далеко не в полной мере использовала возможности публичной дипломатии, культурно-гуманитарных, информационных, гражданских связей для формирования нужного общественного мнения, воздействия на правящие круги Грузии. Тяготение 60—70 процентов грузин к России, в том числе находящейся на ее территории почти миллионной диаспоры, многих деятелей науки, образования и культуры создавало благоприятные предпосылки для этого. Показательно, что наши войска встречались простыми людьми Грузии весьма приветливо.

По существу, мы ничего не делали, чтобы помешать милитаризации Грузии, поставкам ей наступательного оружия четырнадцатью государствами, чрезмерной активности в этом США. Поспешным же выводом своих войск, оставлением

важных объектов и военной инфраструктуры, мягкотелым реагированием на грубые провокации фактически способствовали этому.

Агрессоры развязывают войны, когда уверены в успехе. Поэтому важно заблаговременно разгадать их замысел и планы, а также разрушить веру в успех, внушить неизбежность поражения. Даже самые дикие агрессивные субъекты, поставленные перед выбором — «гибель или трансформация», как правило, меняют вектор поведения. Внушение и показ агрессору неприемлемого ущерба, который его ожидает в случае нападения, стоят в ряду реальных сдерживающих факторов, если осуществляются целеустремленно и искусно. Западный военный теоретик Кингстон Макклори сформулировал своего рода закон: «нападают лишь на слабых, на сильных — никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно свои силы и производящих со стороны впечатление слабых». Сделать нечто подобное по отношению к грузинским верхам не удалось. Некоторые полагают, что это было невозможно, ибо за спиной режима Саакашвили стояли США. Но сам разгром грузинской авантюры есть лучшее подтверждение возможности заблаговременного срыва их веры в успех. Надо своевременно давать сигналы на этот счет и мировым титанам в точном соответствии с международным правом. Как это делалось, например, Советским Союзом при принуждении к отказу от войны во время Суэцкого (1956), Карибского (1962), Берлинских (60—70-е) кризисах и др. Хотя возможности у нынешней России на этот счет другие, но преуменьшать их не следует.

Конечно, наивно полагать, что при активности и искусном действии предотвращение войны неизбежно даст желаемый результат. Это действие имеет двухсторонний характер, включает немало неопределенностей и неожиданностей, но не относится к разряду тех, которые заранее сулят только негативный результат.

Досаду вызывает то, что в документах ООН, Совета безопасности, трудах известных политиков, дипломатов, ученых изложены уроки успешных и причины неудач в предотвращении войн и вооруженных конфликтов на основе мирового опыта XX века.

К объективным причинам неудач относятся: недостаток средств; неблагоприятная обстановка; отсутствие ключевой развединформации, поддержки союзников и общественного мнения; отсталость применяемых стратегий, технологий, меха-

низмов. Среди субъективных причин выделяются: недооценка угрозы, убаюкивание себя надеждами, что все рассосется само собой; слабое воздействие на сознание, волю и поведение воинственных субъектов; узость знаний и опыта, инертность политического и военного руководства, их пассивность. Отмечается, что на поведение политиков влияет и то, что мирно предотвращенный конфликт не дает им очков, а успешное применение силы, как правило, поднимает их рейтинг. Сказывается присущая большинству людей склонность отвлекаться от тяжелых и мучительных дум об опасности, пока она не наступит.

Ведущее и все возрастающее значение имеет именно субъективный фактор, который может творчески изменять объективные условия, приспособляя их к решению задачи предотвращения войн. В случае грузино-российского конфликта он не сыграл такой роли.

Политика руководит невоенными и военными средствами, сливая дела отдельных звеньев в единый процесс предотвращения войны. Но политика занимается не только военными угрозами, но и массой невоенных угроз глобального и национального порядка, многими другими делами. Поэтому, беря на себя самое важное, определяя принципы и задачи каждого средства, политика представляет им простор для проявления инициативы и творчества, относительной самостоятельности.

2. Слабости сдерживания

Вооруженные силы являются согласно установкам политики главным гарантом обеспечения военной безопасности государства. Они должны быть надежны в двух отношениях: 1) готовности разгромить любого агрессора в случае нападения; 2) предотвращать войны, вооруженных конфликтов. Важно четко понимать превентивную роль армии. Преувеличение или недооценка этой роли, нарушение единства политической и военной стратегии снижают эффективность всего дела. Например, передача всей ответственности за предотвращение войны военным неизбежно умаляет роль самой политики, дипломатии, утяжеляя военную составляющую на невоенной стадии конфликта, снижает общую инициативу, что проявилось на Кавказе.

В максимальной мере Вооруженные силы служат предотвращению войны своей боевой мощью, высокой боеспособностью и боеготовностью. В истории не раз боеготовность нашей армии в начале войны оказывалась не на уровне по вине по-

литического и военного руководства. Так получилось и в новой кавказской войне, о чем свидетельствуют местопребывание высших политиков, признание многих офицеров и рядовых: «Мы просто не предполагали, что Грузия и те, кто руководил ее лидером из-за рубежа, начнут так подло действовать» (заместитель главкома сухопутных войск); «ждали обычных провокаций, но не войну»; «только после нападения пришло понимание, что это не учения, а война»; «никто не думал, что будет такое нападение»; «трудно было представить заранее то, что мы увидели» и т.п. («Красная звезда», 27 августа; 2, 3 сентября и др.).

Нельзя полагать, что совсем не готовились к провокациям Грузии. Но не предвидели тот вариант, который произошел. Стоят ли за этим недоработки разведки, мониторинга и анализа данных об эволюции угрозы, отсутствие точных и плодотворных оценок ситуаций, дающих основу для своевременных и правильных решений, в том числе по определению дислокации войск, приведению их в повышенную боеготовность и т.д.

Имела место опасная потеря времени в условиях, когда нападение отражали малыми силами осетинские ополченцы и наши миротворцы (около 500 человек). Российские войска находились в отдалении. Если бы грузинам удалось перекрыть Рокский тоннель, то события могли бы приобрести крайне негативный ход. Однако 42-я мотострелковая дивизия, сыгравшая большую роль в разгроме войск агрессора, возвратившись с учений из зоны конфликта, была поднята по тревоге в 9.00 8 августа (уже около полусуток шли боевые действия). Дивизия проделала марш из Чечни к Цхинвалу в 300 км по горным дорогам и только к концу 9 августа приступила к боям, которые провела весьма успешно. Не сработал до нападения в полной мере и фактор стратегического и оперативно-тактического сдерживания, в основе которого лежит косвенное, опосредованное использование военной силы в качестве политического средства принуждения потенциального противника к отказу от применения вооруженного насилия под угрозой неприемлемых для него последствий и полного краха его планов. Материально-силовой составляющей такого сдерживания является достаточное для этого количество сил и их соответствующее состояние. Косвенное применение этих сил должно было носить точную конкретную политическую направленность: конкретные заявления, декларации, требования, военные учения и маневры, демонстрации, создание группировок

войск, приведение их в повышенную готовность, санкции и т.п. Некоторые из этих действий имели место, но они были разрозненны, малоубедительны, неэффективны.

Многие упущения в предотвращении войн (конфликтов) связаны с недостатками нашей военной доктрины. Она ограничивается лишь самыми общими установками на этот счет: поддерживать готовность вооруженных сил к согласованным действиям по выполнению этой задачи, своевременно вскрывать угрожающее развитие обстановки, подготовку нападения, локализовать очаги напряженности, пресекать враждебные вылазки. Но ничего не говорится о практических мерах, конкретных планах, обязанностях тех или иных командных структур, формах и способах взаимодействия военной силы с другими элементами национальной мощи (политическими, дипломатическими, информационными и т.д.), также занимающимися предотвращением войн.

В «Национальной военной стратегии США», документе, сопоставимом с нашей доктриной, кроме общих и конкретных установок по этой же проблеме в ее 14 разделах, имеется специальный раздел «Предотвращение конфликтов и внезапного нападения», который примерно в десять раз объемнее всего соответствующего содержания нашей доктрины. А главное, в нем четко определены упреждающее воздействие на противника: удержание от опасных действий, подавление воли к войне, вынуждение к отказу от нее; давление всеми средствами, использование с этой целью в стране противника оппозиции, объединение в этих делах с союзниками, нейтралами и т.д. Что наиболее важно — даются указания о формах непосредственного участия командующих группировок войск в угрожаемых зонах, о разработке планов таких действий совместно с дипломатами, разведкой, СМИ; о добывании сведений о развитии угрозы, мотивах, планах, целях и действиях противника, построении прогнозов и стратегии срыва его замыслов, соответствующей работы с войсками, проведении не прямых действий (демонстраций, учений и т.д.). Дается критерий оценки всей этой деятельности. Выполнение этих установок неоднократно давало армии США должный эффект.

Конечно, все эти меры в основном направлены на упреждающие силовые действия, нанесение упреждающих ударов, в том числе возможно, ядерных, на действия по принципу «война против войны», что служит оправданию агрессивных войн, выдаваемых за действия по их предотвращению.

Примеры этому Югославия, Афганистан, Ирак, а теперь и подготовка войны против Ирана под видом предотвращения ядерной войны с его стороны против США и НАТО. Но критически и творчески переработанные достижения военной мысли, отраженные в стратегии США и служащие агрессивным целям, могут эффективно служить действительному делу предотвращения войны.

3. Отставание науки и стратегии

Предотвращение войны — одна из сложнейших социально-политических проблем, разработкой которой призваны заниматься, прежде всего, общественные науки, а также естественные и технические. Поскольку современные войны — сложнейший умственный продукт, то и предотвращение их в возрастающей степени должно быть в первую очередь умственной деятельностью. Правы те, кто утверждает, что пытаться останавливать современные войны со старыми знаниями, стратегиями, методами и технологиями также смешотворно, как пытаться уничтожить танк, бросая в него зефиры. На западе работают десятки научных центров, исследующих эту проблему. У нас нет ни одного. Нет за последние двадцать лет ни одной крупной работы, которая бы произвела заметное воздействие на общественное сознание и практику.

Наша военная наука существенно отстает в разработке теории, стратегии и оперативного искусства, осмыслении отечественного и мирового опыта предотвращения войны и вооруженного конфликта. Эта проблема не определилась даже как особая составная часть военной науки и военного искусства.

Двадцать лет назад начальник Генштаба генерал армии М. Моисеев писал: «Одной из сложных задач военной науки является разработка стратегии предотвращения войны. Такая проблема еще никогда не ставилась в наших Вооруженных силах. Требуются глубокие научные исследования, разработка конкретных рекомендаций органам управления, войскам и силам флота» («Коммунист Вооруженных сил», 1989, № 21, с. 25). Мы первыми выдвинули эту задачу, но ничего до сих пор не сделали для ее решения. Спустя двадцать лет генерал армии Ю. Балубевский, будучи начальником Генштаба, напомнил об этой задаче, подчеркнув ее возросшую значимость: «Если для советской военной науки предметом исследования в первую очередь были проблемы ведения широкомасштабной войны, то сейчас на первый план выходит проблематика предупреждения, недопущения этих

войн» («Красная звезда», 2007, 11 декабря). Здесь, к сожалению, задача сводится к разработке проблем предотвращения крупномасштабной войны. А ведь агрессивные силы делают сейчас ставку в достижении своих целей малыми конфликтами типа южноосетинского, которые, по их мнению, более выгодны и менее опасны.

Мало занимаются этой, как и другими новыми проблемами, научные структуры Минобороны, академия военных наук. Нет серьезных работ по стратегии войн (конфликтов), разработке соответствующих методов, технологий, организационных механизмов, руководящих документов на этот счет. Многие высокие начальники, преподаватели академий считают эту проблему надуманной, искусственно навязываемой военным. Нет осознания ее актуальности и сложности. Нет удовлетворительного понятия «предотвращения войны». В военной энциклопедии оно имеет слишком расширительный характер, отождествляется с искоренением войн, что является более глубокой и отдаленной задачей. Во многих статьях журнала «Военная мысль» предотвращение войны рассматривается лишь как сдерживание, хотя оно шире и направлено на свертывание и сведения на нет той или иной конкретной военной угрозы.

Нет даже постановки вопросов о единстве политической и военной стратегии в предотвращении войн, что является коренной проблемой. Политике, чтобы дело приобрело осмысленный, целеустремленный, конкретный и подконтрольный характер, необходимо решить следующие задачи:

- организовать разработку теории и стратегии, специального документа (Руководства) по предотвращению войн (конфликтов), которое конкретно определило бы функции, задачи и ответственность различных государственных (невоенных и военных) структур за деятельность на этом направлении;
- в Совете безопасности России иметь специальный сектор (отдел) с возможным названием «Отдел по предотвращению войн (вооруженных конфликтов)», который бы постоянно занимался этим делом под руководством одного из заместителей секретаря Совета безопасности. Государству целесообразно дать заказ на системную разработку проблемы Российской академии наук;
- в министерстве иностранных дел, которое несет непосредственную ответственность за сохранение мира и предотвращение войн, целесообразно иметь координационный центр, ведущий

оперативную работу со всеми министерствами, занимающимися внешней деятельностью, а также с Минобороны, составляющий общий план, организующий проведение специальных кампаний в наиболее угрожаемых зонах, затрагивающих безопасность страны;

- в Минобороны (как и в других ведомствах, занятых этим делом) кроме установочных положений доктрины по участию Вооруженных сил в предотвращении войн, важно иметь наставление (инструкцию) для командования видов и родов войск, учебные пособия и другие издания для личного состава армии и флота;
- гражданский контроль над Вооруженными силами важно направлять не только на совершенствование их внутреннего состояния, но и на то, как выполняется главная задача — не допустить войн;
- важно предусмотреть создание и нештатных структур по решению этих задач на региональных, локальных и местных уровнях, обеспечивающих эффективное взаимодействие, особенно в зонах повышенной напряженности и горячих точках;
- жизнь показывает необходимость создания подобных специализированных (не обязательно штатнообособленных) структур в союзнических объединениях (ШОС, ОДКБ, СНГ и т.д.).

Главная цель и главная задача в обеспечении военной безопасности, то есть предотвращение войн, требует серьезного государственного внимания, конкретных дел государства и общества.

ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ¹ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Певень Леонид Васильевич,

капитан 1 ранга, кандидат философских наук,
начальник Социологического центра
Вооруженных сил Российской Федерации

Формирование нового европейского геополитического пространства, протекающее на фоне возрастания военной конфликтности в непосред-

¹ Термин «гражданско-военные отношения», используется автором для обозначения общественно-политического социального явления, которое представляет систему функциональных взаимосвязей, выстраиваемых между гражданским обществом и вооруженными силами (далее — армия), как институтом государства, на разных этапах его становления и развития, проявляемых во всех сферах общественной жизни по поводу

ственной близости к границам России, характеризующееся продвижением НАТО к её территории, распространением наркотрафика, активизация незаконной миграции, международного терроризма и его проникновением в пределы Российской Федерации принесло россиянам ощущение своей острой незащищённости перед системой угроз интересам военной безопасности России.

Военной силе в настоящее время отводится если не главная, то весьма важная роль в определении современного миропорядка. В свою очередь в мире довольно очевидно определились тенденции, явно затрагивающие интересы безопасности России.

Во-первых, разрушается, сложившаяся по итогам II Мировой войны система международной безопасности, базирующаяся на Ялтинских и Потсдамских соглашениях, принципах Устава ООН, что подтвердили уроки и последствия агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года.

Во-вторых, у большинства развитых государств мира растут военные расходы и экспорт вооружений. По данным Боннского международного центра конверсии, в 2007 году военные расходы достигли рекордного показателя в 1,2 трлн. долларов, а их рост в реальном исчислении за период 2001—2007 годы увеличились на 30%» [2].

В-третьих, США и НАТО создают новую международную правовую базу по расширению и легитимизации ситуаций, при которых допустимо использование ядерного оружия, что ведет к понижению порога его применения.

В-четвертых, в мире продолжается процесс совершенствования оружия массового поражения, в военном деле используются новые технологии, создается оружие на новых физических принципах.

В-пятых, гонка вооружений вышла в космическое пространство, а воздушная среда, Мировой океан, все континенты земли превращаются в глобальный театр военных действий.

В-шестых, несмотря на фиаско однополярной модели мироустройства во главе с США, военной силе в настоящее время отводится если не главная, то весьма важная роль в определении современного миропорядка. Количество вооруженных конфликтов возрастает, они принимают характер сетевой войны.

реализации основных жизненно важных интересов личности, общества и государства в контексте обеспечения военной безопасности. По сути военно-гражданские отношения предполагают проявление демократического гражданского контроля не только в отношении принятия государственных решений в оборонной сфере, но и во всех сферах взаимодействия гражданского общества с военной организацией государства [1].

В-седьмых, военная, политическая, дипломатическая, экономическая и информационная поддержка США и многих стран НАТО создания Косово за счет территориальной целостности и суверенитета другого государства создает базовую модель для грядущего передела мира.

В этой связи возрождение российской государственности, стремление военно-политического руководства страны защитить национальные интересы и сферы традиционного влияния России обуславливают возрастание роли Вооруженных сил на данном историческом этапе развития. Эти обстоятельства определяют **внешний аспект** необходимости модернизации гражданско-военных отношений в интересах обеспечения национальной безопасности страны.

В свою очередь, политико-правовые проблемы обеспечения гармоничного развития гражданско-военных отношений в Российской Федерации, учитывая внутренние угрозы и опасности, приобретают в новых российских условиях уже иное содержание и форму, обусловленные, прежде всего, социально-политическими и экономическими противоречиями в российском обществе.

Прежде всего, следует отметить дифференциацию доходов населения, стагнацию социально-экономического положения семей военнослужащих, продолжающееся падение привлекательности военной службы, необходимость совершенствования военнослужебных отношений в армии, повышение в армии роли структур, предназначенных для решения задач по формированию высокого морально-психологического духа военнослужащих и др.

Эти проблемы наряду с необходимостью противодействия терроризму, вооружённому экстремизму, а также общественно значимые потребности по формированию оборонного сознания и толерантности у населения страны определяют **внутренний аспект** совершенствования гражданско-военных отношений в российском обществе.

Не следует забывать, что Россия начала XXI век с преодоления точки не возврата из состояния аномии, когда ослабление государственной власти поставило под угрозу само ее существование, ее суверенитет, независимость и территориальную целостность.

Казалось бы, никто и ничто не могло уже спасти Россию от потери государственности. «Армия была фактически деморализована и небоеготова, — отмечал В. Путин, будучи Президентом Российской Федерации. — ...денежное довольствие

военнослужащих было откровенно нищенским, да и выплачивалось несвоевременно. Техника стремительно устаревала. Предприятия оборонно-промышленного комплекса задыхались в долгах, теряли кадры и производственную базу. Сама Россия представляла собой «лоскутную» территорию. В большинстве субъектов Федерации действовали законы, противоречащие Конституции России» [3].

Системный кризис удалось преодолеть, благодаря не только чрезвычайно выгодной экономической конъюнктуре, но в большей степени в результате концентрации политической власти, реального укрепления российского государства, проявления политической воли в проведении целенаправленной политики в ликвидации политических, экономических, социальных и иных последствий применения «романтического либерализма» и монетаризма в постсоветской России. А главное — в отстаивании национальных интересов Российской Федерации.

Очевидно, что Россия возрождается. Возросли социальные ожидания населения. Общество стало более требовательным к политической власти, что привело к усилению социальной направленности реформирования России через реализацию национальных проектов в сфере здравоохранения, образования, строительства социального жилья, развития сельского хозяйства.

Вместе с тем актуализация внешних и внутренних факторов, представляющих угрозы жизненно важным интересам государства, общества и личности формируют общественно-политическую потребность в механизме повышения эффективности гражданско-военных отношений [4].

К формированию качественно иной политической модели взаимодействия гражданского общества и армии по обеспечению жизненно важных интересов государства в современных геополитических, политических, экономических, социокультурных и правовых условиях, обязывают практические задачи реформирования России и выработка новой политики обеспечения национальной безопасности [5]. А последнее предполагает разработку конкретных мер по политическому, социально-экономическому, правовому, информационно-коммуникативному обеспечению взаимодействия гражданского общества и армии в новых рыночных условиях, в условиях позиционирования России на международной арене как поборника справедливых и равных отношений в многополюсном мире.

Все это потребует переоценку социальной политики¹ государства по отношению к специфической категории населения страны — военнослужащим и членам их семей. Основное содержание новой модели гражданско-военных отношений обусловлено необходимостью вывода военно-социальной сферы из кризисного состояния, в котором она оказалась в постсоветский период, а также задачами строительства современных Вооруженных сил.

Последние 15—17 лет характеризовались резким сокращением бюджетных ассигнований в оборонную сферу страны, хроническим недофинансированием потребностей Вооруженных сил, что ни могло не обострить проблемы социально-экономического положения военнослужащих и членов их семей.

Попытки как-то адаптировать старую «советскую» модель гражданско-военных отношений к новым российским условиям оказались малоэффективными, что привело к ее деградации.

В итоге существующая система взаимоотношений между гражданским обществом и армией в настоящее время не удовлетворяет ни потребностям большинства населения страны, ни военнослужащим и членам их семей.

На фоне экономического подъема страны в 2004—2008 годы так и не удалось повысить престиж армии и привлекательность военной службы в российском обществе до необходимого уровня (рис. 1).

В наиболее сложном социально-экономическом положении оказались семьи офицеров Вооруженных сил РФ. Их бедственное положение полностью подтверждается результатами опросов независимых российских социологических организаций.

Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в октябре 2007 г. 40% опрошенных россиян независимо от социального происхождения, политических пристрастий, принадлежности к тому или иному социальному слою, уровню доходов и места жительства признали, что семьи военнослужащих в настоящее время живут бедно, ниже средне-русского уровня. Большинство — 58% россиян считают, что социально-экономическое положение военнослужа-

¹ Социальную политику — деятельность, направленная на управление социальным развитием общества, на обеспечение удовлетворения материальных и культурных потребностей его членов и на регулирование процессов социальной дифференциации общества. Базовыми целями социальной политики является достижение равновесия, стабильности и целостности общества [6].

Рис. 1. Изменение индекса «prestige военной службы» в Вооруженных силах Российской Федерации¹ в 2004—2008 годы

щих должно находиться выше общероссийского среднестатистического уровня.

Обострение этих социальных проблем в военно-политической сфере ведет к снижению способности армии эффективно выполнять возложенные на нее государственные функции по обеспечению безопасности развития Российской Федерации и сдерживанию потенциальных угроз национальной безопасности (рис. 2).

¹ Для анализа и визуализации данных, полученных в ходе исследований, используются индексы, рассчитываемые как разница между суммой положительных и средних оценок и суммой отрицательных оценок, увеличенная с учетом коэффициентов $k_{1-5} = (+1,0; +0,5; +0,33; -0,5; -1,0)$, которые приведены к предельным значениям интервала (от $\max = +1,0$ до $\min = -1,0$).

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время в Минобороны России предпринимаются конкретные шаги по улучшению социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей¹. Вместе с тем возрастание общественно-политической значимости военной службы и Вооруженных сил в обеспечении безопасности личности, общества и государства, обуславливают высокий социально-правовой статус военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, которые в интересах полити-

¹ 28 марта 2008 г. на Коллегии Министерства обороны Российской Федерации утверждена «Стратегия социального развития Вооруженных сил Российской Федерации на период до 2020 года».

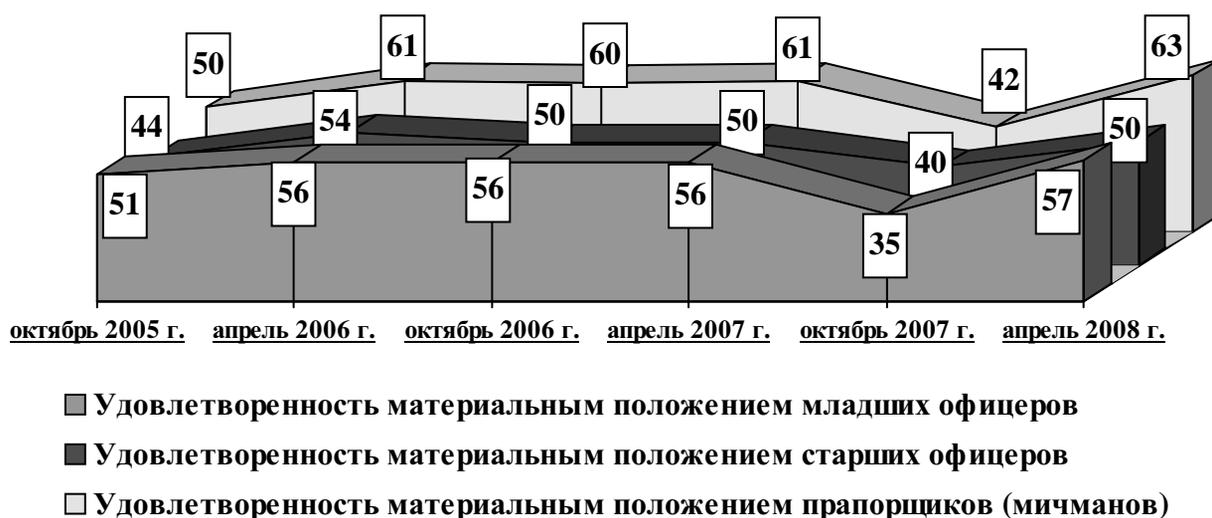

Рис. 2. Динамика удовлетворенности офицеров и прапорщиков (мичманов) Вооруженных сил своим материальным положением в 2005—2008 годы (%)

ческой стабильности российского общества и государства по уровню своего материального положения должны соответствовать среднему классу.

На фоне экономического укрепления Российской Федерации, улучшения благосостояния и роста доходов населения результаты ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих [7] свидетельствуют, что уровень материального достатка их семей продолжает уже длительное время оставаться не адекватным затратам воинского труда.

Темпы роста текущих доходов семей военнослужащих их денежного довольствия уступают темпам роста аналогичных показателей для населения страны. Военнослужащие справедливо полагают, что уровень жизни населения выше, чем у военнослужащих (рис. 3).

Таким образом, социальный аспект в гражданско-военных отношениях наиболее ярко свидетельствует о накопившихся проблемах в российском государстве и обществе, связанных с недооценкой воинского труда.

В этой связи, формирующиеся гражданское общество в России, по образному выражению Г. Гегеля, представляя собой «...базис государства, способ его существования» [8] одновременно является атрибутом, обеспечивающим функционирование государственных структур, через которые происходит выражение жизненно важных интересов граждан, в том числе в отношении обеспечения безопасности.

Сущность и смысловое содержание функционального императива эффективной военной организации на институциональном уровне заключается в создании такой системы отношений между гражданскими и военными структурами, которая с

максимальной надежностью обеспечивала бы военную безопасность при минимальных потерях для других общественных ценностей.

Формирование новой политической модели гражданско-военных отношений в России, как раз отвечает интересам гражданского общества и государства, так как это достигается в целях эффективного обеспечения национальной безопасности.

В этой связи укрепление обороноспособности России, ее Вооруженных сил, повышение престижа военной службы должно проходить при прямом участии гражданского общества, усилении гражданского контроля и личной заинтересованности всех граждан в надежном обеспечении безопасности. Здесь затрагиваются жизненно важные интересы гражданского общества в целом, а не узкие и ограниченные интересы какой-то одной социальной группы или общественно-политического института. При этом основные принципы гражданского общества имеют приоритет по отношению к принципам строительства, функционирования и жизнедеятельности Вооруженных сил [9].

Мировой опыт взаимодействия военной сферы и гражданского общества, показывает, что на направленность модернизации гражданско-военных отношений влияет постоянно действующая динамически изменяющаяся система социально-политических факторов.

Инновационный характер гражданско-военных отношений в России должен проявляться во всех сферах общественной жизни:

В политической сфере гражданско-военные отношения характеризуются состоянием гражданского контроля над вооруженными силами, что во многом определяет устойчивость политической стабильности общества.

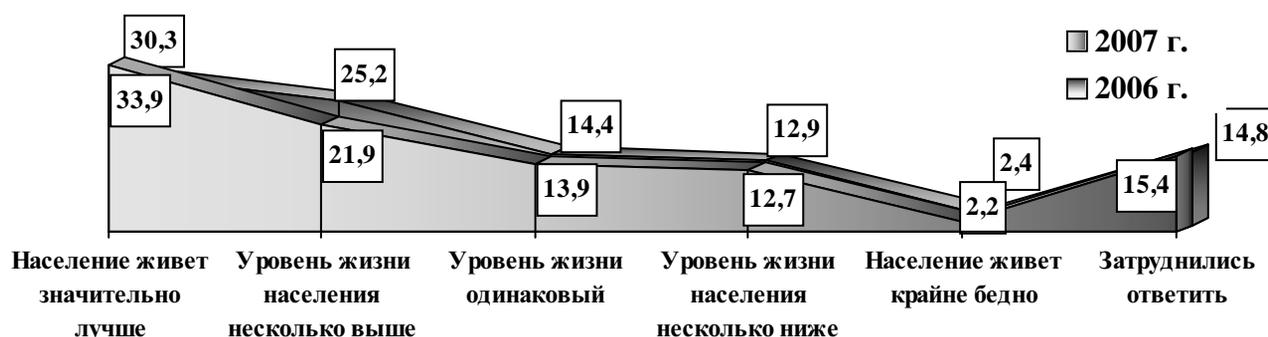

Рис. 3. Сравнительная оценка социально-экономического положения населения и военнослужащих в районах дислокации воинских частей в 2006—2007 годах (по мнению военнослужащих, в%)

В демократических государствах существует симбиоз двух форм гражданского контроля над вооруженными силами, так называемый субъективный и объективный (либеральный) гражданский контроль.

Самуэль Хантингтон, первый, кто сформулировал понятия субъективного и объективного гражданского контроля над вооруженными силами констатировал, что обе эти формы гражданского контроля преследуют одну и ту же цель — максимальное усиление гражданской власти по отношению к власти военных структур и устранение влияния военных на политику. Однако методы достижения этих целей у субъективного и объективного гражданского контроля радикально отличны друг от друга [10].

Политический опыт свидетельствует, что обеспечение политической стабильности общества во многом обусловлено реализацией принципов объективного гражданского контроля над вооруженными силами, такими как:

обеспечение соответствия военной политики, военной доктрины, состояния вооруженных сил объективным потребностям военной безопасности государства;

исключение возможности незаконного использования армии для вмешательства в дела общества и государства;

обеспечение достойного социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

обеспечение развития военно-служебных отношений на гуманной и правовой основах, соблюдении прав и свобод военнослужащих;

обеспечение воспитания военнослужащих в духе верности идеалам Конституции.

Успешное функционирование гражданского контроля над вооруженными силами возможно только в социальном правовом государстве, когда осуществление властных функций государства основано на законах, которые выражают волю и защищают интересы гражданского общества.

В социально-экономической сфере в настоящее время необходима переориентация военно-социальной политики государства с реализацией функций социально-правовой защиты военнослужащих и членов их семей, которая основана на обеспечении «защиты» минимальных жизненных стандартов, и превратилась в главную ее цель, на военно-социальную политику, которая в условиях становления и развития рыночной экономики в

стране должна быть основана на принципе социальной справедливости.

Воинский труд, содержание которого непосредственно связано с обеспечением военной безопасности государства, общества и личности каждого гражданина должен получить адекватную социально-экономическую оценку в Российской Федерации. Одним из принципиальных вопросов является участие военнослужащих и членов их семей в формировании среднего класса в России, как значительной группы населения, поддерживающей государственную политику в связи с наличием у них социально-политических и социально-экономических интересов и готового играть по правилам, установленным государственной властью.

Опыт материального обеспечения военнослужащих развитых стран показывает, что важной целью военно-социальной политики государства является превращение военнослужащих и членов их семей в социальную группу населения, отвечающей признанным стандартам среднего класса.

В этой связи, за период строительства новой российской армии определилась общественная потребность к безотлагательному принятию мер по повышению социального статуса и уровня материального обеспечения военнослужащих, членов их семей, а также ветеранов Вооруженных сил.

В социально-правовой и финансовой сферах важнейшим условием социальных преобразований в Вооруженных силах является их финансовое обеспечение. Анализ динамики военных расходов, структуры расходов бюджета в 2004—2007 годах свидетельствует о том, что социально-экономическое обеспечение, несмотря на относительный рост расходов на содержание военнослужащих финансировалось по остаточному принципу, чему во многом способствовало отсутствие четкости в обосновании целей военно-социальной политики.

Вместе с тем требуется программно-целевое распределение, планирование и использование ресурсов, выделяемых на нужды социально-экономического обеспечения военнослужащих и членов их семей (Таблица 1).

В настоящее время, по сути, стоит вопрос об усилении социальной направленности военного строительства, под которой уместно понимать, главным образом, три ее аспекта:

1. Создание социальных механизмов стимулирования добросовестной службы военнослужащих, восстановления и поддержания на необходимом уровне их морально-психологического и физиологического потенциалов.

Динамика доли расходов на оборону и содержание Вооруженных сил в 2004—2007 годах (в %)

Показатели	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Доля расходов на оборону в ВВП	2,8	2,84	2,74	2,63
Доля расходов на оборону в расходах федерального бюджета	15,7	15,4	15,6	15,0
Доля расходов на содержание Вооруженных сил в расходах федерального бюджета	14,9	12,9	12,7	10,9

2. Обеспечение определенного перераспределения доходов в пользу военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, для обеспечения их достаточного жизненного уровня (среднего класса).

3. Создание условий для развития военно-служебных отношений в строгом соответствии с законами и строгая дифференциация в предоставлении социальных благ в зависимости, от характера выполняемых военнослужащим задач, сложности, напряженности и интенсивности воинского труда.

Защищая социально-экономические интересы военнослужащих и членов их семей, следует основывать свою позицию на конституционном положении о недопустимости ухудшения их социально-экономического и правового положения в результате проведения социальных реформ в стране.

В социокультурной (нравственно-духовной) сфере следует отметить, что специфическим для русского менталитета и русской культурно-исторической традиции является не столько собственно военное начало, сколько идея служения — бескорыстная служба своему Отечеству.

Соответственно российское государство следует рассматривать не столько как специфическую военную организацию, а как гигантскую служебную организацию, выполняющую важную роль по социализации наиболее ущемленных слоев населения страны. В России армия всегда выступала надежным каналом восходящей социальной мобильности, так как военная служба создает специфические условия для «социального старта».

В последнее десятилетие складываются новые тенденции в гражданско-военных отношениях, где роль социокультурных факторов становится весьма значительной. Воспитание патриотизма, государственности, служения Отечеству — духовная альтернатива коррупции и криминализации общества,

В военной сфере стоит задача формирования эффективного организационно-правового и социально-экономического механизма, который позволил бы привести в соответствии с жизненно

важными национальными интересами страны, ее геополитическими особенностями и военной доктриной государства структуру и организацию Вооруженных сил, — с ресурсами на ее создание и совершенствование.

Одна из основных проблем, связанная с созданием устойчивой системы комплектования Вооруженных сил военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, заключается в таком совершенствовании гражданско-военных отношений, когда соблюдение прав человека являлось бы одним из принципиальных положений, на которых строились бы взаимоотношения между профессиональной армией (как части государства) и обществом.

В долгосрочной перспективе профессиональная армия в условиях развития демократии и права в общественных отношениях становится связующим звеном между государством и гражданским обществом, так как в ней создаются условия по обеспечению социальных гарантий воинского труда, его приоритетности, значимости и престижности, создаются благоприятные возможности для саморазвития и самоутверждения личности каждого воина.

А это значит, что развитие гражданско-военных отношений в связи с выработкой новой политики обеспечения национальной безопасности должно стать одним из основных инструментов повышения престижа и привлекательности военной службы, повышения боевой способности войск (сил), укрепления морально-психологического состояния военнослужащих.

Литература

1. Корякин В.М., Певень Л.В. Стратегия социального развития Вооруженных сил России — путь к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных силах. 2008, № 1.
2. Ивашов Л. Безопасность — главный нацпроект России // Независимое военное обозрение. № 19. 2008. 6—19 июня.

3. В. Путин. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» — М., 8 ноября 2008 г.

4. Возжеников А.В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. — М.: Изд-во РАГС, 2002. — С. 4.

5. Кузнецов В.Н. Безопасность и справедливость как смысл стратегии развития России в XXI веке // Навигут. 2008. № 2.

6. Политология. Энциклопедический словарь. — М.: Publishers, 1993. — С. 358.

7. Итоги мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей в 2007 году: Информационно-аналитический и справочный материал. — М.: МО РФ, 2008. — 234 с.

8. Гегель Г. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 346.

9. Золотарев В.А. Элемент демократии. России предстоит выработать свою оптимальную модель гражданского контроля над армией // Независимое военное обозрение. 2004, № 36.

10. Samuel. P. Huntington. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. — Belknap/Harvard, Cambridge, 1985. — P.80.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Белозёров Василий Клавдиевич,
кандидат политических наук,
Ассоциация военных политологов

Грузино-юго-осетинский конфликт вновь вывел необходимость наличия четкого концептуального оформления политики безопасности и обороны страны. Не случайно в связи с прошедшими драматическими событиями к этой сфере оказалось обращено и внимание Общественной палаты России, которая призвана артикулировать, довести до властных институтов интересы гражданского общества. В этой связи правомерна постановка вопросов о том, какие аспекты политики безопасности и обороны важны для общества, имеет ли оно право их обсуждать. Очевидно также, что дискуссия утратит смысл, если она не будет должным образом организована, а полученные ре-

зультаты не будут доведены до власти и учтены при формировании доктринальных установок.

Здесь уместен следующий пример. Вскоре после поражения в русско-японской войне наш выдающийся военный публицист Михаил Меньшиков был вынужден отвечать на предложение руководства официальной газеты военного ведомства «Русский инвалид» отказаться от обсуждения оборонных проблем и сосредоточиться на патриотическом воспитании и религиозном просвещении граждан. Отреагировал он довольно резко: «Общая пресса есть голос сознательного общества, — это не трезвон, а набат, подобный пожарному. Если вам, людям военной карьеры, этот набат неприятен, то вспомните, что огонь войны не столько вас коснется, сколько нас. Не ваши, а народные средства будет пожирать бесславная война. Дети общества и народа, а не одни лишь ваши пойдут навстречу смерти. Не скромный фиговый лист для прикрытия начальственных грешков и недочетов, в какой роли служит военная газета, — во главе армии воздвигнуто будет священное знамя нации, и именно его ждет в будущем слава или позор» [1].

По бесхитростному определению генерала Маркартура, «армия существует для того, чтобы убивать людей и уничтожать вещи» [2]. Проблема состоит в том, как разумно использовать этот потенциал разрушения для решения созидательных задач, связанных с развитием общества и государства. Решить ее можно только при условии организации военной деятельности в строгом соответствии с политическими установкам, в которых выражены интересы той или иной социальной группы, общества в целом. В этой связи уместно напомнить две азбучные истины. Во-первых, любую войну ведет народ, а не обособленные от него правительство и армия. Во-вторых, общество создает вооруженные силы для обеспечения своей безопасности и реализации национальных интересов.

Армия своей деятельностью создает благоприятные условия для нормального функционирования общества, продуцируя безопасность. То есть не общество существует для армии и военных, а государство направляет усилия на то, чтобы армия обеспечивала безопасность, создавая условия для благополучия граждан. Специфическое положение военной политики государства заключается в том, что она существует не сама себе, а занимает подчиненное положение по отношению к другим. Де Голль, будучи настоящим военным профессионалом, размышляя о предназначении армии, от-

мечал в этой связи следующее: «От начала мира армии уготовано это тяжкое предназначение, это жертвенное призвание, и она видит в нем смысл своего существования и наслаждается им. Это поле, которое она возделывает в одиночку, отдавая урожай другим» [3].

По всей видимости, для граждан важен вопрос о целеполагании в области обороны страны, определении приоритетов и о выделяемых ресурсах. Между тем конкретные и ясные, выраженные в концентрированном виде, ответы на вопрос о том, какие задачи и почему предстоит Вооруженным силам России решать в обозримом будущем, в действующих доктринальных документах вычлениить сложно. Как правило, сегодня чаще всего можно услышать лишь наиболее общие заявления, суть которых сводится к тому, что России нужна армия современная, подготовленная, хорошо оснащённая, профессиональная, мобильная, компактная, инновационная и т.д. Однако такие характеристики ни в коей мере нельзя считать ответом на вопрос, какие конкретно задачи предстоит решать армии в обозримом будущем и затрат каких ресурсов это потребует.

Если же политическая система общества претендует на то, чтобы называться демократической, а власть действительно заинтересована в укреплении своей легитимности, то граждане должны предельно четко осознавать, в чем состоит настоящее и перспективное предназначение такой во всех смыслах дорогостоящей организации, какой являются Вооруженные силы страны, и какие ресурсы потребуются для их надежного функционирования. При этом речь не идет о необходимости обнародования всех деталей документов военного планирования. В условиях, когда в стране разрабатываются новые доктринальные документы в сфере обороны, должен быть ответ на вопрос о том, кому нужны такие документы: гражданам и власти, или же в их наличии заинтересовано только военное сообщество? Все возможные неясности должны исчезнуть до того как будут сформулированы конкретные положения документов, в том числе характеризующие образ армии будущего.

В этих условиях особую важность для органов государственной власти (и в первую очередь, для Министерства обороны) приобретает целенаправленное разъяснение общественности необходимости, направленности и смысла осуществляемых в армии преобразований, а также содержания доктринальных документов, по крайней мере, их принципиальных положений.

Следует отметить, что в условиях представительной демократии на принятие конкретных решений в сфере обороны и безопасности и их реализацию уполномочены соответствующие государственные органы. К тому же нереально проводить референдумы по каждому конкретному вопросу, связанному с обеспечением национальной безопасности. Вместе с тем было бы неверно отдавать решение указанных вопросов исключительно на откуп государственным служащим или профессиональным военным. Отметим также, что гражданам опосредованно, через экспертное сообщество, должны участвовать в формировании доктринальных установок политики безопасности и обороны.

Характерно, что в вышедшем недавно под эгидой Совета безопасности России сборнике «Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации» не содержится в целостном виде материалов, посвященных комплексному анализу ситуации в оборонной сфере [4]. Хотя, как явствует из доклада Игоря Иванова, «неослабное внимание Советом безопасности уделяется вопросам оборонной (военной) безопасности». Имеется лишь статья первого вице-президента Академии военных наук В.В. Коробушина, руководителя секции по военной безопасности научного совета при Совбезе, посвященная стратегической стабильности в ядерной сфере.

Известно, что Совет безопасности за пятнадцать лет неоднократно принимал решения, связанные с функционированием военной организации государства. Известно и то, что по поручению руководства государства под эгидой Совбеза идет переработка Концепции национальной безопасности и Военной доктрины. Кто-то же над ними работает? И с результатами этой работы научной общественности (и не только ей) было бы небезынтересно познакомиться. При этом председателем Совета безопасности является президент России, он же Верховный главнокомандующий, членами же этого органа являются министр обороны и начальник Генерального штаба Вооруженных сил. Коробушин же не является действующим военнослужащим. Не хочется думать, например, что не нашлось должностного лица или специалиста-исследователя, готового и способного компетентно высказаться по вопросам обороны страны, или что эти вопросы постепенно утрачивают актуальность для Совета безопасности. Действительность же говорит в пользу того, что основания для подробного комментария и осмысления ситуации в

сфере обороны и безопасности России все же имеются.

Между тем имеются весьма поучительные примеры того, как решению принципиальных вопросов, связанных с обороной и безопасностью, придается максимально публичный характер. Например, создание Францией национальных ядерных сил на рубеже 50—60-х гг. XX века сопровождалось активным обсуждением проблемы в обществе. Президент Шарль де Голль стремился, чтобы решение по столь важному для нации вопросу было утверждено всенародным голосованием. Он руководствовался той непреложной истиной, что нация должна знать, на что идут ее ресурсы и почему гражданам предстоит ущемлять свое благополучие во имя обеспечения обороны и безопасности. Поэтому решения, связанные с созданием ядерного оружия, определением приоритетов оборонной и ядерной политики Французской республики не только не держались в секрете, но, напротив, всячески афишировались. В результате практически все слои французского общества были включены в полемику по ядерной проблематике: обсуждение развернулось в университетской среде, в прессе, даже в религиозных организациях и закончилось в 1962 году слушаниями в парламенте. В итоге Франция стала полноценной ядерной державой [5].

К сожалению, в России сложилась иная практика. Например, действующий вариант Военной доктрины обсуждался практически формально. Об этом говорит тот факт, что опубликованный проект ничем не отличался от окончательного варианта. Показательно и то, что сегодня Общественный совет при Министерстве обороны РФ, обладая правом рассматривать те или иные нормативные акты, не может им воспользоваться, поскольку соответствующий порядок нигде не определен. Отсутствие соответствующих механизмов представляется основным препятствием для влияния экспертного сообщества на формирование доктринальных установок в области обороны.

Очевидно, что публичность оборонной политики способствует не только усилению ее легитимности, но и работает на здоровую консолидацию общества и содействует политизации граждан, формируя у них ответственность за судьбу страны. Поэтому в процессе формирования военно-доктринальных установок неуместны келейность и монополизация обсуждения ограниченным кругом специалистов. Лучше, если обсуждение проходит гласно и открыто, с привлечением самого широкого круга экспертов.

Несомненно, военный потенциал той или иной страны (или негосударственных акторов), складывающаяся военно-стратегическая обстановка не могут быть определены без участия военных экспертов. Пренебрежение их мнением, как показывает история, чревато самыми негативными последствиями. Поэтому военные специалисты имеют полное право быть услышанными, более того, власть обязана их выслушать. Так же как и они в конечном итоге обязаны выполнить принятое решение.

По всей видимости, самая большая трудность состоит в том, чтобы нарушить создание условий для полноценного, а не фиктивного обсуждения. Вместе с тем, если государство действительно заинтересовано в получении качественного результата, то необходимо не просто задать рамки дискуссии, четко обозначив ее цель и предмет, а именно организовать обсуждение. Для этого следует сформулировать ясный заказ и создать такие процедуры и механизмы, которые позволяли бы в полной мере задействовать потенциал экспертного сообщества при подготовке концептуальных основ обороны и безопасности.

В современных условиях есть серьезные проблемы в практике формирования государством политического заказа к Вооруженным силам. Чем яснее сформулирован такой заказ, тем яснее и понятнее для самих военных становится их собственная деятельность. И наоборот, чем более обтекаемы и расплывчаты политические формулировки в военно-доктринальных документах, тем больше вероятности, что военные руководители всех уровней будут дезориентированы, поскольку им трудно будет понять, чего от армии хочет высшая власть.

Сегодня же выраженный импульс, требование по переработке документов, определяющих конечную цель и содержание строительства Вооруженных сил, исходят от государственной власти, уполномоченной гражданами на принятие важнейших решений. При этом руководство страны неоднократно озвучивало требование организовать гражданский контроль над деятельностью государственных структур, связанной с обороной и безопасностью [6]. Такой контроль не может быть связан с «комиссарскими» и надзорными полномочиями, что было бы довольно вульгарно. Думается, речь должна идти о разделении в том или ином виде представителями экспертного сообщества ответственности в процессе совместного с военными специалистами начертания идеального образа армии будущего, к достижению которого надо стремиться.

Кстати, слово «контроль», пришедшее из английского языка, по своей этимологии в действительности выражает идею прямого вмешательства, руководства, а вовсе не простую проверку. Очевидно, что прямое вмешательство и проверка — вовсе не одно и то же. По сути, проверка, контроль — это пассивная позиция стороннего наблюдателя. Прямое вмешательство и руководство предполагают разделение и принятие на себя ответственности за состояние дел (в нашем случае — за Вооруженные силы). В действительности под «гражданским контролем» подразумевается а) реализация принципа примата политики над военной сферой; б) доминирование гражданских политических институтов, на законных основаниях представляющих волю избирателей в процессе принятия решений в сфере обороны, безопасности и руководства Вооруженными силами. В процессе такого руководства институты власти и общества реализуют, в частности, следующие функции:

- определение сфер, нуждающихся в вооруженной защите,
- подготовка и принятие решений о применении Вооруженных сил,
- определение цели и приоритетов военного строительства,
- интеграция армии в политическую систему и обеспечение взаимодействия с гражданским обществом,
- осуществление политического контроля и общественной экспертизы, обеспечение лояльности личного состава армии (посредством решения социальных проблем военнослужащих, поддержания престижа военной службы, политического образования личного состава армии и флота и др.),
- координация действий всех компонентов военной организации.

В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Тем самым Основной закон страны, имеющий прямое действие, требует от государства проводить такую политику, которая исповедовала бы ценностно-антропологический подход. Цель государственной политики диктует дух и содержание доктринальных документов.

С другой стороны, нельзя не учитывать, что столкновение интересов в мире происходит постоянно, чем, собственно, и обусловлено существова-

ние политики. Следовательно, либеральный и оправдательный дух военно-доктринальных установок порочен, поскольку будет «правильно» понят оппонентами. Ведь, как писал еще Томас Гоббс, с прекращением состояния «войны всех против всех» внутри государств, такое состояние в той или иной мере сохраняется в отношениях между государствами [7]. По заключению же Александра Свечина, «доктрина почтения, прощения, соболезнования не способна выковать дух солдата; доктрина должна быть хищной и суровой, безжалостной к поражению и побежденным» [8].

По всей видимости, основной акцент в военно-доктринальных документах России должен быть сделан на изложении способов, условий, допустимых пределов использования военной силы в процессе реализации национальных интересов средствами вооруженного насилия.

Сама Военная доктрина, будучи емким, относительно небольшим по объему документом, не должна быть перегружена частными деталями, пусть и действительно важными для конкретного вида или рода войск, но не позволяющими охватить картину организации обороны страны целиком. Более рациональный и продуктивный подход состоит в том, чтобы сосредоточиться на политических вопросах, а не стремиться втиснуть в доктринальные документы все, что можно. Военная доктрина представляет собой политический по своей сути документ, что ставит под сомнение необходимость выделения в нем военно-стратегических, военно-экономических или иных основ.

Декларативный тон не соответствует характеру и духу доктринальных документов, призванных по сути своей быть руководством к действию. Чтобы та же Военная доктрина действительно стала таковой, следует пересмотреть целесообразность включения в нее тех теоретических положений, которые являются чрезмерно отвлеченными по своему характеру и практически не инструментальными, носят преимущественно морально-этический характер, а потому никого и ни к чему не обязывают.

В качестве примера могут быть приведены имеющиеся в действующей Военной доктрине рассуждения — морального характера — о справедливых и несправедливых войнах. Чтобы оценить уместность для доктрины подобных положений, достаточно попытаться убедить одну из сторон многочисленных конфликтов современности, что

она действует несправедливо. На практике оппоненты повсеместно и во все времена обвиняли друг друга и оправдывали справедливость своих побудительных мотивов и действий. Нападая на Цхинвал, режим Саакашвили немедленно принялся убеждать всех в справедливости своих действий и, кстати, нашел поддержку. В конечном итоге, правда у каждого своя, в политике же морально оправданны те действия, которые заключаются в обеспечении устойчивого развития, в последовательности в реализации национальных интересов. Интерес представляют в этой связи размышления Гегеля: «Право государства — это его утвержденная договорами и получившая признание выгода; поскольку же в договорах всегда устанавливаются различные интересы государств, бесконечно многообразные в своем правовом выражении, то эти многообразные интересы, а тем самым и права, неизбежно должны прийти в столкновение друг с другом, и только от обстоятельств, от соотношения сил, т.е. от политического *суждения*, зависит, будут ли находящиеся под угрозой интерес и право государства отстаиваться всеми возможными средствами; при этом ведь и другая сторона может сослаться на свое право, ибо ее противоположный интерес и, следовательно, ее право также обоснованны; поэтому война — или что бы там ни произошло — должна установить не истинность права той или другой враждующей стороны, — ибо истинны права обеих сторон, — а прийти к решению по поводу того, какое право должно уступить в этом столкновении другому. И решить это должна война именно потому, что оба эти столкнувшиеся права в равной степени истинны, и нарушить это равенство, создать возможность соглашения путем уступки одного права другому, может, следовательно, только нечто третье, т.е. война» [9].

Чтобы определить на перспективу стратегию строительства Вооруженных сил России с учетом современных и перспективных вызовов и угроз национальным интересам, доктринальные документы в сфере обороны и безопасности должны содержать в себе следующие конкретные положения.

1. Выводы из оценки ситуации, сложившейся в сфере безопасности и обороны (вызовы, риски, опасности, угрозы), а также тенденции ее развития.

2. Ключевые национальные интересы, для реализации которых может быть использована военная сила.

3. Принципы государственной политики Российской Федерации в области безопасности и обороны, и факторы, определяющие эту политику.

4. В конечном итоге — практические выводы относительно перспективного состава, структуры и способностей Вооруженных сил в целом.

Предложенный алгоритм имеет дискуссионный характер, тем не менее, смеем утверждать, что доктринальные документы, вне всякого сомнения, должны задать четкие ориентиры для строительства Вооруженных сил. Организация же повседневной деятельности армии и флота не требует жестких директивных политических указаний и может регламентироваться документами более низкого уровня.

Как представляется, еще предстоит разобраться относительно того, в чем состоит отличие — по содержанию и по статусу — таких документов как концепция, доктрина, стратегия, как они соотносятся между собой и чем отличаются от других (законов, указов, посланий и др.). Возможно, для того, чтобы Концепция национальной безопасности и Военная доктрина по-настоящему стали руководством к действию, следует ввести их федеральным законом. По крайней мере, при разработке доктринальных документов необходимо исключить возможность повторения казуса, подобного происшедшему в 1995 году. Ведь тогда Конституционный Суд пришел к заключению о том, что Основные положения военной доктрины Российской Федерации и текст указа, которым они были утверждены, «не содержат нормативных предписаний» [10]. Видимо, нужно сформировать целостную систему доктринальных документов, построенную по иерархическому принципу.

В определенной корректировке нуждается организация деятельности Минобороны, которое призвано стать по-настоящему связующим звеном между обществом с одной стороны и Вооруженными силами — с другой и которое де-факто вот уже в течение ряда лет занимает гражданское лицо.

В завершение следует отметить, что любой социально-политический организм должен развиваться на основе целесообразности, то есть способности приходиться к определенному запрограммированному результату. В этой связи в доктринальных документах должен быть четко сформулирован тот образ—результат, к достижению которого продвигаются Вооруженные силы страны. Чтобы решить все организационные и содержательные вопросы, предстоит серьезная интел-

лектуальная работа. Однако имеется главная предпосылка — воля руководства государства обеспечить поступательное развитие страны и достичь нового качественного состояния обороны и Вооруженных сил. При этом необходимый интеллектуальный потенциал в обществе имеется, вопрос состоит лишь в том, как его мобилизовать.

Литература

1. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. — М.: Воениздат, 1991. — С. 199.
2. Цит. по: Крылов К. К философии армии // Отечественные записки. — 2002. — № 8. — С. 321.
3. Шарль де Голль. На острие шпаги / Пер. с фр. — М.: Европа, 2006. — С. 118.
4. Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 4: К 15-летию образования Совета безопасности Российской Федерации. — М.: Известия, 2007. — 240 с.
5. См.: Зинченко А.В. Ядерная политика Франции. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 99—100.
6. «Прошу иметь в виду Министерство обороны и правительство в целом: объёмы затрачиваемых средств, интересы обороноспособности страны, а также важные социальные параметры реформы делают обязательным наличие гражданского контроля за эффективностью идущих в армии преобразований», — напомнил Президент Российской Федерации В. Путин 26 мая 2004 г., выступая с ежегодным Посланием Федеральному Собранию.
7. «Хотя никогда и не было такого времени, когда бы частные лица находились в состоянии войны между собой, короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны» (Гоббс Т. Избр. произв.: В 2-х тт. — М.: Мысль, 1964. — Т. 2. — С. 154).
8. Свечин А.А. Основы военной доктрины. В кн.: Постигание военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. — М.: Военный университет, Русский путь, 1999. — С. 201.
9. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. — М.: Наука, 1978. — С. 184.
10. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П (Консультант Плюс).

О РОЛИ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ И ИНТЕРНЕТ-САЙТА МИНОБОРОНЫ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОПЕРАЦИИ «ПО ПРИНУЖДЕНИЮ К МИРУ»

Прудников Лев Алексеевич,
докторант, кандидат политических наук,
Военная академия Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации

Современная военно-политическая обстановка и динамично меняющаяся мировая информационная среда конкретно указывают на то, как должны развиваться отношения между вооруженными силами и гражданским обществом. Как показывает многовековой опыт, отношение общества к вооруженным силам определяет морально-психологическое состояние военнослужащих, а значит и боеготовность войск, эффективность решения поставленных перед ними задач. В этой связи формирование положительных имиджей ведущих государственных институтов является характерным признаком деятельности активных политических игроков способных изменить общественное мнение в выгодном для них направлении.

История свидетельствует, что каждое государство стремится утвердить в сознании населения страны и других народов выгодные ему представления о своих вооруженных силах. Во время войны сражающиеся стороны преувеличивают силу своей армии, представляя ее непобедимой, и одновременно изображая негативный образ армии неприятеля как обреченной на поражение. Этот образ, целенаправленно формируемый в общественном сознании, называется имиджем.

Понятие «имидж» конституировалось у нас недавно, придя из английского языка, и относится в основном к области политики. По мнению социологов, понятие «имидж» означает образ, представление, целенаправленно и активно формируемые в массовом сознании с помощью различных средств (СМИ и др.) о каком-либо субъекте (политическом или государственном деятеле, общественной организации, партии, государственной структуре) с целью укрепить или ослабить его престиж, авторитет и репутацию, обеспечить рост доверия или, напротив, недоверия к нему [1].

А.И. Кравченко рассматривает имидж как совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом, как должны соотноситься между собой права и обязанности в данном статусе [2]. Другой несколько оригинальный взгляд на понимание имиджа имеет социолог Э. Гоффман, который считает, что «имидж — это искусство управлять впечатлением. А управляют, как правило, средства массовой информации, то есть публицисты, писатели, специалисты-имиджмейкеры, деятели массовой культуры. По сути, массовый человек оперирует не мифами-идеями, понятиями, историями, символами в чистом виде, а впечатлениями от мифов, то есть мифоимиджами» [3].

Существует три группы имиджей, так или иначе исходящих от человека массы, задающих ему координаты ориентаций и действий. Это личностные, мировоззренческие и социальные имиджи. Имидж Вооруженных сил Российской Федерации, как института государства соответствует категории социальных имиджей. Они формируются на основе представлений индивида о политике проводимой в стране, власти, обществе, деятельности государственных институтов.

Результаты исследования О.А. Малакановой указывают на то, что имидж у государственного института существует всегда, независимо от того, занимается он его созданием или нет, и только 22,7% экспертов полагают, что имидж — это признак такого института, который занимается его формированием целенаправленно. Но и те, и другие признают, что имидж института государства складывается объективно, как результат осуществления им своих функций, и создается субъектом с помощью специальных технологий (68,2%) [4].

Большинство ученых ведущих разработки в области имиджологии сходятся во мнении, что имидж обладает следующими характеристиками:

а) имидж всегда эмоционально окрашен и обращен к эмоциям; б) имидж всегда предметен и принадлежит либо личности, либо организации; в) имидж обращен к социальным установкам и стереотипам, а также опирается на ожидания личности или группы; г) имидж носит символический характер.

По мнению автора, имидж Вооруженных сил Российской Федерации представляет собой относительно устойчивые, целостные восприятия и представления населением и его отдельными социальными группами, в том числе военнотруж-

щими, социального характера, назначения и функций Вооруженных сил, а так же их состояния, ответственности своему предназначению в конкретных исторических условиях.

В содержательном плане имидж армии включает две составляющие: эмоциональную и рациональную. Механизм формирования имиджа Вооруженных сил Российской Федерации основанный на механизмах восприятия личностью окружающей действительности имеет собственную специфику. С помощью психологических, политических и социальных механизмов имидж Вооруженных сил Российской Федерации внедряется в массовое сознание. Далее, возникшие в сознании индивида ассоциации связанные с восприятием имиджевой информации о Вооруженных силах России доделывают уже имеющийся в сознании имидж российской армии новыми характеристиками.

В такой ситуации очень важными являются критерии, которыми пользуются для оценки деятельности российской армии различные социальные группы. Смещая акцент восприятия на наиболее важные и особенно значимые образы российской армии, общественное мнение избирательно подходит к оценке российской армии. Дорисовывая имидж армии красками личного опыта, человек уже не в состоянии определить, где кончается правда и начинается вымысел. Ведь имидж Вооруженных сил Российской Федерации представляется ему его собственным (и притом верным) отражением реальности.

Наряду с этим, имидж Вооруженных сил Российской Федерации, оказавшись сформированным в массовом сознании российской и зарубежной общественности, неизбежно приобретает политическую окраску. Прежде всего, потому что, Вооруженные силы Российской Федерации, являясь государственным институтом, во все времена перманентно находились в фокусе политических интересов и целей разнообразных политических игроков.

Современная история войн и вооруженных конфликтов красноречиво доказывает, что без грамотно спланированной и четко организованной работы по формированию положительного имиджа Вооруженных сил Российской Федерации не может быть успеха в любой военной операции. Общественность Российской Федерации всегда испытывала потребность в информации о том, как действует армия в сложной боевой обстановке, как она решает поставленные руководством страны и Минобороны России задачи.

Сегодня все экспертное сообщество и особенно СМИ подводят итоги и дают оценки относительно результатов вероломной агрессии Грузии против Южной Осетии. Публикации целого ряда российских СМИ обращают внимание на то, что анализ информационной ситуации вокруг операции «по принуждению Грузии к миру» указывает на скорейшую подготовку и реализацию государственной системы мер по защите в информационном пространстве положительного имиджа Вооруженных сил Российской Федерации.

Информационная ситуация вокруг миротворческой операции в Южной Осетии в августе 2008 года показала, что информационные продукты, активно транслируемые российскими и зарубежными СМИ превратились во влиятельный компонент международных отношений. В сложившихся условиях, отношение России и ведущих мировых держав стали целиком и полностью зависеть от способности и умения СМИ эффективно интерпретировать военные события. Необходимо признать как данность факт проигрыша российских субъектов политики в деятельности по формированию положительного имиджа Вооруженных сил Российской Федерации у зарубежной аудитории. Эффект от такой деятельности получился гораздо выше у М.Саакашвили, который при поддержке американских властей и нанятого пиаргентства смог внедрить в западное общественное сознание выгодную для Грузии информацию.

Отмеченные обстоятельства позволяют в очередной раз оценить эффективность использования США, как закулисного фигуранта в данном конфликте, мощного арсенала средств и технологий манипуляции общественным сознанием. Несмотря на то, что правила независимой прессы требуют сохранять беспристрастность в освещении событий, западные СМИ, тем не менее, осознанно в процессе подготовки и передачи сообщений для общественности пренебрегали этим. Основным принципом организации информации в западных СМИ стало управление информационными потоками, когда информация о вторжении Грузии в Южную Осетию сообщалась в русле официальной политики США и ее союзников по натовской коалиции.

При всем том, что западная общественность не верила информации о законной деятельности России по принуждению Грузии к миру, наши отечественные СМИ достоверно и достаточно полно информировали российских граждан о результатах боевых действий и боевых потерях в частях и под-

разделениях участвующих в вооруженном конфликте.

Не секрет что работа по мониторингу имиджа Вооруженных сил Российской Федерации ведется каждодневно и планомерно на протяжении ряда лет. Особое место в ней занимает оценка сообщений присутствующих в информационном поле СМИ. Пристальное внимание специалисты и аналитики при анализе информационных потоков о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации, как правило, уделяют телевидению как одному из влиятельнейших каналов коммуникации. Данный выбор не случаен, так как из года в год уровень доверия населения Российской Федерации к российским телекомпаниям не снижается. Подтверждение этому мы можем найти в отчетах по целому ряду социологических опросов проведенных ВЦИОМ [5], а также в военно-социологических исследованиях Социологического центра Вооруженных сил Российской Федерации [6].

В коммуникативном процессе создания имиджа Вооруженных сил Российской Федерации стержневым и наиболее значимым всегда был и остается фактор, указывающий на характер деятельности Вооруженных сил в той или иной военно-политической ситуации. В этой связи участие Вооруженных сил Российской Федерации в миротворческой операции по принуждению Грузии к миру играет ведущую роль в формировании дискурса СМИ и в тоже время создает активное информационное поле для внедрения разнообразных образов российской армии в российское общественное сознание. Данное рассуждение дает все основания утверждать, что имидж Вооруженных сил Российской Федерации напрямую зависел от успешных действий миротворческих частей и подразделений, а также приданных им частей и соединений Северо-Кавказского военного округа.

Для аргументации вышеизложенных рассуждений, автором при помощи психолингвистической экспертной системы ВААЛ [7] был осуществлен контент-анализ новостных пресс-релизов размещенных на Интернет-сайте Минобороны России и новостных сообщений ведущих телеканалов страны: Первый канал («Новости»), телеканал «Звезда», НТВ («Сегодня»), РТР («Вести недели»), РенТВ («24»), и ТВЦ («События»). В качестве ключевых контентов были выбраны слова «миротворец», «миротворческий» и «миротворчество», а также производные от них. Далее был определен временной интервал, который предполагалось изучить. Он составил двадцать дней (с 1 по 20 авгу-

ста 2008 года). Далее при помощи психолингвистической экспертной системы ВААЛ были получены данные, указывающие, на сколько процентов от средней частоты отклоняется частота встречаемости слов конкретной категории в данном тексте. По окончании контент-анализа были получены средние значения частоты упоминания выбранных контентов для каждого телеканала и Интернет-релизов Минобороны России, которые позволили провести сравнение полученных результатов.

Следующим этапом в работе по анализу текстов стало применение метода семантического дифференциала [8], позволившего оценить уровень восприятия общественностью действий российской армии в новой Закавказской войне. На рисунках представлены оценки по шести шкалам семантического дифференциала (сила — слабость, позитив — негатив, активность — пассивность). Каждой из шкал соответствует своя категория контент-анализа. Нулевая оценка на каждой диаграмме это средняя частота встречаемости слов из этой категории в общем массиве анализируемых текстов.

Результаты аналитических процедур показали, что в новостных сообщениях пресс-релизов Интернет-сайта Минобороны России частота встречаемости в текстах негативно окрашенных слов на **16%** меньше, чем в среднем по всем сообщениям российских телеканалов.

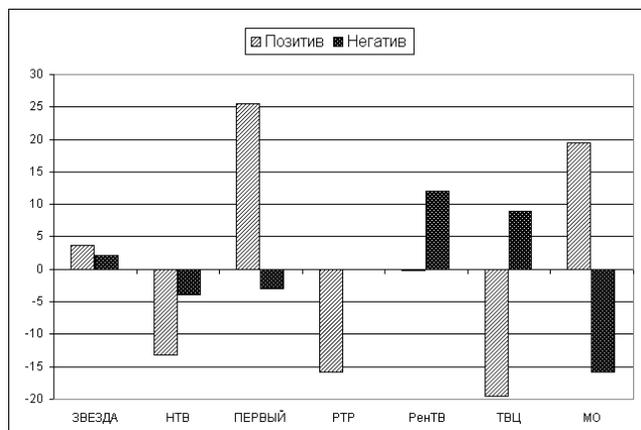

Рис. 1. Показатели шкал «позитива» и «негатива» в сообщениях телеканалов и Интернет-сайта Минобороны Российской Федерации (в %)

Наибольшая частота употребления позитивно окрашенной лексики в контексте миротворцев наблюдалась у Первого канала. В то же время самая высокая частота негативно окрашенной лексики

была у РенТВ, а самый низкий показатель позитивных сообщений отмечался у телеканала ТВЦ.

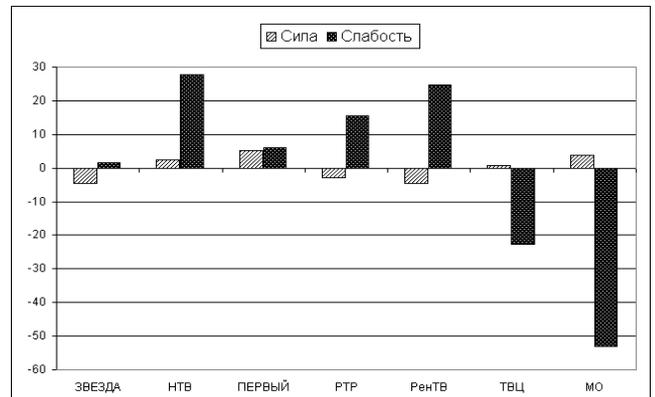

Рис. 2. Показатели шкал «сила» и «слабость» в сообщениях телеканалов и Интернет-сайта Минобороны России (в %)

Частота употребления слов относящихся к категории шкалы «сила» примерно одинакова у телеканалов и у пресс-релизов Интернет-сайта Минобороны России. Однако частота упоминания лексики относящейся к категории «слабость» у Минобороны России самая низкая, а у телеканала НТВ самый высокий показатель. Данные результаты могут свидетельствовать об отсутствии в структурах Минобороны России экспертных систем, позволяющих готовить тексты с заданной силой воздействия на определенную целевую аудиторию.

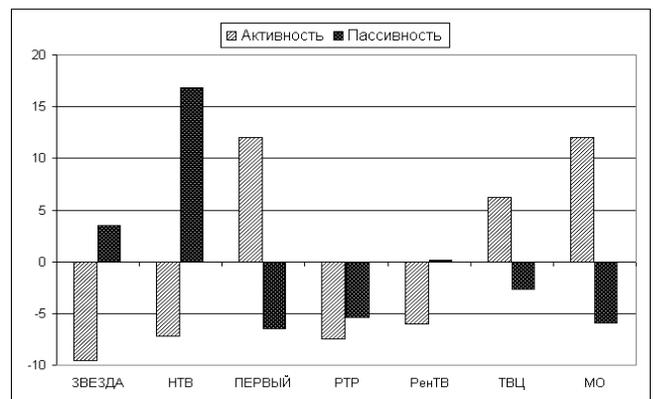

Рис. 3. Показатели шкал «активность» и «пассивность» в сообщениях телеканалов и Интернет-сайта Минобороны России (в %)

Результаты, полученные по шкалам «пассивность» и «активность» говорят о том, что наряду с высоким показателем по шкале «слабость» телеканал НТВ имеет и самый высокий показатель по

шкале «пассивность». Данное обстоятельство наталкивает на размышления о том, что телеканал, принадлежащий Газпром-Медиа при определении своей информационной политики в период проведения операции по принуждению Грузии к миру руководствовался негосударственными информационными подходами в выборе новостного дискурса. Среди тех, кто распространял сообщения, имеющие в своей лексике высокие показатели шкалы «активность» необходимо отметить Первый канал, Интернет-сайт Минобороны России и телеканал ТВЦ. Такой результат позволяет констатировать, что подготовленные данными структурами сообщения твердо и уверенно подтверждали выбранную руководством страны линию по военному урегулированию возникшего вооруженного конфликта.

Таким образом, проведенный анализ деятельности российского телевидения и Интернет-сайта Минобороны России может служить основанием для выдвижения предложений, которые касаются корректировки деятельности государственных субъектов политики в сфере формирования имиджа Вооруженных сил Российской Федерации.

Литература

1. Социологическая энциклопедия. — М.: Мысль, 2003. — С. 350—351.
2. Кравченко А.И. Введение в социологию. Учебное пособие. — М.: Новая школа, 1995. — С. 109.
3. Карпухин О., Макаревич Э. Формирование масс. Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз»: Опыт историко-социологического исследования. — Калининград: ФГУИПП Янтарный сказ, 2001. — С. 287.
4. Малаканова О.А. Имидж политического института как предмет социологического исследования: Дис. ... канд. социол. наук. — Самара, 1999. — С. 26.
5. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii>
6. См.: Военно-социологические исследования. Сборник статей. № 4 (20). — М., 2007. — С. 14—15.
7. www.vaal.ru На сайте изложены области возможного применения психолингвистической экспертной системы ВААЛ, среди которых отмечаются социологические и социолингвистические исследования, контент-анализ текстов, мониторинг СМИ.
8. *Семантический дифференциал* — метод количественного и качественного исследования значений понятий (объектов) с помощью набора бипо-

лярных шкал с определенным количеством делений на каждой, задаваемых парой антонимичных прилагательных или другими аналогичными оппозициями. С.Д. широко применяется для исследования объектов в различных сферах деятельности: социологии, социальной психологии, психодиагностике, педагогике, психолингвистике, теории массовых коммуникаций. См.: Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. — М.: Книжный Дом, 2003.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТОЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Перемибеда Павел Александрович,
старший научный сотрудник
Социологического центра Вооруженных сил
Российской Федерации

Одним из направлений взаимодействия государства и общества в настоящее время должно стать взаимодействие Вооруженных сил (силовых структур в целом) с экспертным сообществом гражданских и военных ученых, исследующих различные аспекты национальной и военной безопасности России.

Тесное сотрудничество ученых и должностных лиц Минобороны позволило бы создать, например, качественный социологический инструментарий, необходимый для реализации программно-целевого управления в сфере военной и социальной безопасности России.

Обеспечение социальной безопасности России возможно при условии, что воспроизводство и развитие социальной сферы будет обеспечиваться продуманной иерархией систем социальной защиты, функционирующих в едином ключе: социальная защита граждан России — социальная защита трудоспособного населения и нетрудоспособного населения — социальная защита социально-профессиональных групп — корпоративная социальная защита. Система социальной защиты трудоспособного населения включает две подсистемы: социальная защита отдельных социально-профессиональных групп (госслужащие, врачи, учителя, преподаватели, научные работники,

представители силовых ведомств), реализуемая в рамках соответствующих ведомств; корпоративная социальная защита работников в различных отраслях народного хозяйства (в рамках организаций и учреждений как работодателей). Социальная защита нетрудоспособного населения в настоящей статье не рассматривается, так как относится к гуманитарным аспектам жизнеобеспечения.

Показателем «человеческого фактора» боеготовности Вооруженных сил является состояние «человеческого капитала» во многом определяемое эффективностью работой системы социальной защиты военнослужащих, являющейся основной социальной технологией социального развития.

Сущность социальной защиты заключается в том, что ее *субъекты* обеспечивают отсутствие социальных бед в социально-значимых аспектах жизнедеятельности *объектов* (в данном случае военнослужащих и членов их семей) либо посредством предупреждения их наступления, либо путем устранения наступивших. Следовательно, *система* социальной защиты должна выполнять ряд функций. Во-первых, регламентировать социальные нормативы, дающие возможность понимания, фиксации границ и содержания социальных бед и благ; во-вторых, описывать социальные и правовые механизмы реализации социальных гарантий, основанных на этих нормативах; в-третьих, предотвращать социальные беды путем предоставления социальных благ и услуг; в-четвертых, устранять последствия наступления социальных бед.

Работа системы социальной защиты военнослужащих и членов их семей состоит из четырех этапов.

Первый этап — определение необходимых минимумов удовлетворения потребностей и интересов военнослужащих, при которых они исполняют обязанности должным образом и человеческий капитал армии развивается (проводятся социально-экономические и правовые исследования, моделирование).

Второй этап — закрепление данных минимумов в социальных нормативах правовой системы социальных гарантий, разработка социальных и экономических механизмов реализации социальных гарантий (правотворчество).

Третий этап — выделение ресурсов для реализации прав и социальных гарантий, их трансформация, перераспределение и непосредственное доведение до военного потребителя (социальное обеспечение).

Четвертый этап — контроль (в случае нарушения — восстановление прав или реализация социальных гарантий, изменение социальных нормативов и т.д.).

Таким образом, деятельность по социальной защите военнослужащих состоит из выполнения ряда функций: правотворческие (создание и совершенствование системы социальных гарантий) и правоприменительные (выделение и трансформация ресурсов в непосредственно социальные блага и услуги, обеспечение ими военнослужащих, контроль и восстановление нарушенных прав и нереализованных социальных гарантий). В совокупности с ресурсами, затрачиваемыми государством на социальную защиту, результатами деятельности по социальной защите, субъектами и объектами данные функции составляют *единую социальную систему социальной защиты военнослужащих*. Для социального развития она является основой, каркасом, управленческой технологией. Системообразующим фактором для нее является такой результат в достижении социальной защищенности, когда военнослужащий обеспечивается необходимыми для эффективного исполнения служебных обязанностей социальными благами и услугами, а субъекты социальной защиты контролируют и восстанавливают нарушенные права и гарантии. Работа системы социальной защиты должна быть направлена как на обеспечение социальных гарантий, так и на процесс стимулирования (мотивации) военнослужащих, так как нарушения прав и принципа социальной справедливости возможны во многих ситуациях, связанных с этими процессами.

Итак, работа системы социальной защиты военнослужащих взаимосвязана с функционированием системы национальной безопасности следующим образом:

- как элемент единой системы социальной защиты трудоспособного населения она обеспечивает социальную безопасность достаточно большой и по многим причинам важной социально-профессиональной группы военнослужащих;
- как элемент системы обеспечения боеготовности армии через укрепление «человеческого фактора» напрямую обеспечивает военную безопасность государства.

Следовательно, система управления национальной безопасностью должна осуществлять регуляцию и координацию всех функциональных подсистем, работающих на конечный результат — обеспечение безопасности России.

Сущность использования программно-целевого метода управления в сфере обеспечения безопасности заключается в том, что по всем направлениям данного вида деятельности должен быть разработан комплекс программ, обеспечивающих достижение главной цели. По каждой программе должны быть определены ожидаемые результаты и целевые индикаторы, характеризующие степень их достижения, перечень программных мероприятий, а также соответствующая система управления процессом выполнения программ. В этих условиях *возрастает роль «обратной» связи*, которая лежит в основе программно-целевого управления. Она позволяет фиксировать отклонения от заданного курса и осуществлять регуляцию реализации программ. Это предопределяет *необходимость расширения возможностей мониторингов*, позволяющих изучать военно-социальную сферу в частности и сферу обеспечения национальной безопасности в целом.

Приведем пример социологического анализа управления системой социальной защиты военнослужащих, который может быть использован и для остальных подсистем системы управления национальной безопасностью.

Допустим, что Министерство обороны должно решить задачу — разработать систему социологических показателей, позволяющую на основе проведения постоянных мониторингов повышать эффективность управления в системе социальной защиты военнослужащих. Это возможно, если с помощью системы показателей удастся оценивать уровень социальной эффективности управления в системе социальной защиты в целом и в отдельных ее функциональных подсистемах, а также изучать весь комплекс факторов, оказывающих влияние на результат деятельности системы, выяснять характер этого влияния.

В настоящее время в Минобороны внедряется программно-целевое управление военно-социальной сферой, системой социальной защиты, которая рассматривается как основной механизма реализации прав и социальных гарантий военнослужащих.

Особенности контроля за результативностью деятельности в данном подходе и сфера, в которой деятельность осуществляется, детерминирует необходимость помимо статистических (отчетных) показателей использовать систему социологических показателей, отражающих достижение (не достижение) целей социального развития Вооруженных сил.

В целом в обеспечении механизмов управления национальной безопасностью целесообразно использовать объединение двух подходов: «сбалансированной системы показателей» и «управление через результативность».

При этом важным элементом «инновационности» армии является использование высоких гуманитарных технологий социологического подхода к сбору эмпирической управленческой информации, а также способы использования и хранения информации, характеризующей достижение Вооруженными силами стратегических целей функционирования. Уже сейчас реализуется проект по созданию электронной базы данных, содержащей информацию, позволяющую моделировать социальные процессы, происходящие в военно-социальной сфере, на основе чего делать научные прогнозы их развития и т.д.

Итак, во взаимодействии экспертного сообщества и государственных органов должна появиться и функционировать система социологических мониторингов управления национальной безопасностью.

В заключение сделаем несколько принципиальных практических предложений в отношении участия различных групп экспертов в работе над обозначенными проблемами по совершенствованию системы управления национальной безопасностью.

1. Работу по активизации роли общества, в частности, экспертного сообщества, в укреплении военной безопасности целесообразно начинать с создания базы данных о членах экспертного сообщества, которая позволила бы оперативно решать вопросы их взаимодействия. Далее, необходимо разместить эту информацию на сайте, например, Общественной палаты Российской Федерации, которая по предложениям многих участников круглого стола, могла стать платформой для организации обсуждения проблем национальной безопасности экспертами в различных областях гуманитарных наук.

2. Предлагается также использовать опыт российских финансово-кредитных организаций, в свое время объединившихся в единую ассоциацию и реально влияющих на решения Центрального банка России и т.д. в вопросах регулирования их деятельности. В связи с этим, целесообразно рассмотреть вопрос «объединения усилий» и создания ассоциации экспертов в области безопасности, что позволит членам экспертного сообщества выступать и взаимодействовать на новом уровне.

В нее могут войти учебные заведения, научные организации, независимые эксперты, патриотические объединения и т.д. Это была бы реальная сила, обладающая мощным представительством и огромным потенциалом высоких гуманитарных технологий в области национальной безопасности.

3. Следует развивать систему и технологии экспертных опросов в научной среде, занимающейся национальной безопасностью. На каждом по-

добном круглом столе необходимо затрагивать те или иные конкретные исследовательские вопросы.

4. Предлагается вынести на обсуждение вопрос создания системы социологических показателей, характеризующих управление национальной безопасностью и позволяющей на основе программно-целевого подхода отслеживать результативность и факторы деятельности по управлению отдельными системами национальной безопасности.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

**Материалы «круглого стола»
Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации**

РОССИЯ НА ПУТИ К БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Алехин Игорь Алексеевич,
доктор педагогических наук, профессор,
начальник кафедры педагогики
Военного университета

Сегодня общество переживает глубокие изменения, которые связаны не только с политикой, экономикой, социальной сферой. Важной составной частью структурных и содержательных изменений является сфера российского образования. в широком смысле слова, начиная от вопросов обучения и воспитания в различных государственных и негосударственных учебных учреждениях и, вплоть до всей системы социокультурного развития подрастающего поколения.

Происходящие изменения коренным образом преобразовывают все стороны общественной жизни, оказывают как позитивное, так и негативное влияние на различные его сферы. Эти социальные изменения глубоки, масштабны и многогранны, а потому и играют важную роль для безопасности общества. Как показывает практика, трансформации носят всеобъемлющий характер и обусловлены не только внутренними причинами, но и общемировыми тенденциями перехода в фазу постиндустриального развития.

Анализ ряда научных исследований, проведенных учеными Военного университета в рамках комплексных научных работ, монографий и диссертаций показывает, что основными из них являются следующие.

1. Большое значение для обеспечения прогрессивного развития всей системы образования имеет его экономическое обоснование и сопровождение. Вместе с тем, некоторые неоправданные экономические решения оказали негативное влияние на развитие отечественной системы образования.

Так, например, ликвидация налоговых льгот в системе образования ведет к повышению платы за обучение, ограничивая доступ к образованию, предусмотренный Конституцией Российской Федерации для широкого круга населения, чей доход не превышает среднего.

2. Явно негативное последствие имеют сокращения набора студентов на бюджетные места в государственных учебных заведениях как высшего, так и среднего профессионального образования. Только за последние пять лет их количество сократилось примерно на 30%. Даже если данное сокращение остановится, бюджетных студентов в России в 2010 г. будет на 750 тыс. меньше, чем в 2005 г.

3. Неблагоприятную роль в повышении качества подготовки специалистов играет сохраняющийся крайне низкий уровень студенческих стипендий. Несмотря на ее повышение каждые два года примерно в полтора раза, в настоящее время расчетная стипендия в системе высшего профессионального образования составляет менее 20%, от официального прожиточного уровня, в среднем профессиональном образовании — 15%, в начальном профессиональном образовании — 8%. Для сравнения, в советское время они составляли в высшем образовании около 80% прожиточного уровня, а в начальном профессиональном образовании почти 90% минимума.

4. Происходит перенос на российскую почву тех тенденций, которые в основном были всегда присущи европейскому образованию. Так, средняя школа уже перешла на 11-летнее образование учащихся. В системе высшего профессионального образования происходит принудительный перевод на двухуровневую систему подготовки: по программам бакалавра и магистратуры. Благодаря устойчивости отечественных ученых и практиков пока оставлена хорошо зарекомендовавшая себя в стране, пятилетняя программа подготовки специалистов с высшим образованием.

Вместе с тем, принятый Государственной Думой законопроект подразумевает, что большинство студентов будут учиться на один год меньше, то есть не получают специальных знаний для практической работы, что резко понизит эффективность системы высшего образования. Кроме того, для них будет закрыт прямой путь в систему послевузовского образования в форме аспирантуры или соискательства ученых степеней.

5. Все больше негативных оценок получает Закон о Едином государственном экзамене. Это в первую очередь связано с тем, что этот вид проверки знаний не способствует раскрытию творческих способностей, а направлен на обыкновенное «натаскивание», на решение тестов, часто бессмысленных и несовершенных. Результаты этого года тому еще одно негативное свидетельство: почти половина выпускников по математике получили низкие баллы.

По выводам ректоров большинства государственных и негосударственных вузов (МГУ, МГТУ и др.) результаты тестирования по ЕГЭ во многом расходятся с результатами проверки знаний поступающих в вузы традиционным методом.

6. Введение так называемого «подушевого» финансирования ведет к ликвидации малокомплектных школ. И результаты уже налицо. Только в 2003—2006 гг., по официальным данным, в сельской местности закрылись почти 2 тыс. школ. К слову сказать, восстановление сети разрушенного малокомплектного образования обойдется налогоплательщику в 5—6 раз дороже их ежегодного содержания, не говоря уже о применении в них здоровьесберегающих технологий, усилении воспитательной роли семьи и социальной среды, преодолении отклонений в поведении школьников, проявляющихся в наркомании, пьянстве, табакокурении и др.

7. Принятие Закона об автономных учреждениях открывает дорогу постепенной приватизации образования, а также коррупции в бюджетной сфере. Расширение негосударственного сектора в системе профессионального образования и его законодательное обеспечение создает условия для обмана студентов. Как показывает практика, для получения лицензии на образовательную деятельность учредителю необходимо собрать небольшой пакет документов и в течение последующих 3—4 лет его никто не побеспокоит. А когда вопрос встает об аккредитации, недобросовестные учредители начинают менять вывески на своих институтах и колледжах.

Все это далеко не полный перечень негативных социальных и управленческих тенденций в сфере образования. Следовательно, можно утверждать, что такая система образования отнюдь не безопасна для подрастающего поколения, да и для всех граждан Российской Федерации.

Поднимая вопросы безопасности отечественной системы образования, мы исходим из ее понижения как совокупности социальных и административных институтов, а также как комплекса мер по защите системы образования. Безопасность системы образования может быть рассмотрена только комплексно:

- как состояние системы образования в целом;
- как способность государства нейтрализовать и предотвращать угрозы и опасности в отношении системы образования;
- как способность обеспечить развитие образования в условиях неблагоприятных воздействий;
- как способность системы образования противостоять неблагоприятным воздействиям.

Анализ сложившейся ситуации даёт возможности выработать комплекс мероприятий, способный обеспечить позитивное влияние системы образования на граждан и снизить негативные воздействия.

Развитие передовых государств показывает, что основной причиной их быстрых прогрессивных изменений было создание новейшего образования. Передовое образование обеспечило прогрессивное развитие Японии, Южной Кореи, Испании и др. Это же явилось причиной возрождения России в XIX веке.

В XXI век Россия вступила в условиях кризиса в сфере образования, являющегося следствием системного кризиса всего общества, резкого ослабления государственной поддержки науки и образования. Болонское соглашение, единый государственный экзамен, введение новых образовательных стандартов, — все эти нововведения неизбежно влияют на развитие системы отечественного образования. При этом очевидно, что развивающемуся обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию, обладают чувством ответственности за судьбу страны.

Чтобы достичь этого, стране нужны адекватная образовательная политика для гражданского образования и реформы в образовании. Они нацелены

на вхождение России в мировое образовательное сообщество. Вместе с тем, в силу достаточно слабых внутренних духовно-нравственных, идейных, национальных, культурных и идеологических резервов современной российской действительности в переходный период растет и степень влияния на Россию западного культурного фактора. Причем, оно не всегда носит конструктивный, обоснованный характер. В образовательный процесс порой бездумно внедряются зарубежные модели образования; мы наблюдаем также активное внедрение американской системы ценностей и жизненных установок в российскую действительность.

В новых экономических условиях важной задачей государственной политики в области развития образования является включение в концепцию безопасности России конкретных положений, направленных на формирование у граждан норм общественной морали, преодоление проявлений ложных ценностей среди молодежи. Это актуально, поскольку идет повсеместная смена системы норм и ценностей, скрыто насаждается идеология, согласно которой «деньги — единственная подлинная ценность». Такая идеология для страны, для национальной безопасности в особенности, может привести к тяжелым потерям. Можно констатировать разрыв связи времен, когда в глазах молодого поколения обесценен опыт старого поколения. Обществу в очередной раз предстоит расплачиваться за забвение старой истины: ничто не разрушается так легко и не восстанавливается так трудно, как духовно-нравственные ценности. Безопасности России угрожают тенденции и процессы радикальной трансформации национального менталитета, разрыва с духовно-нравственными традициями русской культуры, разрушения любви к Отечеству.

В этом смысле, как свидетельствуют исторические события, обеспечение безопасности России напрямую зависит от того, с какой образовательной подготовкой входит подрастающее поколение в новое время, каковы будут ее нравственные и политические идеалы, социальные ценности, уровень общей культуры и профессиональной подготовки. Рост экономического развития во многом зависит от уровня нравственности общества с развитой системой образования и воспитания.

Следовательно, обеспечение безопасности России включает подъем экономики страны, укрепление правопорядка и социально-политической стабильности общества, формирование гармоничных межнациональных отношений, укрепление безо-

пасности государства в оборонной и информационной сфере, соблюдение Конституции и законодательства, сбалансирование всех видов безопасности, правовое обеспечение реформ и эффективный контроль исполнения законодательных норм.

В современной России начались и успешно развиваются процессы модернизации образования. Их основная цель состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования. Для реализации намеченных перспектив в образовательной политике государства необходимо решить следующие задачи:

- обеспечить доступность образования;
- улучшить его качество;
- добиться профессионализма в сфере образования;
- создать условия для развития образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса: обучающегося, педагога, родителя, образовательного учреждения.

Предполагается, что в процессе модернизации образования образовательная политика должна обеспечить ряд параметров. Это, во-первых, открытость образования как государственно-общественной системы и, во-вторых, переход от патерналистской модели к модели взаимной ответственности в сфере образования, к усилению роли всех субъектов образовательной политики и их взаимодействия, расширению участия общества в выработке, принятии и реализации правовых и управленческих решений в образовании. Система образования является сферой взаимодействия интересов государства и обществ в лице их институтов и граждан. Каждый из субъектов образовательных правоотношений должен иметь возможность влиять на функционирование и развитие системы образования, но вместе с тем нести долю ответственности за создание условий, необходимых для выполнения системой образования своих социальных и образовательных функций.

Процессы, происходящие в образовании, таким образом, напрямую связаны с социальными процессами. В этом смысле проблематика философии образования имеет первостепенное значение не только в научном плане, но и в конструктивном. От степени развитости философии образования будет зависеть научный, мировоззренческий уровень образовательной политики, стратегии и тактики развития образовательных систем. Поиск

фундамента социально-экономической политики государства всегда лежит в плоскости поиска национальной безопасности, благосостояния общества. Национальная безопасность всегда сочеталась с человеческим фактором, с общенациональной идеей, модернизацией и развитием образования, которая, в свою очередь, обосновывает основы отношения к пониманию патриотизма. Государству, опирающемуся в своей деятельности на верховенство закона, стабильное развитие гражданского общества, необходимы чиновники-государственники и законопослушные граждане. Какое государство — такие и кадры, какие кадры (граждане) — такое и государство. Вот почему образование — один из важнейших факторов национальной безопасности. Оно связывает деятельность государства с деятельностью его граждан через уровень подготовленности к непрерывному процессу формирования нового поколения, через семью, образование, социальное окружение. Именно государство призвано создавать условия для свободного развития человека, для наиболее полного удовлетворения его потребностей и интересов, а человек, как носитель общественных отношений, призван охранять целостность общества, отстаивать его социальные и моральные ценности и всем поведением обеспечивать их реализацию.

Как известно, национальная система образования непосредственно должна исходить из необходимости формирования как гражданина, так и индивида, члена общества. Речь идет о том, что в условиях сложившегося идеологического кризиса необходимо воспитывать любовь к своему Отечеству. На помощь должны прийти патриотические традиции, национальная гордость, национальное самосознание. Когда наследие отвергается и исторический опыт оценивается в негативном ключе, есть опасность утраты того историко-культурного потенциала, на котором строится уважение к Отечеству, поскольку национальное самосознание неразрывно связано с патриотизмом, содействующим мобилизации сил общества на решение возникших перед ним задач, облегчающим преодоление трудностей и испытаний. Все эти вопросы должны занимать особое приоритетное значение в образовательной политике.

Таким образом, безопасность образования это понятие субъективно-объективное. На уровне явления оно имеет место всегда, однако уровень его обеспечения зависит от тех условий, которые создаются в каждом конкретном обществе. Вместе с тем, если образование стоит в основе всего обще-

ственного развития, следовательно, от уровня его безопасности будет в дальнейшем зависеть и безопасность формируемых в государстве институтов и всей его внутренней и внешней политики.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТНО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»

Богоявленская Ирина Федоровна,
заместитель директора
по учебной работе МОУ СОШ № 27
г. Мытищи (Московская область)

Анализ состояния и характера современного состояния применения личностно ориентированного подхода в обучении осуществлялся с позиций субъектного отношения к старшекласснику. Личностно ориентированный подход в обучении рассматривался, как сложный педагогический процесс, предусматривающий методологическую ориентацию в организации, содержании и методике педагогического взаимодействия обучающего и обучаемых в процессе изучения «Отечественной истории». Такой подход позволяет поддержать процессы формирования личности обучаемого с точки зрения его активной субъектности в познавательной деятельности, предполагающий саморазвитие, самостоятельный выбор мотивов, целей и способов их достижения, самоконтроль и самооценку в развивающей педагогической среде.

Педагогическая практика школ показывает, что многие теоретические положения, изложенные выше, нашли свое воплощение в учебном процессе. В большинстве случаев мы сталкиваемся с разнообразием методик и технологий изучаемого подхода. Учителям предоставляется возможность выбора различных подходов и различных технологий.

В результате анализа проведенного анкетирования можно сделать следующие выводы: 65% учителей ориентируются в своей деятельности на личностно-ориентированный подход в обучении, но в учебном заведении, где они работают, преобладает, по мнению респондентов, традиционный подход (82%). Кроме того учителя (78%) занимают активную позицию по отношению к использованию личностно-ориентированного подхода, они хотят его смело внедрять и распространять. В подтверждение этого большинство испытуемых (66%), оце-

нивают своё знание и владение личностно-ориентированным подходом на четыре балла (но пятибалльной шкале). Тем не менее, одно из заданий опросника, убеждает нас в обратном. Мы попросили испытуемых отметить свойства, которые отличают личностно-ориентированный подход от традиционного. Лишь меньшинство (24%) смогли безошибочно выполнить данное задание.

Показатель степени ориентированности педагога: педагоги, ориентированные на личностную модель — 16,4%; педагоги умеренно ориентированные на личностную модель -15,2%; педагоги умеренно ориентированные на дисциплинарную модель — 20,6%; педагоги, ориентированные на дисциплинарную модель — 47,8%.

Как показал анализ практики применения личностно-ориентированного подхода в обучении старшеклассников «Отечественной истории», учителя общеобразовательных школ используют следующие формы, средства и методы: серии открытых уроков; личностно-ориентированные уроки; различные виды диагностики и самодиагностики учеников; мастер-классы по особо важным темам; организация учебной и внеучебной среды; ролевые игры и их обсуждение, домашние задания в виде сочинений, нацеленных на самоанализ, дискуссии и проектные работы; составление «Технологических карт конструирования личностно-ориентированных уроков»; использование технических средств обучения и демонстрации; выполнение учащимися творческих проектов и др.

При анализе документации учебного процесса, выявлено, что федеральный базисный учебный план отводит 70 часов учебного времени (2 часа в неделю) на изучение учебного предмета «История» в 10 классе (базовый уровень). В том числе: «История России» (с древнейших времен до середины XIX века) — в объеме не менее 36 часов, «Всеобщая история» (с древнейших времен до конца XIX века) — в объеме не менее 24 часов. Резерв учебного времени составляет 10 часов. Данное тематическое планирование построено на базе примерной программы среднего (полного) общего образования (базовый уровень) и Федерального компонента Государственного образовательного стандарта по истории. Принципы распределения резервных часов курса определяются либо авторами учебных программ и учебников, либо самостоятельно учителем, если он использует данный вариант планирования для включения в свою рабочую программу.

В школьных курсах, где картина истории должна быть представлена компактно, целостно и вме-

сте с тем емко и выразительно, сочетание разных измерений, масштабов и форм времени является объективной потребностью. В начальных, эпизодических курсах истории вводятся понятия изменения и единиц исторического времени (год, десятилетие, век, тысячелетие). Только собственный опыт анализа и обобщения фактов, изучения разнообразных источников, рассмотрения проблемных ситуаций и решения творческих задач ведет к личностно осмысленному знанию, продуманному отношению к прошлому и настоящему.

Итак, несмотря на то, что сегодня фактически личностно-ориентированный подход в обучении продекларирован в качестве официальной образовательной идеологии практически во всех доктринах (правительственных, министерских), опрос почти 500 учителей Московской области разных специальностей, сельских и городских, показал, что лишь пять процентов педагогов-практиков может хоть что-то конкретное сказать о новой теории личностно-ориентированного образования. Примерно такова и доля знания вернее незнания о ней (теории), руководителей образования.

Впрочем, уже здесь возникает парадоксальный вопрос: нужно ли вообще знание этой теории? Опрос молодых учителей, выпускников педуниверситета, получивших достаточно глубокое представление о личностной концепции в образовании, показал, что, не получив закрепления в практике, почти все теоретические положения личностно-ориентированного подхода и его технологии забываются в течение года-двух.

Таким образом, в результате проведенного исследования в экспериментальных общеобразовательных учреждениях можно сделать следующие выводы: большинство педагогов не могут определить, что представляет собой личностно-ориентированный подход, зачастую ассоциируя его с индивидуальным, но, несмотря на это, хотят использовать в своей работе идеи педагогики ненасилия, понимают, что при личностно-ориентированном подходе в большей степени происходит развитие личностных свойств и качеств ученика, его активности и познавательного интереса; тем не менее, в реальном образовательном процессе школы преобладает традиционный, авторитарный стиль взаимодействия. Причины, которые вынуждают использовать данный стиль, нам видятся в следующем: ещё не до конца осмыслена и написана методика проведения занятий в условиях личностно-ориентированного подхода в обучении в школе.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РИСК ВНЕДРЕНИЯ НОВШЕСТВА (НОВОВВЕДЕНИЯ)

Демин Виктор Николаевич,

старший помощник начальника учебного отдела
Военного университета,

Чесноков Николай Анатольевич,

кандидат педагогических наук,
старший помощник начальника учебного отдела
Военного университета

Категория риска возникает в силу неопределенности условий и процессов какой-либо деятельности. Очевидно, что инновационная деятельность, вносящая существенные, а порой и радикальные изменения в происходящие процессы, заметно увеличивает неопределенность динамики и результатов функционирования. С увеличением неопределенности сопряжен соответствующий риск неудачного результата инновации. Инновационная деятельность в большей степени, чем другие виды деятельности, сопряжена с риском, так как практически отсутствует полная гарантия благополучного результата.

Слово «риск» имеет древние корни — в переводе со староитальянского *risicare* означает «отважиться».

В экономической теории риск в инновационной деятельности определяется как вероятность потерь, возникающих при вложении организацией средств в производство новых товаров и услуг, в разработку новой техники и технологий, которые, возможно, не найдут ожидаемого спроса на рынке, а также при вложении средств в разработку управленческих инноваций, которые не принесут ожидаемого эффекта¹.

Что касается педагогической науки, то категория риск для нее не нова. Так А.С. Макаренко в своей работе «О моем опыте» отмечал проблему педагогического риска, указывая на то, что «тема риска должна быть рассмотрена в педагогической практике»². В теории и практике педагогики давно используются понятия «группы риска», «дети группы риска», «социальный риск» и др.

Современная педагогическая энциклопедия дает следующее определение: «риск педагогичес-

кий» — есть применение необычного метода или приема разрешения отдельной педагогической задачи при отсутствии полной уверенности в положительном результате, когда обычные меры оказались малоэффективными.

Педагогический риск требует соблюдение педагогического такта и мастерства, он допустим при условии всестороннего анализа и учета сложившейся ситуации, а также индивидуальных особенностей и психических состояний воспитанников¹.

Вместе с тем, категория педагогического риска до сих пор до конца не разработана, хотя, учитывая значение, придаваемое в настоящее время инновационным процессам в образовании, крайне необходима. Исходя из этого, дадим свое определение данного понятия.

Педагогический риск² инновации — есть возможность (вероятность) наступления отрицательного эффекта, в результате внедрения новшества (нововведения) в различные элементы образовательных систем.

В определении преднамеренно не указано понятие педагогического новшества (нововведения). Это сделано, чтобы исключить сужение рассматриваемой категории. Также, учитывая значимость положения слова в определении, следует отметить, что на данном этапе развития изучаемой проблемы понятия педагогический риск инновации и инновационный педагогический риск будем понимать как тождественные.

Далее целесообразно перейти к классификации рисков. Классификация представляет собой один из этапов анализа рисков, позволяя в дальнейшем проводить идентификацию, оценку, а также разрабатывать методы управления ими. Классификация состоит в распределении объектов по группам на основе определенных признаков. В зависимости от целей исследования на практике и в научной литературе используются различные классификации. В настоящее время классификация педагогических рисков не только не разработана, но о ее

¹ См.: Педагогика: Большая современная энциклопедия/ Сост. Е.С. Рапацевич — Мн.: Современное слово, 2005. — С. 508.

² Авторы не затрагивают проблему соотношения и использования словоформ *педагогический* (относящийся к проблемам педагогики), *педагогичный* (соответствующий правилам, требованиям педагогики), а также значимости *социального* компонента в определении (возможный вариант категории социально-педагогический риск) — это предмет отдельного диссертационного исследования. В данной работе будем понимать тождество различных определений, условно принимая единую трактовку — педагогический риск, тем более оно уже представлено в педагогической литературе. (Прим. автора.)

¹ См.: Управление инновациями: теория и практика: учеб. пособие / Ю.В. Вертакова, Е.С. Симоненко. — М.: ЭКСМО, 2008. — (Высшее экономическое образование). — С. 278.

² См.: Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8 тт. — М., 1983. — Т. 4. — С. 248—255.

целесообразности никто даже не упоминал. Однако это направление развития педагогики далеко не бесперспективно — ведь сама категория риск присутствует как в теории, так и в практике.

Учитывая слабую разработанность проблемы, приведем классификацию, представленную Я.Д. Вишняковым и Н.Н. Радаевым в работе «Общая теория рисков»¹.

Эта классификация разделяет риски по различным признакам, таким как объект и источник воздействия, местоположение относительно объекта воздействия, механизм возникновения, степень влияния, возможность страхования и др.

В зависимости от *объекта* негативных воздействий можно выделить следующие виды риска: индивидуальный; социальный; технический; предпринимательский; стратегический; экологический.

По источнику воздействия различают риски: природные (природа, включая космос); техногенные (техносфера); социальные (общество, биосфера); политические (государство, мировое сообщество); экономические (экономика, бизнес).

По местоположению источника опасности относительно объекта различают риски внешние и внутренние.

По механизму возникновения различают риски:

- связанные с неблагоприятными условиями жизнедеятельности (функционирования организаций);
- обусловленные опасными явлениями (форс-мажор) в природной, техногенной, социальной и деловой среде;
- обусловленные негативными тенденциями развития, приводящими к кризисам — для организации к ухудшению ее финансового состояния и в результате к банкротству (этот вид рисков изучается в теории антикризисного управления);
- связанные с принятием решений в условиях неопределенности, обусловленной, например, нестабильностью условий деятельности организации, что приводит к отклонению фактического результата деятельности от ожидаемого (примеры таких рисков — инвестиционный, инновационный).

По степени влияния на жизнедеятельность человека, жизнеспособность (финансовое состояние) организации различают следующие виды риска:

- пренебрежимый — влияние незначимо; меры защиты принимать не требуется);
- приемлемый — влияние значимо; принимаются меры контроля и защиты на основе принципов обоснования и оптимизации;
- чрезмерный — влияние катастрофично; деятельность с указанным уровнем риска не допускается; применительно к предпринимательской деятельности катастрофический риск — это риск банкротства, связанный с полной потерей предпринимателем собственного капитала.

По возможности страхования риски подразделяют на две группы (это важно с точки зрения управления рисками): страхуемые, которые могут быть переданы соответствующим страховым организациям; не страхуемые, по которым отсутствует предложение соответствующих страховых продуктов на страховом рынке.

Возможна классификация рисков и по другим признакам: цели (мотивированный и немотивированный); результату (оправданный и неоправданный), соответствию реальности (действительный и мнимый). Рассматривают также риски наступления отдельных негативных событий (например, риск смерти, риск аварии, риск мошенничества, риск банкротства), которые являются мерой возможности наступления этих событий.

В ходе научного поиска было выявлено, что риски, возникающие в процессе внедрения педагогических новшеств, могут быть следующие:

1. Риск ошибочного выбора новшества (нововведения).
2. Риск не обеспечения инновации достаточным уровнем финансирования.
3. Риски неисполнения образовательных договоров (контрактов).
4. Риски усиления конкуренции.
5. Риски, связанные с недостаточным уровнем кадрового обеспечения.
6. Риски, связанные с обеспечением прав собственности на инновации.

Далее целесообразно перейти к рассмотрению методов оценки риска инновации. Здесь, несомненно, следует указать слабую разработанность вопроса педагогической наукой в сравнении с другими областями научного познания. Проблема количественной и качественной оценки риска внедрения новшества хорошо раскрыта в экономической теории и практике.

Несмотря на слабую разработанность методов оценки риска инновации в педагогике, попытаемся разобраться в теории и практике вопроса, взяв

¹ См.: Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — С. 44—47.

за основу работу Ю.В. Вертакова и Е.С. Симоненко «Управление инновациями»¹.

Алгоритм экспертной оценки рисков внедрения нововведения включает:

1) составление полного перечня возможных рисков по фазам жизненного цикла инновации;

2) экспертизу опасности каждого из рисков (измеряемой в баллах), их вероятности (измеряемой в долях единицы), важности рисков (как произведения опасности риска и вероятности его наступления);

3) ранжирование рисков по степени важности; анализ рисков позволяет оценить целесообразность принятия новшества и выработать меры по защите от возможных потерь, в работе по анализу должны быть задействованы все участники экспертизы.

Различают качественный и количественный анализ рисков. Качественный анализ имеет целью определить области, виды и факторы рисков, в то время как, количественный позволяет оценить отдельные риски и общий риск инновации.

При оценке рисков инноваций используют две группы факторов:

- объективные, не зависящие непосредственно от организации (конкуренция, политические и экономические кризисы, экология, режим наибольшего благоприятствования и т.п.);
- субъективные, характеризующие состояние организации (научно-педагогический потенциал, уровень развития учреждения, специализация, контакты и т. п.).

Количественный анализ можно формализовать и выделить группы методов: статистические, аналитические, методы экспертных оценок и методы аналогов.

Статистические методы представляют вероятность возникновения потерь на основе статистических данных предшествующего периода с установлением области (зоны) риска.

Аналитические методы позволяют определить вероятность потерь на основе математических моделей связи, и через них устанавливаются законы риска. Как правило, данные методы используются для экономических систем (для установления периода окупаемости, внутренней нормы доходности, чистого приведенного дохода и т.д.).

Методы экспертных оценок заключается в отборе группы экспертов (по специальности, квалифи-

кации), в дальнейшем анализе ими новшеств (нововведений), с последующей оценкой инновационных рисков (педагогических рисков).

Методы аналогов состоит в использовании базы данных по внедрению аналогичных инноваций, для переноса их результатов на изучаемое нововведение. Данный подход используется в случае идентичности внутренней и внешней среды, в которую внедряется новшество.

Общая оценка риска реализуемой инновации характеризуется проявлением рисков в различных областях под влиянием различных факторов инновационного процесса. Тогда полезность этих факторов оценивается с помощью различных показателей, по различным шкалам и критериям. Тем не менее, нередко возникает задача общей оценки риска инновации как общего успеха или неудачи.

Для снижения риска могут быть рекомендовано несколько способов:

- распределение риска между участниками;
- резервирование;
- страхование;
- диверсификация инновационной деятельности;
- передача риска путем заключения контрактов.

Таким образом, изучив вопрос оценки педагогических рисков внедрения конкретного новшества (нововведения), можно отметить то, что избежать полностью риска в инновационной деятельности невозможно, так как инновации и риск — две взаимосвязанные категории.

КУРС «ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ БЕЗОПАСНОГО ТИПА

Круглов Дмитрий Геннадиевич,

научный сотрудник Институт содержания и методов образования Российской академии образования

Для того чтобы научить подрастающее поколение противостоять природным, техногенным и социальным катастрофам в 1991 году во всех общеобразовательных учреждениях был введен новый предмет — курс «Основы безопасности жизнедеятельности». Основная его цель — подготовка человека к успешным действиям по обеспечению безопасности личности, общества, государства.

Однако многие педагогические работники до сих пор видят в курсе «Основы безопасности жизнедеятельности» нежеланную ими «Начальную во-

¹ См.: Управление инновациями: теория и практика: учеб. пособие / Ю.В. Вертакова, Е.С. Симоненко. — М.: ЭКСМО, 2008. — (Высшее экономическое образование). — С. 288—298.

енную подготовку». Другие, следуя принципу сокращения при проводимой модернизации общего образования, считают необходимым убрать из школы курс «Основы безопасности жизнедеятельности». Еще хуже идут дела в плане изучения курса «Основы безопасности жизнедеятельности» в тех школах, где он интегрирован в другие предметы. В этом случае можно говорить о полном отсутствии преподавания данного курса.

К сожалению, ни в одной из существующих на сегодняшний день программ существующая концепция курса не выделена достаточно четко и ясно. Сейчас появилось много учебников по курсу «Основы безопасности жизнедеятельности», но их обилие и создает определенную неразбериху среди учителей безопасности жизнедеятельности. Используемая в настоящее время учебно-методическая литература по данному курсу в значительной степени устарела. В учебниках до сих пор присутствует множество ошибок и противоречий. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что основной акцент в учебниках делается не столько на безопасное поведение обучающегося, сколько на увеличение объема знаний с излишней детализацией.

В учебниках подчас преподносятся неправильные, а порой и опасные поведенческие установки, например, «...играя на строительной площадке...», «...играя в подвале или чердаке дома», «...когда и почему вам хочется закурить», «...нормальная половая жизнь благотворно действует на здоровье», «принятие наркотика в малых дозах вызывает эйфорию» и др.

При изложении материала больше внимания отводится тому, **что надо делать** в тех или иных чрезвычайных ситуациях и очень мало говорится о том, **как это делать**. Избыточная информация делает материал этих учебников трудным для усвоения и неинтересным. В большинстве учебников встречаются слишком сложные и запутанные алгоритмы действий, материал преподносится с обилием технических и специальных терминов. Иллюстративный материал в основном не соответствует действительности, а порой даже вводит в заблуждение.

При этом авторами учебников игнорируются психические особенности обучающихся. А ведь при запоминании и понимании материала наблюдается довольно большое расхождение между полученными знаниями и фактическим поведением в опасных и чрезвычайных ситуациях. А на то чтобы человеку принять правильное решение, от которого зависит жизнь и безопасность не только

его, но и окружающих его людей, иногда отводятся доли секунды.

Однако если вдуматься в содержание этих учебных пособий, то можно прийти к выводу, что они нацелены на приобретение учащимися таких знаний и навыков, которые позволяют действовать в той или иной типичной опасной и чрезвычайной ситуации типичному человеку. Конечно, за всю историю человечество накопило огромные знания о чрезвычайных ситуациях, но жизнь разнообразна и любая чрезвычайная ситуация не повторяется с точностью до мельчайших деталей. При этом в каждой ситуации люди в силу своего характера, привычек, национальных особенностей ведут себя по-разному. А на то чтобы человеку принять правильное решение, от которого зависит жизнь и безопасность не только его, но и окружающих его людей, иногда отводятся доли секунды. Поэтому пока не будет достигнуто правильное понимание целей курса «Основы безопасности жизнедеятельности» всеми звеньями управления образованием, ни о каком успехе в плане подготовки физически, духовно и морально развитых людей, способных обезопасить свое существование не может быть и речи.

Таким образом, в настоящее время сложилась необходимость разработки проекта новой концепции преподавания курса «Основы безопасности жизнедеятельности» в школе, в основу которой должно стать понимание учащимися общей логики безопасности. Основные задачи обновления содержания курса «Основы безопасности жизнедеятельности» определяются, исходя из условий обеспечения индивидуальной безопасности каждого жителя России, национальной безопасности страны, а также в соответствии с направлениями модернизации общего образования России.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Сацуа Александр Ильич,
профессор кафедры политологии
Военного университета,
кандидат философских наук, профессор

Безопасность, защищенность от различных опасностей и угроз волнуют человека как существо разумное с первых лет его жизнедеятельности. На ранних стадиях функционирования и развития человеческого сообщества его безопасность

сводилась главным образом к защите от опасного воздействия природных явлений, к способности человека обеспечивать свое существование. «...Каждому виду живых существ, — отмечал Марк Туллий Цицерон, — природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, ... избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать, и добывать себе все необходимое для жизни»¹. В последующем, по мере институционализации общественных отношений, потребовалась защита людей не только от естественных опасностей и угроз. Предупреждение и пресечение опасностей и угроз, исходящих от «сил природы и различных несчастных случаев», и от «злой воли людей»² стали необходимыми условиями безопасности человеческого общества. Безопасность превратилась в одну из жизненных потребностей людей, а ее обеспечение — в важнейшую заботу отдельных индивидов, одну из главных функций общества и государства.

Первые представления о безопасности как социальном явлении сводились главным образом к пониманию ее как такого состояния окружающей человека среды, когда в ней отсутствуют опасности, т.е. условия и факторы, угрожающие индивидам и их сообществам в форме семьи, населения, государства. При этом опасности и угрозы человеческому существованию объяснялись с мифологических позиций и сводились преимущественно к тому, что они являются карой богов за проступки и неблагоприятные дела людей. Поэтому считалось, что предупредить опасности и угрозы невозможно, а можно лишь устранять их последствия, нанесенный ими ущерб.

В дальнейшем, с началом бурного научно-технического прогресса, в процессе становления и укрепления национальных государств, теоретические представления о безопасности обогащались и развивались, ее оценки постоянно корректировались и уточнялись, формировались новые парадигмы безопасности и ее обеспечения. В XVI и до начала XX веков концептуальные представления о безопасности и ее обеспечении складывались преимущественно под влиянием стремления отдельных государств к расширению своих территорий, захвату природных и человеческих ресурсов с целью укрепления своей мощи и силы, повышения роли и статуса в системе межгосударствен-

ных отношений. Так Т. Гоббс утверждал, что для окончания «войны всех против всех», обеспечения внутреннего мира в человеческом сообществе, граждане должны подчиниться могущественному суверену (князю, королю). На международной арене суверен защищает интересы страны военными средствами, так как в системе отношений национальных государств нет правил и институтов юридического принуждения. Суверен, как внутри человеческого сообщества, так и в системе межгосударственных отношений уполномочен защищать жизнь и собственность людей от любой опасности. По сути, безопасность по Т. Гоббсу — это подчинение общества суверену и защита его им от различных опасностей при помощи силы.

И. Кант, выступая против подхода Т. Гоббса, сформулировал положение о «постоянном мире» как «моральной норме». Смысл этого положения сводился к тому, что безопасность представляет собой просвещенный политический порядок — республиканская конституция, федеральная государственная система всемирного гражданства. Основным инструментом обеспечения безопасности И. Кант считал моральные нормы и обязательства, выраженные в праве. Нации — государства для обеспечения своей безопасности обязаны подчинять свои национальные интересы правилам международного порядка, представляющим собой моральные обязательства граждан отдельных государств по отношению ко всему человеческому сообществу.

Г. Гроций, обращаясь к проблемам безопасности, подчеркивал, что не отдельные индивиды, а суверенные государства выступают главной силой обеспечения безопасности. При этом для суверенных государств общепринятые человеческие нормы должны быть определяющими во взаимоотношениях между ними. Для Гроция безопасность это мирное совместное сосуществование сообщества суверенных государств, каждое из которых при этом сохраняет свои особенности, возможности и условия для своего функционирования и развития в системе мировых отношений. В 1814—1815 годах на Венском конгрессе эта идея нашла воплощение в создании Священного союза как системы «баланса сил в XIX веке» основной целью которой стало предотвращение войны и обеспечение безопасности.

В начале и середине XX века в принципиально новых исторических условиях развития человеческой цивилизации, основным содержанием которых стала борьба ведущих стран за власть в мире и

¹ Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 61.

² Андреевский И.Е. Полицейское право. — СПб., 1873. — Т. 1. — С. 1.

мировое господство, за реализацию своих национальных интересов и социально-политических идеологий, особое внимание в теории безопасности стало уделяться коллективной и международной безопасности. Широкое распространение получил тезис о том, что общая безопасность человечества может быть достигнута только на основе учета, достижения баланса и гармонизации интересов различных народов и стран, их тесного взаимодействия. Безопасность отдельной страны обеспечивается с учетом безопасности других стран, для чего необходимы общие императивы-правила, которых бы придерживались все государства. Другими словами безопасность отдельного народа, отдельной страны является элементом безопасности более высокого порядка. Получила обоснование и мысль о том, что общая система безопасности может существовать, если она основывается на объединении сил народов и государств, уважении к правам человека, на способности каждой страны к самосохранению, выживанию и развитию.

Теоретические наработки по проблемам безопасности за многовековую историю человеческой цивилизации свидетельствуют о том, что безопасность представляет собой предельно широкое социальное явление. Она означает, прежде всего, отсутствие для индивидов и их образований опасностей и угроз природного, техногенного, социального и иного характера. Ее составляет также деятельность государства по локализации и предупреждению этих опасностей и угроз, обеспечению внутреннего социального порядка и устойчивого развития страны. Это и система межгосударственных отношений, построенная по определенным нормам и правилам, принимаемым мировым сообществом, с учетом национальных интересов отдельных стран.

В современных условиях, в зарубежной и отечественной науке безопасность характеризуется не только как состояние общественных отношений, при котором отсутствуют опасности, угрожающие индивиду, обществу и государству, но и как наличие условий для достойной жизни людей, удовлетворения и реализации их потребностей и интересов, как стабильное состояние общества, его устойчивого и прогрессивного развития. Она рассматривается и как свойство социальной системы сохранять свою целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию, и как вид деятельности, системы мер, направленных на предотвращение и нейтрализацию опасностей и угроз. В российском законода-

тельстве безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹.

Имеющиеся в настоящее время определения и характеристики безопасности условно подразделяются на две основные группы. Первую составляют определения, основывающиеся на сопоставлении опасности и безопасности, диалектике их взаимосвязи и взаимообусловленности, на непосредственном смысле слова «безопасность», определяемом семантикой русского языка (безопасность — отсутствие опасности или ее угрозы кому-либо или чему-либо, сохранность, надежность²). Эти определения правомерно назвать охранительными. В них безопасность характеризуется как гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для объекта, системы, как их реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять опасностям и угрозам. «Смысл безопасности, — пишет В.Н. Кузнецов, — жизнь без опасностей. ...Только при наличии опасности какому-либо объекту, оформляется и возникает феномен безопасности»³.

Вторая группа это — определения, в которых безопасность рассматривается в более широком контексте, с позиций внутренней организации, функционирования и развития какого-либо объекта, системы, их взаимодействия с окружающей средой. Такие определения можно назвать охранительно-функциональными, деятельностными. Безопасность в них трактуется не только и не столько как возможность и способность кого-либо или что-либо охранять, оборонять себя, а как свойство объекта, системы выживать, развиваться и совершенствоваться, их возможность и способность сохранять свои особые качества, как отсутствие противоречий в функционировании и развитии объекта, системы, которые могут привести их к разрушению. Существование и развитие, самосохранение и защищенность людей составляют две стороны единого процесса жизнедеятельности человека и общества.

¹ О безопасности. Закон Российской Федерации // Сборник законов Российской Федерации. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 462.

² См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современная версия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — С. 44; Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Советская энциклопедия, 1975. — С. 41.

³ Кузнецов В.Н. Социология безопасности. — М.: Книга и бизнес, 2003. — С. 82.

Современная общая теория безопасности представляет собой весьма сложную и разноуровневую систему взаимосвязанных знаний, основывающихся на общих законах и принципах существования, функционирования и развития природы, общества и человеческого мышления, раскрываемых и интерпретируемых с учетом специфики безопасности как явления в таких науках как философия безопасности и социология безопасности. По содержанию общая теория безопасности включает теоретические положения и идеи, относящиеся к различным сторонам существования и развития человеческого общества и окружающей его среды. Современную теорию безопасности как предельно широкую совокупность знаний составляют отдельные теоретические концепции, отражающие те или иные аспекты, уровни, проявления безопасности — теория геополитической безопасности, теория экологической безопасности, теория коллективной безопасности, теория гуманитарной безопасности, теории безопасности отдельных сфер общественной жизни, разновидностей человеческой деятельности, теория государственной безопасности, теория конституционной безопасности и др.

В соответствии с современной теорией безопасности, безопасность человеческого общества или социальная безопасность, аккумулирует, отражает все другие виды безопасности, относящиеся к объектам и системам окружающего человека мира, среде жизнедеятельности людей. Это безопасность флоры, безопасность фауны, безопасность технических систем, безопасность производственных, бытовых и культурно-досуговых сооружений и объектов и др. Безопасность человеческого общества или социальная безопасность характеризует жизнедеятельность людей и их образований как наиболее организованной части живых биологических существ, их способность к самовоспроизводству, существованию и развитию, созданию для этого необходимых ресурсов и условий.

Социальная безопасность проявляется в возможностях человеческого социума и его отдельных сфер сохранять свою качественную определенность и целостность, обеспечивать оптимизацию и совершенствование своей внутренней организации при взаимодействии с другими объектами, системами. Это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, народов и государств от целого комплекса разного вида и уровня опасностей и угроз. Социальная бе-

зопасность представляет такое состояние всех сфер жизнедеятельности людей, образуемых ими объединений, групп, организаций и институтов, а также условий их функционирования, которые обеспечивают сохранение и укрепление целостности и независимости человеческого сообщества, его развитие и защиту. Безопасность человеческого общества (социальная безопасность) представляет собой явление, отражающее качественно-количественные характеристики среды обитания и жизнедеятельности человека, различные аспекты его существования, функционирования и развития как социобиологического существа. Она проявляется в степени защищенности индивида и его образований от негативного воздействия явлений, процессов разного характера, в наличии возможностей и условий для реализации их интересов и эффективности жизнедеятельности на всеобщем (глобальном), региональном и территориально-государственном (национальном) уровнях.

На всеобщем (глобальном) уровне социальная безопасность представляет собой международную безопасность, устойчивость и надежность которой определяется реальной моделью мироустройства, содержанием и формами взаимоотношений народов и государств, нормами международного права и отношением субъектов мировой политики к их выполнению. Безопасность человеческого общества в регионе или региональную безопасность составляют содержание и характер взаимоотношений народов и государств региона, их качество и направленность.

На территориально-государственном (национальном) уровне складывается национальная безопасность. В современной науке теоретически обосновано, а на практике подтверждено, что в условиях трансформации современных международных отношений, их глобализации, усиления взаимосвязи и взаимозависимости народов и стран современного мира национальная безопасность является необходимым условием обеспечения стабильности и устойчивости развития каждого отдельного общества, укрепления региональной и всеобщей безопасности.

Национальная безопасность, как составная часть общего явления — безопасности, обладает своими особенностями, только ей присущими характеристиками, своей структурой.

При организационно-структурном подходе национальная безопасность рассматривается как определенное образование, система. В ней, как едином целом, по различным основаниям выделя-

ются внутренняя внешняя национальная безопасность, экономическая, социальная, политическая, духовно-идеологическая, военная, информационная, экологическая, технологическая и другие виды национальной безопасности, безопасность от опасностей и угроз природного характера, безопасность от опасностей и угроз антропогенного характера, безопасность от опасностей и угроз социального характера, безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства.

При функционально-деятельностном подходе структуру национальной безопасности как процесса составляют субъекты обеспечения национальной безопасности, цели и задачи обеспечения национальной безопасности, политико-правовые основы и принципы обеспечения национальной безопасности, органы и силы обеспечения национальной безопасности, средства, методы и способы обеспечения национальной безопасности, объекты обеспечения национальной безопасности. Элементы национальной безопасности взаимосвязаны между собой, дополняют друг друга, обеспечивают ее функционирование, развитие и укрепление как единого целого.

Таким образом, теория безопасности прошла длительный путь своего становления, эволюции и развития. В настоящее время она представляет собой разветвленную и многогранную систему знаний, являющихся результатом осмысления и оценки людьми явления безопасности и его проявлений. В современной науке безопасность рассматривается как необходимая атрибутивная характеристика различных объектов и систем, явлений и процессов.

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Чесноков Николай Анатольевич,
кандидат педагогических наук,
старший помощник начальника учебного отдела
Военного университета

В настоящее время наблюдается понижение роли безопасности образования. Используя системный подход, рассмотрим образование как систему. Необходимо отметить, что категории «образование» и «образовательная система» не всегда тождественны, но в данной статье проведение глубокого анализа данных понятий, в силу ограниченности объема, не предоставляется возмож-

ным, поэтому придадим им равный статус применения.

Каждая система, если она не изолирована, подвергается внешнему и внутреннему воздействию, влияющему на ее функционирование. Данное воздействие может быть как положительным, так и отрицательным. Устойчивость системы к отрицательным воздействиям характеризуется таким параметром как безопасность. Если говорить о безопасности образования как системы, необходимо рассматривать безопасность ее элементов в частности педагогической (образовательной) системы. Другими словами имеет смысл ввести новое понятие:

Педагогическая безопасность является одной из составляющей национальной безопасности, заключающейся в комплексе мероприятий, направленных на обеспечение состояния педагогической защищенности образовательной системы и ее элементов от внешних и внутренних угроз.

Встает вопрос сопоставления определений педагогическая безопасность и «безопасность образования». Понятие безопасность образования, с одной стороны, гораздо шире, нежели педагогическая безопасность (это относится к вопросу защиты системы образования государства). С другой стороны, исходя из общепринятого определения педагогики¹, безопасность образования входит в состав педагогической безопасности (наравне с безопасностью обучения и воспитания).

В свою очередь, **безопасность образования**, в широком понимании, является одной из составляющих национальной безопасности и заключается в комплексе мероприятий, направленных на обеспечение состояния защищенности системы образования государства от внешних и внутренних угроз. В узком понимании, безопасность образования заключается в комплексе мероприятий, направленных на обеспечение состояния педагогической защищенности процесса и результата получения знаний, навыков и умений от внешних и внутренних угроз.

Следует отметить, что в узком понимании категория безопасности образования применима к рассмотрению вопроса комплексной безопасности образовательных учреждений, тем самым, прослеживается тождественность с педагогической безопасностью.

В заключение целесообразно дать рекомендации различным элементам исполнительной, зако-

¹ Педагогика — это наука об обучении, воспитании и образовании. (Прим. автора.)

нодательной власти федерального и регионального уровней, а также общественным организациям.

На федеральном уровне:

Президенту Российской Федерации

- дать соответствующие указания Совету безопасности Российской Федерации, Правительству Российской Федерации, Совету Федерации и Государственной Думе о рассмотрении вопроса безопасности образования и разработке нормативно-правовой базы по проблеме;

Совету безопасности Российской Федерации

- рассмотреть проблему безопасности образования и в качестве одного из приоритетных ее элементов — педагогическую безопасность образовательных систем;
- совместно с представителями Правительства Российской Федерации, приступить к разработке «Концепции безопасности образования»;
- рассмотреть вопрос о целесообразности создания структурного подразделения в рамках Федеральной службы безопасности Российской Федерации, занимающегося вопросами безопасности образования с учетом всех элементов комплексной безопасности образовательного учреждения;

Правительству Российской Федерации

- опираясь на потенциал Министерства образования Российской Федерации, рассмотреть проблему безопасности образования и в качестве одного из приоритетных ее элементов — педагогическую безопасность образовательных систем;
- создать группу разработчиков, экспертов для создания «Концепции безопасности образования»;

Министерству образования Российской Федерации

- в рамках Федерального агентства по надзору в сфере образования создать структурное подразделение, занимающееся вопросами педагогической безопасности образования;
- обеспечить подготовку кадров в сфере педагогической безопасности образования;

Совету Федерации и Государственной Думе РФ

- рассмотреть проблему безопасности образования и в качестве одного из приоритетных ее элементов — педагогическую безопасность образовательных систем;
- по мере готовности «Концепции безопасности образования» рассмотреть ее в соответствующ-

щих комитетах (с привлечением специалистов из сферы образования, не вошедших в состав разработчиков и экспертов документа);

- после рассмотрения, заинтересованным комитетам, дать заключение по целесообразности принятия законопроекта;

Общественной палате РФ

- обсудить, с привлечением заинтересованных экспертов, проблему безопасности образования и в качестве одного из приоритетных ее элементов — педагогическую безопасность образовательных систем;
- после обсуждения, сформировать рекомендации органам исполнительной и законодательной власти по проблеме, а также рассмотреть и представить роль и место общественных организаций в практике обеспечения безопасности образования.

На региональном уровне:

Руководству федеральных округов, субъектов Российской Федерации

- на основе принятой «Концепции безопасности образования», разработать соответствующие нормативно-правовые документы местного уровня с учетом специфики развития собственной системы образования;
- в министерствах, департаментах, управлениях образования создать структурное подразделение, занимающееся вопросами педагогической безопасности образования;
- в министерствах, департаментах, управлениях образования пересмотреть должностные инструкции заместителя директора образовательного заведения по безопасности и (или) по учебно-воспитательной работе с целью расширения полномочий до проблем педагогической безопасности (с обязательной переподготовкой по программе повышения квалификации работников образования).

На уровне образовательных систем

- руководству образовательного учреждения, до принятия «Концепции безопасности образования», следует проанализировать функционирование педагогической, методической и управленческой системы образовательного учреждения, с целью выявления опасностей педагогического характера;
- особое внимание уделять вопросу внедрения нововведений с использованием антипедагогических технологий.

Приложение

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ТРЕБУЕТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

В.И. Лутовинов,

доктор философских наук, академик АВН,
профессор РАГС при Президенте РФ,
полковник запаса

Процессы, происходящие в последние годы в патриотическом воспитании, все больше выдвигают на первый план такие его направления, как гражданско-патриотическое, духовно-нравственное, историко-патриотическое, культурно-патриотическое. Это способствует обогащению содержания патриотического воспитания и повышению его возможностей в формировании патриотических ценностей у различных категорий молодежи. При этом все более уходит на дальний план такое направление, как военно-патриотическое воспитание (ВПВ). Как известно, именно оно было наиболее развитым и эффективно функционировавшим со времени создания системы ВПВ, примерно с середины 60-х годов. Эта система являлась образцом для многих зарубежных государств, в том числе западноевропейских, которые немало заимствовали в тот период из советского опыта при решении проблем воспитания молодежи и подготовки ее к военной службе (в СССР такой проблемы фактически не существовало).

С началом так называемой перестройки именно ВПВ, равно как и Вооруженные Силы, оказались в числе главных объектов борьбы против «тоталитаризма», «империи зла» и «сверхмилитаризации». В ходе осуществления крайне агрессивной и хорошо организованной кампании, которая стихла лишь в конце 90-х годов, система ВПВ была дискредитирована и разрушена, изгнана почти из всех государственных институтов, прежде всего из СМИ, образовательной, культурной, научной и

других сфер, лишилась какой бы то ни было поддержки со стороны властных структур.

С принятием первой Госпрограммы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001—2005 гг.» началось возрождение патриотизма. Однако этот процесс идет очень медленно и противоречиво, а о восстановлении системы ВПВ не может быть и речи. Осколки этой системы в виде главным образом военно-патриотических объединений (клубов) (ВПО (К)), поддерживаемых далеко не во всех регионах, почти лишенных реальной помощи на федеральном уровне, тем не менее сохранились. Более того, представляя собой наиболее организованную силу в патриотическом воспитании после преодоления огромных трудностей и испытаний 90-х годов, целый ряд объединений (клубов) военно-патриотической направленности адаптировались в новых рыночных условиях и выполняют свои задачи более гибко и эффективно. Идут процессы их консолидации и координации на региональном уровне.

В настоящее время актуальность и востребованность именно ВПВ как специфического направления патриотического воспитания значительно возросли, по крайней мере по следующим основаниям.

Во-первых, вследствие сложной военно-политической обстановки в мире и вокруг России, появления новых угроз ее национальной и военной безопасности, возможности возникновения новых вооруженных конфликтов с ее участием.

Во-вторых, из-за резкого ослабления после развала СССР уровня военной безопасности, дееспособности Вооруженных Сил, их статуса и престижа в российском обществе, морально-психологического состояния военнослужащих, их готовности к защите Отечества.

В-третьих, в силу значительного возрастания роли и значения заблаговременной подготовки к военной службе молодежи допризывного возраста

та, вызванного резким сокращением ее продолжительности (до одного года).

В-четвертых, из-за безуспешности и бесперспективности попыток найти в течение длительного времени альтернативное ВПВ направление в патриотическом воспитании в качестве главного компонента вновь создаваемой системы этой деятельности в условиях так называемой модернизации воспитания, образования и других институтов, формирующих современную молодежь.

Тем не менее никаких действенных мер, особенно долговременных, системных для повышения эффективности ВПВ не предпринимается. Вследствие этого оно продолжает находиться в крайне сложном, критическом положении. Это объясняется наличием целого комплекса следующих основных проблем.

На государственном уровне — правящая элита в своем большинстве с непониманием, скептически относится к негативным последствиям глобализма, военным угрозам, вопросам обеспечения военной безопасности, необходимости укрепления военной организации и Вооруженных Сил, повышения уровня и престижа военной службы (в том числе путем улучшения ее условий и стимулов), с безразличием или даже негативно — к выполнению важнейшей конституционной обязанности — к защите Отечества.

В информационной сфере — господствует насаждение, целенаправленное внедрение в общественное сознание, особенно в отношении подрастающего поколения так называемых норм, ценностей, образцов и стереотипов поведения, размывающих духовность, позитивные ориентиры, социально значимые интересы, социальную ответственность, готовность самореализоваться на благо общества и государства в целях возрождения величия России и укрепления ее могущества. «Антивоенная» тема по-прежнему занимает значительное место в деятельности ведущих СМИ. В то же время информационное взаимодействие между субъектами ВПВ является очень слабым, единое информационное пространство до сих пор отсутствует.

В научной сфере — многие важнейшие проблемы ВПВ не решены, их разработкой и исследованием никто не занимается. Системного подхода к этой деятельности нет. Научный потенциал в соответствующих исследовательских, прежде всего военных и образовательных учреждениях не реализуется. Педагогическая наука практически игнорирует военно-патриотический компонент в воспитании, в образовательной сфере. Вследствие

этого не определены концептуальные основы ВПВ, а привносимые постулаты характеризуются размытостью, односторонностью, отсутствием или слабостью духовно-гуманитарного содержания, фрагментарностью, утилитаризмом и др.

В правовой сфере — отсутствует правовая база ВПВ, вследствие чего нет и правовой основы деятельности ВПО (К), организации и проведения важнейших, в том числе традиционных форм работы, таких, как «Зарница», «Орленок», «Движение Постов № 1», поисковое движение, ОСОЛ и др. Особенно много нерешенных проблем на федеральном уровне: ими попросту некому заниматься.

В сфере программно-реализационной деятельности. Госпрограмма «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006—2010 гг.» и разработанные на ее основе программы в соответствующих министерствах и ведомствах, а также субъектах РФ характеризуются слабой системностью, неопределенностью в отношении главных приоритетов и целей, низкой эффективностью механизмов реализации. Вследствие этого основные исполнители госпрограммы, разработанных на ее основе программ, планов и проектов реализуют лишь незначительную часть своего потенциала в качестве субъектов ВПВ даже в рамках задаваемой деятельности. Более того, такие из них как СМИ, Минкультуры, Минздравсоцразвития, Минобрнауки и другие осуществляют главным образом не военно-патриотическую, а антивоенно-патриотическую воспитательную деятельность.

Очень сложным является положение дел с реализацией военно-патриотического компонента программ патриотического воспитания во многих регионах (в некоторых из них он представлен слабо или вовсе исключен): отсутствие системного подхода, односторонность и ситуативность многих проводимых мероприятий, их низкая эффективность, малый процент охвата молодежи и т. д. Программы, проекты, планы слабо проработаны, контроль за их выполнением в соответствующих министерствах, ведомствах, органах, организациях и регионах в большинстве своем отсутствует.

Координация и управление деятельностью по ВПВ. Системного, постоянного, эффективного механизма координации и управления этой деятельностью нет, особенно на горизонтальном уровне — между министерствами, ведомствами, органами и организациями, даже ветеранскими; между регионами (субъектами РФ, между ВПО (К) не только на федеральном, но и на региональ-

ном, в том числе и на местном (муниципальные образования) уровне (за небольшим исключением). Отсутствует единый орган координации и управления ВПВ, который был бы способен осуществлять взаимодействие между субъектами по ВПВ как по вертикали, так и по горизонтали. Вследствие крайней недостаточности такого взаимодействия не имеет смысла говорить о системе ВПВ во всероссийском масштабе.

Учебно-материальное и техническое обеспечение (УМТО). УМТО деятельности основных субъектов ВПВ, большинства ВПО (К) является неудовлетворительным, особенно в дотационных субъектах РФ. Изменений к лучшему, за исключением отдельных субъектов РФ, ВПО (К) (за счет административно-финансового ресурса избирательного действия, спонсорства и сверхусилий отдельных энтузиастов) нет. Использование УМТО Минобороны, МВД, МЧС, РОСТО, как правило, затруднено, коммерциализировано и обусловлено многочисленными ограничениями. В отсутствие системного и целенаправленного обеспечения данная проблема давно стала проблемой самовывживания, особенно для тех, кто непосредственно осуществляет работу по ВПВ.

Методическое обеспечение на всех уровнях осуществления ВПВ с основными категориями молодежи, особенно с учащимися общеобразовательных школ, является очень низким. Данное направление патриотического воспитания давно прекратило свое существование в деятельности абсолютного большинства образовательных учреждений, в том числе военных, реализация потенциала которых сведена к минимуму. В большинстве своем методическое обеспечение ВПВ является, как правило, уделом лишь очень немногих энтузиастов.

Подготовка и повышение квалификации кадров. Отсутствует система организации этой деятельности. Образовательные учреждения, осуществляющие ее, не имеют соответствующих специалистов (за очень редким исключением). Вследствие этого направленность подготовки и повышения квалификации кадров в области ВПВ не соответствует либо лишь частично соответствует их специальности.

Финансирование ВПВ является не только недостаточным, но просто мизерным. Причина — в негативном отношении к этой деятельности в соответствующих структурах исполнительной власти, особенно в Минфине. В большинстве субъектов РФ, которые являются дотационными, финанси-

рование ВПВ является недопустимо низким, а в ряде из них отсутствует вообще. Внебюджетные источники, спонсорская помощь имеют очень слабое распространение.

В целом деятельность соответствующих структур, органов, организаций и объединений, участвующих в ВПВ, но не имеющих научно обоснованных, соответствующих современным реалиям концептуальных подходов, приоритетных направлений и механизмов их реализации, характеризуется инертностью, неопределенностью, бессистемностью, отсутствием заинтересованности в достижении конечных результатов проводимых мероприятий. Механизм координации и управления деятельностью субъектов, участвующих, а также не участвующих (в силу ее игнорирования) в работе по развитию патриотизма и готовности граждан к достойному служению Отечеству, на всех уровнях и по основным направлениям фактически не функционирует, а затрачиваемые средства дают все меньший эффект.

Причина этого не только в отсутствии общей стратегии и резком ослаблении управления важнейшими звеньями и механизмами в процессе организации этой деятельности. Более важным и, пожалуй, главным негативным фактором является то, что на протяжении уже многих лет не преодолена дискредитация не только существовавшей десятилетиями практики патриотического и военно-патриотического воспитания, но и самой идеи формирования и развития личности гражданина-патриота. По-прежнему остается преданным забвению богатейший опыт, накопленный в этой сфере, почти ничего не делается для развития новаций и создания современных методик.

В связи с этим **все более неотложным представляется фундаментальное и всеобъемлющее рассмотрение комплекса проблем, накопившихся в сфере военно-патриотического воспитания** как важнейшего компонента воспитания в целом. Это требует глубокого изучения и всестороннего анализа всех происходящих в российском обществе изменений, тенденций развития с учетом существующих и нарождающихся проблем и противоречий. Огромное значение приобретают поиск и разработка принципиально новых подходов к созданию качественно иных основ военно-патриотической работы с подрастающим поколением, учитывающих систему его ценностей, потребностей и интересов.

Для кардинального изменения сложившейся ситуации требуется создание эффективно функционирующей системы патриотического и воен-

но-патриотического воспитания, включая определение конкретных целей, задач, долговременной стратегии, реализуемой с активным участием максимального количества субъектов, имеющих отношение к этой деятельности, обеспечивающей охват большей части подрастающего поколения, его дифференциацию по социокультурным, демографическим, региональным и иным признакам, комплексное использование современных методик, психолого-педагогических технологий и имеющихся сил и средств, предполагающей задействование механизма координации, управления и контроля по основным направлениям и уровням этой деятельности с учетом достижения ее конечных результатов.

Коренное изменение состояния дел в сфере ВПВ к лучшему предполагает **гораздо более эффективное использование потенциала этой деятельности**, который по-прежнему очень велик. Речь идет прежде всего о создании необходимых условий для организации и осуществления ВПВ, что, в свою очередь, предполагает целенаправленное и комплексное решение вышеназванных проблем по взаимосвязанным направлениям: информационному, научно-методическому, правовому, координационно-управленческому и другим. Создание необходимых условий в рамках создания системы ВПВ не требует привлечения больших, даже значительных дополнительных средств, в том числе финансовых. Главное поле деятельности — это создание механизмов активизации и значительного повышения эффективности деятельности субъектов ВПВ, прежде всего соответствующих министерств, ведомств, органов (как высшей власти, так и большинства субъектов РФ), организаций. Параллельно необходимо создание механизма постоянной поддержки (обеспечения элементарных условий функционирования) деятельности существующих ВПО (К), которых в России многие тысячи. Вполне реально изменение направленности ряда некоммерческих (общественных) организаций (профсоюзных, культурных, творческих, научных, спортивных и т. д.), которых насчитываются сотни тысяч, в сторону ВПВ. В первую очередь это касается молодежных движений, объединений (клубов) самого различного профиля, которые в наибольшей степени способны к новациям, к поиску новых, нетрадиционных форм, средств, технологий в деле вовлечения допризывной молодежи в мероприятия военно-патриотической направленности, связанные с подготовкой к защите

Отечества и военной службе. Наконец, почти неиспользованным резервом остаются коммерческие организации и структуры, состоятельные частные лица, способные на определенных условиях, с учетом их интересов выступить значительным источником внебюджетных средств, оказывать существенную помощь и поддержку ВПВ подрастающего поколения страны.

Создание системы ВПВ на основе существующих ее элементов и путем формирования новых, в том числе качественно иных, более соответствующих духу времени, особенностям, потребностям и интересам современной молодежи — это сложный и долговременный процесс. Его осуществление возможно лишь на основе научно обоснованной, тщательно проработанной и реально достижимой **стратегии**. Ее реализация на среднесрочную перспективу (до 2020 года) включает **несколько основных этапов**.

1. Начальный этап (2009—2011 гг.). Решение первоочередных задач в рамках разработанного проекта, анализ отечественного и зарубежного опыта, создание научной и информационной базы, решение ряда вопросов по правовому обеспечению ВПВ, создание и начало реализации механизмов повышения эффективности деятельности субъектов ВПВ, условий для развития инноваций, увеличения количества ВПО (К) и вовлечения в ВПВ новых молодежных движений, объединений, клубов. Разработка долгосрочной программы ВПВ.

2. Основной этап (2012—2018 гг.). Создание основ системы ВПВ РФ по важнейшим направлениям этой деятельности в процессе реализации долгосрочной программы. Разработка очередной долгосрочной программы.

3. Продолжение основного этапа (2019—2020 гг.). Совершенствование основ системы ВПВ, особенно механизмов реализации и развития новых направлений, форм и технологий, способствующих повышению качества и эффективности этой деятельности, выведению ее в число приоритетных в воспитании и самореализации молодежи в процессе выполнения начального этапа последующей долгосрочной программы. Анализ достижения ожидаемых результатов деятельности.

Разработка и реализация стратегии возрождения и развития ВПВ, создание эффективно функционирующей системы посредством прежде всего программно-целевых методов и внедрения новых технологий — задача высокой степени сложности.

В советское время, в период максимального развития ВПВ активно функционировали свыше 30 государственных и общественных организаций под руководством КПСС. До последнего времени основными ведомствами, осуществлявшими эту деятельность в качестве главных исполнителей, являлись Минобороны и Минобрнауки, которые фактически свернули ее.

В современных условиях значительно возросла роль ВПО (К) и других некоммерческих (общественных) организаций патриотической направленности. Однако их деятельность по-прежнему очень слабо координируется и почти не управляема, особенно на федеральном уровне. В последние годы все больше внимания ВПВ уделяется со стороны Русской Православной Церкви, в результате чего постоянно растет число ВПО (К) православной направленности. Однако взять на себя руководящую роль в этой сфере в масштабе страны РПЦ не может. Речь может идти только о духовном лидерстве в ВПО (К) на основах православия (такова, в частности, позиция 12-го Всемирного Русского народного собора, февраль 2008 г.).

Отношение Минобрнауки России к ВПВ является в принципе негативным, и ничто не свидетельствует о том, что оно изменится к лучшему в ближайшей перспективе. Минобороны России поддерживает ВПВ в основном лишь на словах. Реальное же его участие в этой деятельности совершенно несопоставимо с тем, каким оно было во времена СССР.

Особенно обострилась проблема заблаговременной подготовки молодежи допризывного возраста к военной службе после ее сокращения до 1 года. Как известно, этот переход был тщательно спланирован, проработан и всесторонне обеспечен. При этом подчеркивалось, что Минобороны идет навстречу интересам и требованиям общества, которые воспринимались весьма однозначно (как императивные), то есть не подлежали сомнению.

Что же касается мер по повышению уровня и эффективности подготовки допризывной молодежи к военной службе, которые должны были по крайней мере сопровождать процесс ее сокращения (об опережении речь по известным причинам уже не идет), то *они приняты не были*. Несмотря на то, что общество и государство вправе были рассчитывать на значительное преобразование данной системы в целях ее улучшения, что было бы воспринято как естественные и необходимые шаги

в правильном направлении, этого не произошло. Более того, отношение к военно-патриотическому воспитанию и подготовке молодежи к военной службе со стороны соответствующих министерств, ведомств, органов и организаций, включая Минобороны, стало еще более безразличным.

До сих пор в российском обществе отсутствуют концептуальное видение решения проблемы военно-патриотического воспитания и подготовки молодежи к защите Отечества, стратегия осуществления этой деятельности в рамках функционирования принципиально новой системы, адаптированной к изменившимся условиям.

Естественно, инициировать эту работу должно именно Минобороны, конструктивные предложения которого были бы в той или иной степени поддержаны другими министерствами, ведомствами, государственными и общественными организациями, особенно патриотической направленности. Но такой инициативы, заслуживающей соответствующего внимания, а тем более развития, как не было, так и нет. Вместо этого в *Минобороны от понимания и подхода к решению задачи на государственном уровне скатились к чисто ведомственной, крайне ограниченной позиции*: главное — обеспечить призыв на военную службу, а в рамках этой задачи — подготовку по военно-учетным специальностям. Вот и вся с позволения сказать «стратегия», которая сводится главным образом к рутинной работе по недопущению срыва плановых (прежде всего количественных) показателей призывных кампаний и подготовки определенного числа военных специалистов различного профиля. Все остальное, то есть военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения в целом, формирование у него патриотизма и готовности к служению Отечеству в более широком смысле воспринимается как весьма желательное, очень широкое поле деятельности очень многих структур (что, конечно, правильно), но это не обязательно для исполнения ввиду специфики ведомственного предназначения Минобороны. Такой вот получается ведомственный прагматизм, который снимает многие, прежде всего основополагающие вопросы и оставляет их нерешенными на протяжении уже многих лет.

В современных условиях именно РОСТО является главным и фактически единственным, особенно в смысле надежности, испытанности и реальных возможностей союзником и партнером Минобороны в деле подготовки квалифицирован-

ных военных специалистов. Поэтому *от того, какими являются уровень этого взаимодействия, характер отношений и взаимопонимания между Минобороны и РОСТО в вопросах подготовки по военно-учетным специальностям, зависит то немногое, что осталось от существовавшей ранее мощной и разветвленной системы формирования защитников Отечества, готовых выполнить воинский долг перед Родиной.*

В связи с этим забота Минобороны об укреплении и развитии тесных и дружественных отношений с РОСТО, наращивание и совершенствование двустороннего сотрудничества в деле подготовки необходимых армии и флоту специалистов являются вопросом первостепенной важности.

Однако в настоящее время традиционные союзнические и партнерские отношения между РОСТО и Минобороны по вине последнего разорваны, стороны в течение уже многих месяцев находятся в жесткой конфронтации. С сожалением приходится констатировать и неблагоприятное развитие динамики возникшего конфликта: он не только не ослабевает, но, напротив, набирает силу. Это выразилось в целой системе мер, принятых в одностороннем порядке Генеральным штабом и направленных на прекращение или, по крайней мере, максимальное затруднение деятельности РОСТО. Эти действия, сопровождаемые набирающей все больший размах информационной шумихой, направленной против РОСТО, наносят колоссальный вред не только самой организации, но и всему делу подготовки молодежи к защите Отечества и военной службе.

В настоящее время по вине Минобороны РОСТО лишено возможности готовить допризывников по военно-учетным специальностям (оно выполняет эту задачу в ограниченном объеме на собственные средства). Вследствие этого большая часть призывников, пополнивших ряды Вооруженных Сил осенью 2008 года, не прошла подготовку по военно-учетным специальностям. То, что это крайне негативно отразится на состоянии боевой готовности армии и флота, очевидно любому, кто имеет представление о военной службе. Однако ни ГОМУ, ни руководство МО не проявляют в этой связи ни малейшего беспокойства. И это несмотря на то, что такие действия снижают уровень военной безопасности государства.

Между тем **ВПВ является одним из наиболее перспективных направлений работы с молодежью**, в отличие от многих других, представляющихся привлекательными, развлекательными, новомодными и т. п., но не оказывающих действенного

влияния на молодых людей, на улучшение их важнейших характеристик как особой социально-демографической группы общества. Особенно велики преимущества ВПВ по сравнению с другими направлениями работы с так называемой трудной молодежью, к которой, к сожалению, относятся не только беспризорники, дети из социально необеспеченных семей, связанные с криминальным миром, алкоголики, наркоманы и т. д. Помимо миллионов детей и подростков, составляющих эту категорию по определению (безысходность положения в силу ненормальных антисоциальных условий жизни, вернее существования), очень значительная часть молодежи, в том числе из числа вполне благополучной, даже состоятельной, не может найти себя в обществе в плане достойной самореализации. Причина этого — в отсутствии социально значимых и духовных ценностей, ориентиров, непонимании высокого смысла жизни, невозможности соприкоснуться в условиях существующей реальности с примерами, образцами свершения «настоящих» дел, жизни в здоровом и дружном коллективе, проявлениями нравственности, преодоления трудностей, испытаний, служения людям, Отечеству. А именно это и является основой содержания ВПВ.

Для разработки концептуальных основ и стратегии ВПВ, определения и обоснования направлений и механизмов ее реализации, для осуществления системы информационно-аналитической, научно-методической, правовой, координационно-организационной деятельности в этой сфере, особенно в соответствующих государственных структурах, некоммерческих (общественных) объединениях и движениях (прежде всего молодежных), в субъектах РФ, на других уровнях и в других звеньях необходимо создать специальный рабочий орган (например, совет при одном из органов исполнительной власти). Еще одним, помимо вышеназванных, направлением деятельности совета должна быть разработка планов, проектов и долгосрочных программ по ВПВ молодежи, оказание помощи в их подготовке в соответствующих структурах, некоммерческих (общественных) объединениях, субъектах РФ и т. д., а также управление и контроль за их реализацией.

До создания совета решение первоочередных задач в сфере ВПВ может быть возложено на рабочую группу, которую целесообразно сформировать в ближайшее время. В числе задач этой группы, которая будет функционировать по отдельному плану, — разработка проекта ВПВ российской

молодежи на первый (начальный) этап в реализации стратегии в этой области (2009—2011 гг.). По истечении необходимого времени основной состав рабочей группы (ядро) целесообразно трансформировать в структуру совета.

Решение основных задач в области ВПВ, значительная активизация, разрастание масштабов и повышение эффективности этой деятельности позволят решить многие назревшие проблемы в отношении российских граждан, особенно подрастающего поколения, причем проблемы не только педагогического, но и социального, духовного, нравственного, правового и иного характера.

Благодаря формированию и развитию у детей и молодежи таких важнейших социально значимых качеств, как высокая нравственность, гражданская зрелость, любовь к Отечеству, ответственность, чувство долга, верность традициям, стремление к сохранению и преумножению духовно-исторических и культурных ценностей, готовность к преодолению трудностей, самопожертвование, намного возрастут возможности их активного участия в решении важнейших проблем общества в различных сферах его деятельности, в том числе в воинской и других, связанных с обеспечением национальной безопасности видах государственной службы.

Современное российское общество приобретет ценнейший компонент созидательного потенциала, который будет определяться прежде всего готовностью молодежи взять на себя ответственность за будущее России.

ВОИНСТВЕННОСТЬ И МИРОЛЮБИЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Б.И. Каверин,

доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
полковник

Человеческий фактор в истории обществ и цивилизаций, в научных исследованиях и общественном мнении всегда привлекал мыслителей. Не менее актуальной оставалась проблема выяснения места и роли человека в войнах и миротворчестве, в насильственных действиях, направленных на «сохранение независимости» государства и усиление его могущества, а также связанных с агрессией против других народов и государств, с деструкцией и угнетением.

Свое видение природы человека как инициатора войн или миротворчества предложил В.В. Се-

ребрянников¹. Книга интересна прежде всего аргументированным критическим анализом якобы природной и неустранимой агрессивности человека, его воинственности. «Нельзя признать основательными доказательства, — отмечает автор, — что воинственность есть неотъемлемое свойство человека потому, что война является постоянным спутником его жизни более пяти тысяч лет известной истории» (с. 5). Природа человека исторически меняется. Все большую значимость в ее содержании приобретают социокультурные показатели, раскрывающие позитивную или негативную направленность воинственности, а также миролюбия.

В работе представлена богатая и разнообразная статистическая и фактологическая информация, раскрывающая личностные характеристики воителей прошлого, показатели военно-политических событий и процессов в человеческом измерении, социологию войны и армии. Так, практически все десять глав работы снабжены различными статистическими таблицами (которых в целом более двадцати пяти), содержат другой новый систематизированный социологический материал. Социологический аспект исследования природы человека и ее проявления в войнах, военных конфликтах, в миротворчестве и мироустройении составляет сильную сторону книги. Действительно, впервые автор специально рассмотрел с философско-социологических позиций два противоположных свойства человека: его воинственность и миролюбие. Теоретический анализ, усиленный статистической аргументацией, формирует доверие к тексту, убеждает в объективности исследования. Показано нарастание доминантности миротворческой функции человека, особенно в современную эпоху после осмысления двух мировых войн, перспектив военных и вооруженных конфликтов, международного терроризма.

Структура книги раскрывает авторскую концепцию и логику ее рассмотрения. Основное внимание уделяется анализу воинственности и воителей. Такой подход, возможно, обусловлен большой опасностью именно негативной, антиобщественной воинственности для народов и государств. Шесть первых глав посвящены подробному изучению воинственности человека, конкретных личностных признаков воителей прошлого, политических, военно-политических и собственно военных лидеров современной эпохи.

¹ Серебрянников В.В. Природа человека: источник войн или миролюбия? — М.: Научный мир, 2007. — 356 с.

В специальной главе рассмотрены политический механизм принятия военно-политических решений, его структура и принципы. Представлена российская модель принятия военно-силовых решений, которая во многом определяется не учетом интересов российских граждан, а позицией и индивидуальными характеристиками, уровнем общей культуры политических руководителей страны и их окружения. Отмечается, что сравнительный анализ количества войн, инициированных Западом и Востоком, свидетельствует об абсолютном преобладании инициатив европейских государств. В России, подчеркивает автор, никогда не было правителей, которые ставили бы целью завоевание мира, подобно Македонскому, Наполеону или Гитлеру (с. 199).

Весьма интересна сравнительная характеристика президентов США как воителей и Сталина, особенно во Второй мировой войне, Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 годов и во времена «холодной войны». На основе анализа документов и личностных признаков подчеркивается преимущественная воинственность американских президентов как существенная черта их личностных и социально-политических характеристик. В то же время Сталин достаточно обоснованно оценивается как «военный деятель по необходимости». Ранжировка воинственности одиннадцати хозяев Белого дома с 1945 по 2005 год выглядит так. Наибольшей воинственностью обладал Г. Трумэн. Второе «место» разделили Д. Эйзенхауэр и Л. Джонсон. Затем следуют Р. Рейган, Дж. Буш-младший, Б. Клинтон и Дж. Буш-старший (с. 84). Другие президенты США этого периода считаются менее воинственными.

Показатели воинственности каждого из отмеченных президентов США анализируются автором подробно и обстоятельно. Материал хорошо систематизирован, подкреплен конкретными статистическими и фактическими данными, ссылками на документы. Он может быть широко использован в обучении и воспитании школьников, студентов, других категорий молодежи. Материал о воинственности американских президентов и подлинном характере деятельности США на международной арене в годы Второй мировой войны и послевоенный период важно также использовать в информационной работе.

Новым в книге является анализ общественного мнения в решении проблем войны и мира (глава 7). В качестве сильной стороны следует выделить рассмотрение философско-социологической методо-

логии изучения степени, содержания, способов и форм воздействия общественного мнения на принятие военно-политических решений, на ход и исход войны, недопущение войны и военных конфликтов, на укрепление мира и национальной безопасности (с. 213—224). Следует поддержать позицию автора, когда он говорит о принципиально размытых проявлениях общественного мнения в отношении войны и мира в годы «холодной войны» (до 90-х годов XX века) и в последнее десятилетие XX — начале XXI века.

Если до 90-х годов XX века общественное мнение по проблеме войны и мира характеризовалось резкой поляризацией «мира капитализма» и «мира социализма», то в последнее десятилетие XX века мировое общественное мнение стало отрицательным к военной политике США и их союзников. Отмечается, например, что мировое общественное мнение в связи с иракской войной (2003) отличалось более сильной реакцией, расколом Запада, консолидацией в мусульманском мире. Повсюду резко усилились антиамериканские настроения (с. 239—240).

Авторские выводы об изменении направленности и содержания мирового общественного мнения по вопросам войны и международной политики убедительно аргументированы конкретными социологическими данными, приводятся оценки влияния США в мире и степени учета ими интересов других стран. Если, например, в 2005 году в России 16 процентов граждан положительно оценивали влияние США в мире, а 63 процента — негативно, то в Германии эти показатели составили соответственно 27 и 54 процента, а в Мексике — 11 и 57 процентов (с. 241).

В самих США 70 процентов граждан считают, что их руководство учитывает интересы других стран, а 27 процентов отрицают это. Но уже в Британии только 36 процентов граждан полагают, что США учитывают интересы других стран, а 61 процент — что не учитывают. Еще более контрастны показатели общественного мнения по этому вопросу во Франции, которые составляют соответственно 14 и 84 процента (с. 241). Как видно, показатели общественного мнения сегодня фокусируются вокруг военной политики и всей международной политики США, их стремления к мировому лидерству. Вместе с тем в работе акцентируется положение о том, что среди интеллигенции и современных интеллектуалов, среди политических элит господствующие позиции вновь занимает идея неодолимости и неустрашимости войн из

жизни общества (с. 246), составляющая реальную угрозу для будущего человечества.

Последние три главы книги посвящены обоснованию опасности современных ориентаций на войну, изучению миролюбивости человека, роли социальных и культурологических основ формирования у людей стремления к миру. Подчеркивается сложившаяся с середины XX века позиция мирового сообщества, осуждающая всякую агрессивную войну как тягчайшее преступление против человечества. Рассматриваются поучительные примеры великих борцов за мир Л.Н. Толстого, Ж. Жореса, махатмы Ганди и др. В книге справедливо отмечается, что имена великих и менее великих борцов за мир известны меньше, чем имена воителей, что не может не удивлять.

Интересные данные приводятся в работе о «массовом мироустроителе» по показателю понимания гражданственности (идентификации). В европейских странах на 1990 год от 0,6 до 7,8 процента считали себя гражданами не конкретной страны, а всей Европы. От 2 до 15,4 процента европейцев относили себя к гражданам мира. Показатели, как отмечается в книге, демонстрируют тенденцию на такое региональное и глобальное мироустройство, которое не ориентировано на использование войны и вооруженного насилия. Это реальная часть современного «массового мироустроителя». Она соотносится с более значительной частью патриотически настроенных граждан в странах мира, но также выступающих против войны и ориентирующихся на укрепление мира.

Книга завершается рассмотрением «родителей» войны и миротворцев, деятельность которых приводила или к войне, или к поддержанию мира. Среди множества субъектов, инициирующих войну или выступающих за мир, в работе изучены индивиды. Показано, что сегодня, на поворотном рубеже столетий и тысячелетий, мировое сообщество оказалось без сильного субъекта-индивида, способного осуществить радикальный сдвиг в позитивную миротворческую сторону. История, считает автор, и сегодня движется сознательно, но по заказу «сильных мира сего». Вместе с тем оптимизм автора выражен в том, что «родителям» войны не суждено быть вечными управляющими мирового сообщества, свободно заказывать и творить войны. Идеи справедливого мира со временем овладеют сознанием подавляющего большинства людей планеты (с. 347—349).

Интересная по структуре и содержанию работа В.В. Серебрянникова привлекает объективностью

и правдивостью рассмотрения проблемы войны и мира через призму человеческого измерения. Автор убеждает в преобладании у человека природных и социальных качеств миролюбия над его ответственностью. Книга может стать хорошим источником информации и основой по воспитанию у российских граждан миролюбия, бдительности, осознания необходимости укрепления национальной безопасности.

ФИЛОСОФИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.В. Ковалев,

кандидат психологических наук, доцент,
полковник

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в предотвращении войн и вооруженных конфликтов Россия отдает предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим и другим невоенным средствам. Очевидно, что любую конфронтацию, связанную с возможностью возникновения вооруженного конфликта, легче и быстрее остановить на ранней стадии, чем потом ликвидировать ее последствия.

В настоящее время борьба в мире становится все более ожесточенной, распространяется на все большие направления. В этой «Большой игре» много партий, и каждая состоит из большого количества асимметричных ходов. Трагические события, а если говорить конкретнее — геноцид осетинского народа, произошедший в начале августа 2008 года в Южной Осетии, может стать только началом возможного геополитического противостояния двух супердержав — США и России. Отчасти потому что американские политики разрабатывают и пытаются реализовать замыслы стратегии изменения сложившегося мироустройства в свою пользу. В том числе и на постсоветском пространстве.

Событий лета 2008 года показали, что Запад хочет отвлечь внимание органов государственного управления Российской Федерации от поддержки новых независимых государств на Кавказе путем обострения ситуации на юге самой России. Война в Южной Осетии изначально была только детонатором, после которого у нас должна была вспыхнуть Ингушетия, Чечня, Дагестан...

Только благодаря героическому противостоянию осетинского народа и решительной поддержке России, авантюра провалилась. Последующее признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии стало уже решительным ударом по планам Грузии, США и Евросоюза разыграть ситуацию на Кавказе в свою пользу.

Потенциальные угрозы, которые несут в себе очаги напряженности в непосредственной близости от границ РФ, несут в себе реальную угрозу ее военной безопасности и государственным интересам. Нежелание тратить время и ресурсы заблаговременно в целях предотвращения зарождения и эскалации конфликтов не только на территории России, но и вблизи ее рубежей ведет к появлению гораздо более масштабных и смертоносных столкновений, для прекращения которых впоследствии требуются уже гораздо более значительные финансовые средства. Исходя из этого становится очевидно, что в основу внешней политики Российской Федерации на постсоветском пространстве должна лечь философия предотвращения.

Необходимо учитывать, что конфликты на постсоветском пространстве имеют свои специфические черты, их причины зарождались и затрагивали различные сферы некогда единого государства, а основное развитие они получили и могут еще получить уже на территории самостоятельных государств. Отсюда следует отметить качественное изменение за относительно короткое время природы таких конфликтов, преобразовавшихся из внутригосударственных в межгосударственные, либо внутригосударственные, но иного масштаба, направленные на раскол уже не союзной республики, но самостоятельного государства — субъекта международных отношений. Эволюция грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов является четким свидетельством подобной трансформации.

Для предотвращения внутригосударственных или межгосударственных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве ключевой предпосылкой является оказание помощи со стороны РФ государствам и обществам в решении их собственных проблем. В содержательном плане предотвращение конфликтов должно включать в себя действия, направленные на ограничение и пресечение деятельности тех сил, которые делают ставку на военное насилие как главное средство своей политики. Оно сводится к комплексу экономических, политических, социальных, духовных, военных и других мер, ведущих к упрочению меж-

дународной и региональной безопасности¹. При этом «предотвращение» отличается от «урегулирования», представляющего собой деятельность, направленную на прекращение вооруженного противоборства и использование комплекса средств и способов мирного разрешения проблемы, лежащей в основе конфликта².

Практическая деятельность Российской Федерации по предотвращению вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, прежде всего в странах СНГ, может рассматриваться на *системном, структурном и оперативном уровне*. Системное предотвращение предполагает реализацию мер по устранению глобальной опасности возникновения конфликтов, порождающих угрозу военной безопасности РФ. В сочетании с мерами структурного и оперативного предотвращения на уровне конкретных стран инициативы РФ по системному предотвращению конфликтов будут дополнительно повышать шансы на сохранение мира на постсоветском пространстве. Структурное предотвращение предусматривает меры по обеспечению того, чтобы кризисы вообще не возникали, а если они возникают — по предотвращению их повторения. Оперативное предотвращение включает меры, применимые перед лицом неминуемой угрозы возникновения вооруженного конфликта на территории государств постсоветского пространства.

При более осознанном планировании деятельности государственных органов РФ на **системном уровне**, которая призвана способствовать предотвращению конфликтов (равно как и извлекать уроки из таких конфликтов), необходимо опираться на важный вывод Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, которая в декабре 2004 г. подготовила свой эпохальный доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность»³. Группа подчеркнула общую уязвимость шести блокам взаимосвязанных угроз, которые могут быть устранены только на основе коллективных действий. Она также подчеркнула важность устранения этих угроз на раннем этапе с охватом как можно большего числа регионов мира. Наконец Группа выделила задачу обеспечения развития как «необходимую основу системы коллективной безопасности, в которой серьезное внимание уделяется предотвращению»⁴.

¹ Военная энциклопедия. — М., 1999. — С. 166—167.

² Там же. С. 166.

³ См.: Док-т ООН А/59/565 и Corr. 1.

⁴ См.: Док-т ООН А/59/565, резюме, двенадцатый пункт.

Наиболее эффективным способом предотвращения вооруженных конфликтов в соседних государствах представляется снижение воздействия факторов риска их возникновения (повторения). Некоторые главные источники социальной напряженности могут быть устранены и устраняются на системном, глобальном уровне. Эти меры могут включать, например, международные усилия РФ, направленные на регулирование торговли ресурсами, способными подпитывать конфликт, такими, например, как драгоценные металлы, лес и проч.; попытки сдерживать незаконный оборот стрелкового оружия и легких вооружений и распространение ядерного, химического и биологического оружия; усилия, направленные на борьбу с выращиванием наркотических средств, оборотом наркотиков и наркоманией; меры борьбы с ВИЧ/СПИДом; шаги, направленные на снижение деградации окружающей среды с ее экономическими и политическими последствиями. Многие из этих мер предусматривают создание международной и национальной нормативно-правовой базы.

Многие инициативы, предпринимаемые на системном уровне, требуют принятия национальными правительствами дополнительных мер, направленных на решение конкретных проблем. Оказывать помощь бывшим союзным государствам призван широкий круг международных организаций с участием России и самих постсоветских стран. Для того, чтобы добиться улучшения в деле укрепления безопасности данных стран, следует реально усилить потенциал международных институтов, прежде всего ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС, межправительственных и неправительственных организаций в области превентивной дипломатии и посредничества.

Структурные меры по устранению источников напряженности на уровне отдельных стран предполагают принятие мер по оптимизации структуры государственного управления. Многие вооруженные конфликты обусловлены тем, что органы государственного управления и государственные административные системы постсоветских государств, политические институты и практика не способны решать возникающие проблемы. Это особенно проявляется в тех случаях, когда государственная политика не реагирует, преднамеренно или непреднамеренно, адекватным образом на социальные, экономические и политические потребности страны. Горизонтальное неравенство, которое обусловлено или может быть обусловлено неэффективностью государственного управления,

зачастую ведет к вспышке конфликта, который может вылиться в разгул насилия. В таких случаях значительную помощь странам постсоветского пространства может оказать Россия, прежде всего путем разработки программ по укреплению органов государственного управления и созданию надлежащих институтов. Такая помощь может предусматривать оказание поддержки в налаживании эффективной системы экономического управления, а также в осуществлении более традиционных программ укрепления органов политического управления, поддержке реализации программ в области развития, которые направлены на снижение структурных факторов риска, подпитывающих вооруженные конфликты, и укрепление потенциала стран в области устранения причин напряженности.

Оперативные меры по устранению источников напряженности должны быть направлены на реагирование органов государственной власти РФ в случаях непосредственной эскалации напряженности на постсоветском пространстве, приобретающей явную тенденцию к переходу в вооруженное противостояние.

В современных условиях меры по разрешению вооруженных конфликтов на территории стран ближнего зарубежья необходимо понимать не столько как использование армейских контингентов, сколько как активное участие политиков, конфликтологов, экономистов, специалистов по использованию СМИ, социологов и других субъектов. Как показали события августа 2008 года в Южной Осетии, использование Вооруженных сил России и средств огневого поражения на территориях суверенных государств постсоветского пространства, даже в ответ на просьбу одной из противоборствующих сторон, является крайней и нежелательной мерой в условиях потенциальной опасности втягивания в вооруженный конфликт силовой структуры НАТО, а также крайне негативной реакции со стороны мирового сообщества. Отсюда разработка комплекса невоенных мер реагирования выступает важной научной и прикладной проблемой органов государственного и военного управления РФ.

Оперативный аспект превентивной деятельности открывает различные возможности, которыми могут воспользоваться страны, желающие получить помощь в области предотвращения конфликта, которая позволит им отойти от края пропасти. Российской Федерации в первую очередь следует предлагать посреднические услуги противостоя-

щим сторонам для устранения источников напряженности и трения в обществе, в идеальном случае до перерастания конфликта в разгул насилия. Под добрыми услугами можно понимать любую дипломатическую инициативу, предпринятую РФ, действующей в качестве справедливого посредника и выступающего в качестве канала связи между сторонами в споре.

Предотвращению вспышки или возобновления вооруженного конфликта может также способствовать своевременное принятие мер по оказанию гуманитарной помощи. В частности, важную роль в стабилизации шаткой обстановки могут играть меры по решению проблемы продовольственной безопасности и смежных проблем, связанных с неурожаем и нехваткой ресурсов. Кроме того, информация, получаемая по линии систем раннего предупреждения о надвигающихся эпидемиях и о наступлении других гуманитарных кризисов, может служить основой для определения опасности возможного ухудшения политической обстановки. В целях обеспечения условий для решения задач предотвращения конфликтов можно предложить создать в РФ Центральный фонд чрезвычайного реагирования, который можно использовать для экстренного оказания гуманитарной помощи, позволяя тем самым более тесно увязать программы оказания гуманитарной помощи и программы содействия развитию постсоветских государств.

Особое место в мире в решении вопросов предотвращения попыток сторон решить свои разногласия вооруженным путем, занимает превентивная дипломатия. В рамках данной формы превентивной деятельности международное сообщество добилось значительных успехов в области предотвращения. Представляется, что Российская Федерация еще недостаточно использует этот инструмент на постсоветском пространстве. Превентивная дипломатия и посредничество являются важнейшим условием предупредительной деятельности. Следует отметить, что усилия по предотвращению вспышек насилия внутри независимых государств требуются существенно по иным направлениям, нежели усилия по предотвращению войн между государствами, поскольку этим усилиям часто мешает нежелание государств допустить, чтобы их внутренние дела стали объектом внимания иных, даже ранее близких стран. Однако несомненно Российской Федерации необходимо приложить большие усилия в этой области, которые выражались бы, в частности, в назначении умелых, опытных и известных во всем регионе посланников,

посредников и специальных представителей, которые могут внести в предотвращение конфликтов такой же важный вклад, какой они вносят в улаживание конфликтов.

По существующим ныне взглядам составным элементом превентивной дипломатии является превентивное развертывание войск (сил) (англ. preventive deployment) по поддержанию мира или миротворческих сил (ООН или региональных организаций, в частности ОДКБ) в зоне потенциального конфликта. Несомненно, в ситуациях, когда нарастает напряженность, своевременное развертывание миротворческих сил может успокоить стороны, стремящиеся к мирному урегулированию конфликта, и сдержать потенциальных агрессоров. В то же время следует учитывать, что последние зачастую используют все возможные средства для дискредитации либо военнослужащих, выполняющих миротворческие миссии, либо государства, активно участвующие в выполнении миротворческих функций.

Таким образом, Российская Федерация, определяя свою политику в ближнем зарубежье, должна опираться на философию предотвращения вооруженных конфликтов как актуальной угрозы военной безопасности своей и союзников. Минимизация точек напряжения у границ Российской Федерации непосредственно влияет на стабильность в национальных республиках самой России. Практическая деятельность Российской Федерации по предотвращению вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве должна осуществляться органами государственного управления на различных уровнях и иметь конечной целью создание инфраструктуры безопасности вблизи ее рубежей.

РОССИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ХОДЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

О.Н. Забузов,

Ассоциация военных политологов

Информационное пространство для социума является важным элементом, поскольку в нем с помощью информации обеспечивается воспроизводимость и внутренняя связность общества. В то же время вполне очевидно, что любая социальная информация, какое бы важное содержание она в

себе не несла, сама по себе может не иметь социального значения, если не будет доведена до какого-либо потребителя. Ведущая роль в современном информационном пространстве остается за традиционными средствами массовой информации как наиболее развитым и укорененным элементом общественной и политической системы, обеспечивающим процессы социализации личности, формирования политического сознания и культуры индивида и общества, их политическую психологию и идеологию. Все более значимым становится влияние Интернета.

Так как же Россия действовала в информационном пространстве в ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии? Сейчас мало кто вспомнит, что осетины, единственный ираноязычный и православный народ Северного Кавказа, разделены Кавказским хребтом и имели в советское время две автономии — автономную республику в РСФСР и автономную область в Грузии¹.

В начале 90-х годов осетинский народ был вовлечен сразу в два серьезных национально-территориальных конфликта. Северная Осетия была втянута в спор с ингушами Пригородного района. Южная Осетия отстаивала свою независимость от Грузии. Если С. Осетия конфликт с ингушами разрешила, то вот Ю. Осетия так и находилась в перманентно-текущем состоянии конфронтации с Грузией.

Если первый конфликт удалось свести на нет, то конфликт в Южной Осетии вышел в фазу вооруженного конфликта, приобретя черты геноцида югоосетинского народа и гуманитарной катастрофы.

События в ночь с 7 на 8 августа 2008 года в Ю. Осетии изменили не только отношения между двумя народами, отношения в целом регионе, но и мире тоже. Грузинское политическое и военное руководство, используя информационный занавес открытия летних Олимпийских игр в Китае, попыталось решить «проблему» Ю. Осетии военным способом.

Действия России в информационном пространстве в связи с прошедшим конфликтом проанализируем исходя из следующего:

1. Информационная деятельность России на этапе начала грузинской агрессии, до момента ввода российских войск.

2. Информационная деятельность России на этапе ввода российских войск и завершении операции по принуждению к миру.

3. Заключительный этап, охватывающий информационную деятельность России в информационном пространстве в заключительной части операции и по настоящее время.

Сложно судить, имелась ли информация у руководства России о готовящейся агрессии со стороны Грузии. Но можно утверждать о явном провале действий России в информационном пространстве на начальном этапе конфликта.

На этом этапе слабость позиций и действий России в инфопространстве предопределила такой результат, что еще до начала боевых действий общественное мнение стран Европы и США было готово признать Россию агрессором. Стоит отметить, что высшие политические деятели ряда зарубежных стран фактически оказывали всяческую поддержку руководству Грузии, в том числе и информационную.

К примеру, нет ничего удивительного в том, что та же Ангела Меркель «не нуждается» в доказательствах грузинской агрессии против Южной Осетии и преступлений против человечности, совершенных грузинскими солдатами в развязанном ими геноциде против осетинского народа. Думается, что она искренне уверена — Тбилиси действовал «как надо — ликвидировал банды преступников и сепаратистов», а вот Москва — «непропорционально применила вооруженную силу». Убежденность Меркель в «неподобающем поведении России» видна по тому, с каким чувством и воодушевлением она жала руку Михаилу Саакашвили на встрече, состоявшейся уже после беседы с российским президентом¹.

Не думаю, что основной информационный поток о событиях на Кавказе канцлер Германии, или любой другой политик такого же ранга, получает в основном из СМИ. В этом варианте событий стоит расценивать действия западных стран как исключительно поддержку режима Саакашвили, вне зависимости от сложившейся информационной картины событий.

Следует отметить и оценку событий на Кавказе общественностью отдельных стран. Сегодня, когда телевидение, Интернет и СМИ стали действительно «массово доступны», значительная часть населения развитых стран мира — в основном в возрасте до 35—45 лет — всецело зависят от них и именно на их основе формируют свое мнение и отношение к тем или иным событиям. Это обще-

¹ Республика Северная Осетия — Алания // <http://www.carnegie.ru>.

¹ Щербakov В. Спецпропаганда отсиделась в кустах. Минобороны проиграло информационную войну // Независимое военное обозрение. — 2008. — 22 августа.

известный факт, за которым, впрочем, кроется факт иной, незаметный: эти люди составляют основной «костяк» избирателей в таких странах и принадлежат к тем, кто принимает или готовит основные решения. Последние же принимаются как раз на основе полученной информации и сформированного отношения к тем или иным событиям.

Как только началась операция в Южной Осетии, армия и правительство Грузии, а также «покровители» Тбилиси не преминули развернуть настоящую информационную войну, противопоставить которой в первое время Москва вообще ничего не смогла.

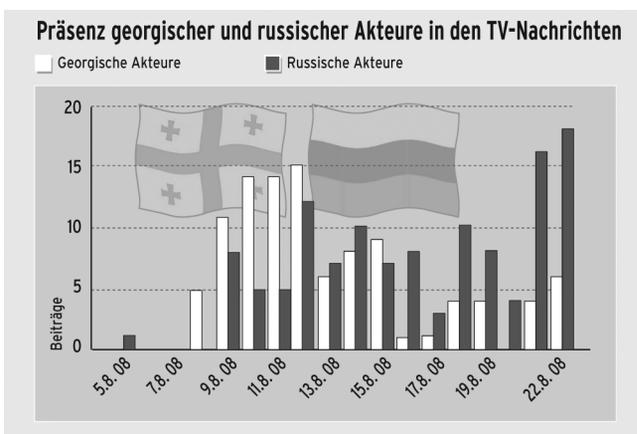
Например, после ввода дополнительного контингента российских войск в зону конфликта интернет-сайты и всевозможные «блоги» буквально «взорвались» возмущенными сообщениями, осуждавшими «агрессию имперской тоталитарной России против маленькой свободолюбивой Грузии», которая-де не просто восстанавливает свою территориальную целостность, а еще и защищает южные рубежи РФ от «террористов и бандитов». Причем такие слова подавались не только от имени россиян, живущих за границей, но и от имени наших граждан, проживающих на территории России. (Об иностранных же авторах и говорить не приходится.)

Были ли это реальные авторы или же умело законспирированные «солдаты» информационной войны, определить достаточно сложно. Но почему у них на поводу пошли те отечественные СМИ, материалы которых в ходе «пятидневной войны» носили откровенно или почти откровенно антироссийскую направленность?¹ А таких оказалось немало, в основном этим «грешили» он-лайн СМИ, имеющие впрочем, намного большую доступность, а потому оказывающие больший информационный эффект, чем их более старшие печатные «собратья»².

В октябрьском номере журнала бундесвера, название которого содержит лишь одну букву (У.), приведен график, показывающий представленность грузинских и российских акторов в немецких теленовостях в период с 5 по 22 августа 2008 г.

График составлен немецкими специалистами по результатам мониторинга 1765 сообщений, прошедших на 5 каналах. Белым цветом обозначены грузинские акторы, красным — российские. Думается, что результаты присутствия/доминирования в информационном пространстве Германии представлены в достаточно наглядной форме.

Как можно прокомментировать эти данные? Вне всяких сомнений грузинская сторона изначально была в более выгодных условиях по присутствию в информационном пространстве. Характерно, что 7—8 августа никакой информации от российской стороны в немецких СМИ не было, хотя велись активные боевые действия, связанные с многочисленными жертвами.

Basis: 1765 Beiträge in 5 deutschen TV-Nachrichten

Quelle: Media Tenor (5. - 22.8.2008)

© V. VECTUR

Рис. 1. Присутствие грузинских и российских информационных акторов в немецком информационном пространстве

Возникает вопрос, сколько времени нужно на формирование достойного/соответствующего присутствия в информационном пространстве России? Заметим также, что все пятидневное противостояние на немецком информационном поле было исключительно за грузинской стороной. А если, к примеру, в информационную компанию по захвату информационного пространства подключился бы небезызвестный М. Удугов? Напомним, что в период борьбы с бандитским формированием в первую чеченскую компанию (1994—1996 гг.) деятельность идеолога чеченских боевиков заставила изменить взгляды руководства российского государства на проведение информационных операций¹. В результате существенно трансформиро-

¹ ООН обвиняет Россию в агрессии против Грузии // <http://www.runewsweek.ru/news/country/21852>; Посол США на Украине обвинил Россию в агрессии против Грузии и похвалил Ющенко с Тимошенко // <http://www.nr2.ru/crimea/192653.html>; Милибэнд обвинил Россию в агрессии против Грузии // http://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/08/13/n_1256343.shtml; Россия может начать новую агрессию против Грузии // <http://novosti.dn.ua/details/67629>, и др.

² Шербakov В. Спецпропаганда отсиделась в кустах. Минобороны проиграло информационную войну // Независимое военное обозрение. — 2008. — 22 августа.

¹ В короткие сроки М. Удуговым в Интернете была создана разветвленная информационная структура, устойчивая к раз-

вались формы и методы информационной деятельности Минобороны, других силовых ведомств России и органов государственной власти¹.

Как известно, в настоящее время руководство Минобороны России намерено значительно сократить численность Вооруженных Сил, модернизировав их организационно-штатную структуру, добившись более иерархичной организации. Не является секретом и то, что некоторые виды и рода войск Вооруженных Сил, структуры обеспечения сокращаются в разы.

Но ведь еще древними мыслителями подмечено, что войны идут в головах людей, а главными жертвами становится именно мирное население. Учитывая, что современные войны нацелены на завоевание господства в любой сфере жизни, в том числе и информационной². В этих условиях представляется неоправданным тотальное сокращение информационных структур Минобороны России. Вооруженный же конфликт в Ю. Осетии показал, что успех на поле боя еще не есть успех в информационном пространстве. Огромная сила воздействия, которой обладают СМИ, была по достоинству оценена известными историческими фигурами прошлого задолго до наступления информационной эпохи. Например, Наполеон Бонапарт, осознавая потенциал воздействия СМИ на общество, говорил: «Четыре газеты могут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия»³.

Стоит задаться вопросом, что было сделано, к примеру, Министерством обороны, как одним из главных участников миротворческой операции? Проведенный автором анализ публикаций на официальном сайте Минобороны — www.mil.ru, показал следующую картину.

Апогей присутствия информационных материалов о ходе вооруженного конфликта в Ю. Осетии на сайте Минобороны мы можем наблюдать 9 августа, это и понятно, нормальная информационная динамика, отражающая развитие событий. Но, потом почему-то пошел явный спад. Хотя при та-

ком достаточно успешном развитии военных действий, информационный поток должен нарастать.

Отдельно стоит назвать 17 и 24 августа, здесь явные провалы, при простой работе с календарем становится ясно, что эти дни были воскресными. Война войной, а обед...

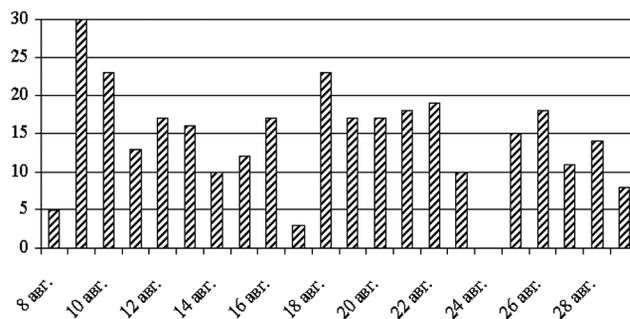

Рис. 2. Динамика размещения информационных материалов о ситуации в Ю. Осетии на сайте Минобороны России (www.mil.ru)

В целом же вооруженный конфликт показал, что в начальный период боевых действий, наблюдался явный провал в информационной деятельности со стороны России. Минобороны, непосредственно организовавший эту операцию, проявило себя далеко не активно.

Этому можно найти несколько обоснований. Или в Минобороны вообще не знали о готовящемся вторжении, и структуры органов информационного обеспечения Вооруженных Сил долго «раскачивались». Либо же имелась информация о планах грузинского руководства, а Минобороны пустило все на самотек, как обычно, не придав этому должного значения. Вместе с тем отрицательный опыт отсутствия информационного обеспечения боевых действий у МО РФ имелся (красноречивый пример — Чечня). Не стоит списывать со счетов и положительный опыт США: Югославия, Ирак, Босния, перед началом и вовремя проводимых операций на территории этих стран, американское руководство активно вело информационную работу. Обеспечивая себе тем самым доминирование в информационном пространстве.

Вооруженный конфликт еще раз показал, что без должного информационного обеспечения своих действий органами государственной власти, или, в нашем случае, Минобороны России, достичь успеха за короткий срок почти невозможно. Благо то, что для России вооруженный конфликт скоротечным и победоносным. В противном случае информационная машина, запущенная Саа-

личным компьютерным сбоям и вмешательствам извне. Также им были сделаны конкретные шаги по переводу ряда электронных изданий в печатные версии. См., например: М. Удугов планирует организовать выпуск печатной версии своего интернет-сайта // www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/542498.html.

¹ См., об этом подробнее: Организация информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации / Под ред. И.У. Байчурина, В.И. Марченкова. — М.: Воентехиниздат, 2007. — С. 66—67.

² Рог В.Г. Характерные черты современных войн // Независимое военное обозрение. — 2007. — 7 июля.

³ Цит. по: Бундина А. Средства массовой информации в современном обществе // <http://www.fsk.ru/may/tema/index.htm>.

кашвили, при явной поддержке со стороны ведущих мировых держав могла бы серьезно ухудшить имидж России в глазах мировой общественности и отдельных иностранных граждан. Глава фонда «Эффективная политика» Глеб Павловский уверен, что негативное освещение военной операции России на Северном Кавказе отражает изменившуюся роль страны в мире: «Мы сами не сознаем, насколько мы новое государство, которое не вписывается в старую систему представлений о нас на Западе». Политолог отмечает, что речь сегодня не идет об обычной информационной войне, в которой стороны обмениваются пропагандистскими и контрпропагандистскими ударами, а о своеобразном антироссийском расизме. В этой области, утверждает эксперт, явно доминируют западные СМИ в силу своей глобальности. Павловский пеняет мидовской неповоротливости, напоминая: «Российские обвинения в этнических чистках и геноциде были тут же скопированы воюющей Грузией, которая различила в этом потенциал политического действия, и немедленно — уже от грузинской стороны — в виде правильно поставленных бумаг отправлены в европейские судебные инстанции. И уже в начале сентября они будут рассматриваться. А у нас МИД и Минюст повторяют все те же формулы, но никто не потрудился составить простейшие бумаги»¹.

Сокращения военнослужащих в Вооруженных силах РФ, вне всяких сомнений коснулись и информационных структур Минобороны России, свидетели тому мы все. Естественно, такие сокращения не проходят бесследно для армии, а особенно современной, какую мы хотим построить.

Останавливаясь на том тезисе, что современные вооруженные силы без должного информационного обеспечения окажутся в заведомо проигрышном положении. Быть может, следует подумать о целесообразности тотального сокращения офицеров-специалистов в информационных структурах Минобороны России. Если уж их и сокращать, то лучше заменить квалифицированными гражданскими специалистами. Естественно для гражданских специалистов не потребуется столько социальных льгот и гарантий как для военнослужащих, но гражданским специалистам, чтобы их заинтересовать работой в Министерстве обороны РФ, придется платить на соответствующем уровне.

Отметим, что относительный успех по освещению вооруженного конфликта в Ю. Осетии внутри информационного пространства России руководство страны и Минобороны имело¹. Успех по разъяснению сложившейся ситуации зарубежной общественности может быть признан лишь отчасти. Хотя отдельные островки успеха в зарубежном информационном пространстве были. В частности испанские блогеры во многом были на стороне РФ².

А вообще-то, для того чтобы успешно действовать в информационном пространстве, необходимо осознавать, что без должного информационного обеспечения своих действий успеха не видать! Вооруженный конфликт в Ю. Осетии еще раз тому подтверждение. Без развития информационных структур в Министерстве обороны РФ, без осознания важности их функционирования, поддержки среди населения, как внутри страны, так и за пределами будет достичь достаточно тяжело.

¹ Подробнее: Яковлева А. Население «мобилизовалось» вокруг власти // Независимая газета. — 2008. — 19 августа.

² См. подробнее: Кобо Х. Испанские блогеры на стороне России // Независимая газета. — 2008. — 3 сентября.

¹ См.: Самарина А. Девочка и шоумен // Независимая газета. — 2008. — 18 августа.

Редакционно-издательская группа:
А.А. Касатов, А.П. Воронцов,
В.И. Синюков, И.В. Филимонов

Подписано в печать 29.12.2008 г. Гарнитура «Ньютон». Формат 60x84/8. Объем 12,0 печ. л. Тираж 1500 экз.

Отпечатано в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, г. Подольск, Ревпроспект, д. 80/42